

A romantic couple is shown in profile, about to kiss. They are in a snowy environment at night, with warm, out-of-focus lights in the background. The man is on the right, wearing a dark jacket, and the woman is on the left, wearing a light-colored coat. Snowflakes are falling around them, creating a soft, atmospheric effect.

Стефания Романова

ТОЛЬКО С ТОБОЙ

Стефания Романова

Только с тобой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70256287

SelfPub; 2024

Аннотация

Рио – Рита, Рио – Рита, вертится фокстрот, на площадке танцевальной ...Они повстречались на новогоднем балу. На пороге стоял страшный 1941 год. Мелодия Рио – Рита пела о любви, проникая в самую душу, зацепляя корешки головного мозга, пробирая до косточек. Он обхватил ее тонкий стан, взял в руку нежную атласную ручку, а она улыбнулась ему так близко. Его бросило в жар от восхищения. Закружились в танце. Он не мог отстраниться от нее и после танца, все держал в объятиях. Она засмеялась, две ямочки тут же выскользнули из алых щечек девушки. Как же она любила этого мужчину, так ласково смотревшего на нее влюбленными глазами. Все его существо кричало «люблю», а сердце шептало «люблю». Но их разлучили злые языки, а потом война, искалечившая тело солдата. Что ждет комсорга Владимира Черноглазова и студентку Лизу Синеглазову. Поживем – увидим. От автора: Добро пожаловать в добрую искреннюю историю. Не забывайте сохранять книгу в библиотеку, чтобы не потерять

Стефания Романова

Только с тобой

Пролог

Владимир с утра был на Павелецком вокзале. В прокуренном кабинете начальника станции собрались руководители Курского и Казанского вокзалов, решали вопрос по обмену железнодорожными вагонами, их была постоянная нехватка, эшелоны по пути следования бомбили и на вокзалы возвращались только обгоревшие платформы. Собравшихся отвлекли крики и шум во дворе.

– На автомобильном пожар, – ворвалась в кабинет бледная секретарша, держа в руках пальто и платок. – Я побегу, у меня там сестра на смене. Побегу, – и умчалась стремительно. Владимир с ужасом вскочил и бросился к выходу, нога не слушалась, мешала идти сильная боль в спине. Он еле как доковылял до своего автомобиля, водителя не было в кабине, стал сигналить без остановки, тот откуда-то выскочил, поехали на Автозаводскую. Здесь недалеко. Дорога к заводу была перекрыта пожарными машинами. Владимир выскочил из машины и бросился вперед. «Быстрее, быстрее черт побери, быстрее», – приказывал себе. Пошел быстрее, попытался побежать. Упал. Сильная боль пронзила тело. Перевернулся на спину, попытался подняться – не

смог. Лежал на спине, смотрел на голубое небо, такое величественное. Кто-то поднял его и усадил возле стены. Сидел так, прислонившись к стене, неизвестно сколько времени. Кругом были мертвая тишина и бездна. Ничего не чувствовал. . . Вдруг стали появляться отдаленные звуки, потом ближе, ближе, появились очертания, вспомнил, что произошло, поднялся шатаясь, держась за стену. Пошел, пошел, побежал, как мог, волоча ногу. Добежал до завода, кругом люди бегают, пожарные бригады, кареты скорой помощи, стал растеряно озираться. Его окликнул знакомый голос: «Володя, Володя». Обернулся, Лиза бежала к нему. Застонал. Лиза подбежала, увидев его напуганного, бледного, в грязном пальто, испугалась, обняла.

– Что с тобой? Я на завод не успела зайти до пожара, со мной все в порядке, – тихо успокоила она его. – Все в порядке видишь.

Он стоял слегка согнувшись, истерзанный болью и страхом за любимую Лизу, молчал и только слеза стекала к уху. Лиза перепугалась совсем.

– Ну что с тобой, пойдем потихоньку, со мной же все в порядке.

Нужно было как-то довести Владимира до дома, у него не было сил идти. Лиза остановила проезжавший мимо грузовик, попросила водителя, тот согласился, усадили Владимира и поехали. Она решила сразу, что отвезет его на Земляной Вал. Ему же было совсем плохо: бледный, как полотно,

воспаленные глаза горели, согнулся весь от боли и не произносил ни слова. Она уверенно помогла ему подняться на второй этаж, вызвала врача, позвонила на железную дорогу, предупредила, что Владимиру нездоровится.

Доктор осмотрел Владимира – сильнейший стресс и болевой шок, сделал уколы снотворного и успокоительного.

– Побудьте с ним, ему нужны тепло и ласка, и путь поспит подольше, что еще тут посоветуешь, – устало сказал врач и молча пошел к двери не прощаясь. Лиза сидела рядом с кроватью и плакала: «Зачем все это происходит с нами?». Владимир проспал до утра, открыл глаза, смотрел какое-то время в потолок, вспомнил что случилось, привстал быстро. Лиза сидела рядом, улыбалась и весело сообщила: «Доброе утро, я чай приготовила». Пил чай, смотрел на нее ласково. «Я люблю тебя», – говорили его глаза. «Я умру без тебя».

Глава 1

В центральном Доме культуры железнодорожников на Каланчевской набережной намечался новогодний бал-маскарад, встреча наступающего 1941 года. Студенты педагогического института иностранных языков, театрального училища имени Щукина, активисты и ударники – железнодорожники стекались на праздник.

Уже больше недели в фойе институтов висели огромные красочные плакаты – афиши, приглашающие студентов на встречу нового года и сообщали:

«31 декабря 1940 года

Большой Новогодний концерт!

В программе: комические сценки, конкурс чтецов, веселые песни.

Новогодний бал. Танцы до 4 часов утра.

Духовой оркестр, баян, радиола. буфет.

В фойе новогодняя ЕЛКА. Бой курантов, конфетти, серпантин, за лучший костюм и за лучшее исполнение вальса – призы.

Начало в 9 часов 30 минут вечера.

Цены билетов: от 10 до 8 рублей, в масках – 5 рублей.

Билеты продаются в кассах дома культуры. Касса открыта с 12 часов дня до 12 часов ночи».

Дом культуры железнодорожников студенческая молодежь Москвы очень любила. Нередко бывали здесь на встречах с писателями и артистами, на спектаклях. Красивое строение, имеющее форму четверти круга, примыкало к Казанскому вокзалу. Клуб был выстроен с учетом всех технических и строительных новшеств: зеркальные окна, паровое отопление, шахматы с часами, сплошные фасадные стекла, рубиновые подвески на люстрах и бра, библиотека, шахматный клуб и бильярдная. Двухэтажный театральный зал состоял из партера и балконного яруса, выступающего далеко вперед, с вертящейся сценой и рядами сидений, обтянутыми красным теплым бархатом. Зал хорошо освещался: имел два яруса окон, вечером строение освещали величественные бронзовые люстры с плафонами. Внешний облик клуба

подчинили стилистике Казанского вокзала. Фасад украшали гребешки в стиле барокко. На фасаде выступала надпись – барельеф Центральный Дом Культуры Железнодорожников.

Лиза с подругами встретились у Дома культуры в девять часов вечера. Строение освещали сотни огней, гремела музыка. На фасаде здания светилась вывеска: 1941 год. С Новым Советским Счастливым Годом!

В фойе стояла высокая елка, богато оформленная стеклянными бусами и гирляндами, шарами, флажками, разноцветными фонариками, играл духовой оркестр, из зала в зал бегали нарядно одетые взволнованные веселые девушки и ребята. От расцветок платьев пестрило в глазах, от веселых улыбок поднималось настроение.

Лиза не часто ходила на вечера. Но на новогодний вечер пошла с подругами, ведь Новый год – этот праздник все любили. Глазки ее светились от радости, щечки покраснелись от волнения – ведь в эти волшебные дни все ожидают чуда, и она ожидала, конечно.

Владимир пошел на праздник, как приглашенный гость. Он работал в Московском комитете комсомола в отделе по работе с молодежью и комсомольцами промышленности и транспорта. На казанском вокзале он бывал часто, и его пригласили на праздник, как почетного гостя. Его душа пела с утра, и он напевал вслух одну и ту же навязчивую мелодию, глядя брюки и рубашку. К восьми часам за ним должна была приехать машина, он не любил, когда его ждали, поэто-

му стал принаряжаться заранее. Шерстяной синий костюм в почти незаметную полоску он еще ни разу не надевал, купил его в ЦУМе месяц назад. «Как знал, что пойду на танцы», – иронично подумал Владимир. Костюм был сшит словно на него. Широкоплечему, высокому и худощавому не так-то легко было найти себе одежду по размеру. Элегантный костюм, белоснежная рубашка, галстук с геометрическим рисунком зеленого и коричневого цветов, выбрился до блеска, красиво зачесал волосы, вставил в карман пиджака белый носовой платок, вытянул испод рукавов белоснежные манжеты. Черные кожаные туфли и массивные армейские часы добавили ему шику. «Готов, думаю», – решил Владимир, осмотрев себя всего в зеркало, и пошел одевать пальто. Автомобиль ожидал его у дома. Попросил ехать медленно, нужно было скоротать время и приехать к Дому культуры желательнее к началу вечера. Ехали медленно, любовались праздничным городом.

В Москве уже второй день трещали тридцатиградусные морозы. Но народу на улицах было много, гуляли группами, парочками, смеялись, пели и танцевали. Москва светилась огнями, продавцы сладостей громко зазывали покупателей, известные учреждения и конторы украшали большие елки. Атмосфера Москвы была пропитана предвкушением волшебства.

Владимир приехал в Дом культуры в десятом часу. Переходил из одного зала в другой, разыскивая глазами кого-ни-

будь из знакомых.

В одном из переходов прошел мимо красивой студентки. «Какая девушка милая», – пронеслось в голове. Обернулся, подумал: «Какая изящная!». Она тоже обернулась...

Заходя в зал за подругами, Лиза прошла мимо Владимира, как-то неожиданно внимательно рассмотрев его за минуту: высокий, голубые глаза, слегла припухлые и ласковый взгляд. Она обернулась, посмотреть не обернулся ли он – обернулся.

Владимир, не найдя ни одного знакомого, пошел в зал, должен был начаться новогодний концерт. Студенты театрального училища, взволнованные бегали на сцену и со сцены, таскали реквизиты. Зал заполнялся зрителями, гомоном, смехом. Владимир смотрел на входную дверь. Лиза с подругами зашли, стали искать себе свободные места и пошли в сторону Владимира, места оказались на соседнем ряду сзади. Ему было неудобно так сидеть, нужно было оборачиваться, чтобы смотреть на девушек.

Концерт начался. Железнодорожники открыли праздник стихами о любви. Удивительно читали: лирично, грустно и нежно и все почему-то о несчастной любви. Потом веселый баянист машинист паровоза – ударник лихо наигрывал народные мелодии, русскую плясовую, виртуозно, пальцы просто летали по клавишам.

– Приз, приз, – кричали студенты из зала. Ведущий вынес красивую фетровую шляпу мышиного цвета. Зал зааплоди-

ровал.

Наступила небольшая заминка – будущие артисты достраивали декорации. Владимир несколько раз повернулся в сторону интересовавших его девушек. Лиза сразу заметила его в зале и тоже наблюдала за ним. Занавес открылся и под аплодисменты началось представление. Сценка была о студентке, которая плохо подготовилась к экзамену. Взяв билет, страдалица пошла на место, указанное преподавателем, готовиться. Ее карманы были набиты шпаргалки, она никак не могла в этой куче найти ответ на свой билет. Зрители улыбались, кое-то хихикал – получалось смешно. Тут оказалось, что у нее руки и ноги исписаны ответами и она пыталась там найти ответ – зрители начали в голос смеяться. Когда она развязала бантики на косичках и на них стала искать нужный ответ – зал захохотал. Когда же она сняла ботинок и на подошве стала искать ответ – зал ревел от восторга. Когда она стала искать шпаргалку за воротником впрямь сидевшего студента, все просто попадали со смеху со своих мест. Это и вправду было смешно и талантливо сыграно.

Потом была сценка о том, как студенты, влюбленные безумно, прятались друг от друга, увидев любимого бежали сломя голову, пробивая стены, выбивая двери, выпрыгивая из окон. Зрители взрывались смехом вперемешку с досадой. Раздражение зрителей росло и вот влюбленные случайно оказались друг перед другом, мгновение – и объятие. Аплодисменты, возгласы: «Браво, браво!» Все были в восторге

от театрализованной части новогоднего представления.

– Танцы, танцы, танцы! – прокричал ведущий и молодежь радостно с шумом стала выбегать из зрительного зала в фойе, там уже играл оркестр, начали кружиться в вальсе первые пары. Кругом взрывались шумные хлопушки, засыпая пол мелкими конфетти, в толпу летел разноцветный серпантин.

Владимир нашел Лизу и пошел было пригласить ее на танец, как прямо перед ним к ней подбежал студент, схватил ее за руку, и они закружили в танце, смеясь. Владимир раздраженно стал у стены наблюдать.

Закончилась музыка, все пошли к своим местам. Оркестр заиграл вальс номер два Шостаковича, молодежь зааплодировала и снова все стали разбираться по парам. Тут Владимир уже стоял перед Лизой и предлагал ей потанцевать. Она согласилась, пошли в круг. Музыка лилась из оркестровой ямы, хотелось кружиться со всей силы, но места было мало, все вышли на площадку.

Владимир танцевал хорошо. Учась в школе рабочей молодежи, он с удовольствием посещал кружок искусств, так его называли. Учеников обучали танцевать вальс и фокстрот, водили по музеям и художественным галереям, в Ленинскую библиотеку, такую волшебную, пропитанную не только запахом книг и старинной мебели, но и историей, наукой, нежной прозой и захватывающими стихами.

Лиза танцевала превосходно. Ножки ее в красивых лако-

вых лодочках легко скользили над паркетом. Владимир обхватил ее тонкий стан, взял в руку нежную атласную ручку, а она улыбнулась ему так близко. Владимира бросило в жар от восхищения. Закружились в танце. Лиза не сводила взгляда с молодого человека, восхищенно замечая: высокий, широкоплечий, густые русые волосы зачесаны назад, белолицый с аккуратным носом, густыми бровями, нависающими над небольшими голубыми глазами, скуластый, тонкие губы немного кривились в одну сторону при улыбке, открывая белоснежные зубы с малюсенькой щербинкой. Широкий лоб морщинился, когда он вскидывал взгляд.

Он не мог отстраниться от нее и после танца, все держал ее в объятиях. Лиза засмеялась, две ямочки тут же выскользнули из алых щечек девушки.

– Ух ты черт! – подумал про себя Владимир и, покраснев, отпустил ее. Лиза тут же быстро пошла в сторону подруг, Владимир пошел следом за ней, стал у стены недалеко. Оркестр дал танцующим небольшую паузу. Взволнованная молодежь носилась по клубу.

– Что им не стоитя на месте, – раздраженно подумал Владимир. Лиза с подругами тоже пошли в сторону буфета попить лимонаду. Владимир стал у стены напротив широко распахнутой двери и наблюдал за ними. Лизу сложно было не заметить: красивая, нежная, в ней было еще и другое: сдержанная, спокойная, негромко выражающая эмоции, одета она была вроде неброско, но выглядела с иголочки в

красивой одежде.

Она была очень привлекательна сегодня: в шерстяном платье нежно голубого цвета с воротником лодочкой, красиво открывающим шею, рукав три четверти был оторочен голубым кружевом, юбка солнце – клеш изящно доходила до икр, широкий пояс обхватывал тоненький стан девушки и завязывался бантом сзади, шею украшала ниточка натурального жемчуга, бросающая блики от новогодних огней на лицо Лизы. Изыщные голубые лодочки завершали восхитительный образ.

Лиза была одета всегда красиво. Двоюродная сестра ее матери Анна работала в Московском Доме моделей на Сретенке. Два раза в год в Доме моделей отшивались новые коллекции одежды в нескольких экземплярах для показа на подиумах и фотографирования в собственном журнале. Потом образцы эти разбирались модельерами, артистами, манекенщицами. Анна частенько приносила вещи сначала матери Лизы, потом и самой Лизе абсолютно бесплатно. В этом году она принесла несколько вещей, среди них нарядное платье нежно голубого цвета и красивое пальто из шерсти лазурного цвета с муфтой и шляпкой из искусственного меха под леопарда. От матери Лизе осталась каракулевая шубка, муфта и шляпка из белки.

Оркестр заиграл «Осенний лес». Владимир уже стоял перед Лизой и снова приглашал ее танцевать.

– Владимир, – представился он.

– Лиза, – представилась она, взглянула на него и покраснела. – Вы не студент точно?

– Нет, я приглашенный гость, – засмеялся он.

– А кто вас пригласил? – весело допытывалась девушка.

– Друзья, – не хотел он признаваться откуда пришел.

– Ну и как вам? Нравится вечер?

– Очень даже, – ответил он.

– И мне очень, очень нравится, – улыбаясь сказала Лиза.

Танец закончился быстро, как показалось им, поблагодарив друг друга, разошлись по своим местам.

– Ты знаешь кто это? – подбежала к Лизе однокурсница, – это Черноглазов из городского комитета комсомола, он у них второй секретарь.

– Из комитета комсомола, второй секретарь, – зачем-то повторила за ней Лиза.

– Дамы приглашают кавалеров, – весело оповестил ведущий. – Фокстрот!

Заиграла так полюбившаяся всем мелодия Рио Рита. Лиза несмело глянула в сторону Владимира, возле него стояла девушка.

Высокая, красивая, почти актриса, в шикарном платье, замысловатыми кудряшками на голове и смелым взглядом стала напротив Владимира.

– Танцуете? – уверенно спросила она.

– Танцуем, конечно, – ответил Владимир.

Лиза танцевала с веселым железнодорожником, который,

нарушив правила, пригласил ее на танец сам.

Этот плавный волшебный танец поднял и без того зашкаливающие эмоции молодежи. Мелодия Рио Рита пела о любви, проникая в самую душу, зацепляя корешки головного мозга, пробирая до косточек. Лиза не видела Владимира, красивая девица утащила, видимо, его в другую часть зала и ей стало грустно и одиноко и все вокруг потускнело. Закончив танцевать пошла к подругам, те шушукались, хихикали, кого-то высматривали, покрасневшиеся, с бешеными глазами, в общем, были в полной эйфории от происходящего. Лиза решила попрощаться и пойти домой.

Музыканты дули в свои трубы, заставляя ноги пускаться в пляс и провоцируя молодежь на безумства.

– Я Вас ищу, – услышала она знакомый голос за спиной.

Лиза обернулась.

– Спасибо, – почему – то поблагодарила она.

– Хотите выпить чего-нибудь, – предложил Владимир.

Пошли в буфет. Здесь было все: вино, портвейн, коктейли, сок, газировка.

– Я буду лимонад.

– Два лимонада, – заказал Владимир.

Стали у столика, здесь было свежо, не так шумно и не дымно, от взрывающихся хлопушек и бенгальских огней в фойе стоял синеватый дым.

Веселое настроение потихоньку возвращалось к Лизе, она заулыбалась.

– У вас очень красивая улыбка, – отметил Владимир. Улыбка у нее и вправду была красивая: искренняя, нежная, алые припухлые губки красивой формы во время улыбки открывали ряд небольших белоснежных зубов и эти две восхитительные ямочки, выскальзывающие из щечек, как только девушка начинала улыбаться. Владимир замороженно смотрел на Лизу, оторвать взгляда от нее он не мог.

Она танцевала с Владимиром еще два танца. Они почти не говорили, вернее поговорили немного об организации вечера, о смешных постановках и еще о чем-то.

– Десять, девять, – весело начал отсчет ведущий вечера.

– Восемь, семь, шесть, – подхватили сотни голосов, – пять, четыре, три, два. С Новым годом! С Новым Годом! – поздравляли собравшиеся друг друга.

– С Новым Годом! – Лиза весело смеясь, повернулась к Владимиру. – С Новым счастьем!

– С Новым Годом! – поздравил он ее. – Желаю всего чего пожелаете, – негромко добавил он. Оркестр заливал залы волшебными звуками, радостные поздравления летали в воздухе. Объятия друзей, смех, серпантин и конфетти, летевшие в лицо – все смешалось вокруг. Веселье продолжалось.

Вскоре Лиза засобиравшись домой, мачеха велела ей вернуться к часу ночи, предупредив, как всегда жестко, что закроет дверь квартиры ровно в час и спи тогда где хочешь.

Лиза прибежала домой веселая, разгоряченная, музыка

звучала в голове, хотелось танцевать. Она закружилась по комнате, упала на кровать, закрыла глаза руками. Из головы не выходил образ Владимира. «Какой он!» – восхищалась она. Она не была еще знакома ни с кем постарше нее, в основном она общалась со студентами своего курса. Владимир был старше, сдержанный, уверенный, да к тому же еще и красивый. Это очень забавно – голубоглазый комсорг по фамилии Черноглазов. Про такого трудно было не думать.

Владимир, увидел, как Лиза уходит с вечера, сначала хотел кинуться ее провожать, но потом передумал, побыл на вечере еще минут двадцать и тоже пошел домой. Он шел по морозной Москве, кутаясь в теплый шарф, и думал о ней. Она ему показалась совершенной: красивая, веселая, остроумная. Он сразу понял, что не сможет назавтра забыть ее, захотелось сейчас, в эту же минуту, все о ней узнать, захотелось окружить ее вниманием, заботой, прижать к себе, как в танце, такую теплую, нежную, смущающуюся.

Владимир еще ни разу не был влюблен. Вернее, его первой любовью была воспитатель детского сада – тоненькая девушка-практикантка. Его тогда тетка только привела в среднюю группу, он ее как увидел, так и влюбился. В сад он бежал бегом, не хотел уходить вовсе вечером – тетке это было на руку, потому что раньше семи вечера она никак не могла забирать его. Потом практика закончилась, он тосковал несколько недель – это он запомнил несмотря на возраст. Три года назад у него случайно завязались отношения с соседкой Ве-

рой, живущей двумя этажами выше. Случилось так, что она затопила двух нижних соседей. Вера суетилась, извинялась, собирала воду с полов, помогая Владимиру. На следующий день она заявила к Владимиру с пирожками и новыми извинениями. Пили чай, разговаривали. Через неделю она зашла еще раз, скромно спросив не нужна ли ее помощь, а потом стала заходить регулярно по субботам. Владимир держал свою связь с ней в секрете. Вера была учителем музыкальной школы, незамужняя, незаметная, доверчивая и послушная, смотрела на Владимира, как на божество. Но он не видел ее рядом с собой, то есть в жены он брать ее не собирался. Их встречи продолжались около года. Она никогда не снимала ночную рубашку в постели, во время близости не произносила ни звука, потом тихо лежала. Друзья Владимира рассказывали о горячих девушках, о сказочных отношениях, о безумной страсти. Он понимал, что такого Вера ему никогда не даст, да и сам он ее не любил. Он решил закончить свои затянувшиеся отношения. Самое интересное, что она также скромно ушла, как и пришла год назад, точно ее и не было вовсе. Больше у Владимира не было длительных отношений. Бывали короткие романы и случайные связи.

В прошлом году – это была поездка в Крым на слет молодежи. Его сразу же окружила вниманием молодая девушка спортивного телосложения. Она крутилась вокруг Владимира, громко разговаривала и еще громче смеялась. Потасила играть его в пляжный волейбол, отбивая мяч, каждый раз па-

дала на песок и говорила «черт». Ольга Соловьева – так звали девушку, получила путевку на слет от комитета комсомола троллейбусного парка Ленинграда. Она была водителем троллейбуса. Потом сидели полночи у костра, пели и слушали стихи. Владимир и не заметил, как оказался в ее номере. Горячие поцелуи и не менее горячий шёпот: «Я поеду с тобой» обжигали его шею и ухо. Она совершенно обнаженная бесстыдно лежала под ним, тянула его руки к своей груди и нижу живота, обхватив его бедра ногами, прикрепила к себе намертво, крепко, держа за шею, впивалась в его губы долгими поцелуями, не давая Владимиру вообще понять, что происходит и что делать дальше и шептала: «Люби меня». Он хотел убежать от этих бесстыдных ласк. Владимир ушел от нее уставший, недовольный и злой. На следующий день Ольга уже совсем по-хозяйски заняла ему место в столовой, принесла ему еды на свой выбор. Потом вбежав в его номер, забрала рубашку постирать. «Еще немного и начнет деньги забирать», – подумал иронично Владимир. Он испугался – связи подобного рода могли оказаться чреватými: беременность, болезни. Ругая себя на чем свет стоит, начал бегать от нее. Ольга, найдя его, устроила истерику буквально, мол дойду до райкома комсомола. Владимир холодно ей ответил, что сам пойдет в райком и во всем признается, что девица через пятнадцать минут знакомства потащила его в кровать и почему-то в номере не было еще троих девушек, которых определили туда жить. Оля почему-то испугалась, забормо-

тала что-то себе под нос и оставила Владимира в покое. На этот раз все обошлось, и он зарекся больше от таких происшествий. В командировках всегда находилась девушка, которая отдавалась ему в первую же встречу. Это ему не нравилось, но более или менее устраивало. Он хотел жену – собственную жену, любимую, хотел, чтобы ноги его несли домой бегом, чтобы встречать ее у порога и целовать, не сняв пальто, а потом заниматься с ней любовью, и обнимать всю ночь, заснувшую от изнеможения в его объятиях.

Глава 2

Лиза проснулась поздно, лежала долго поеживаясь в теплой постели, открыла заспанные глазки и первое, что увидела – был образ Владимира.

– Ооо, – протяжно застонала она, вчерашний день вмиг пронесся в голове. Он снился ей. Она шла по цветущему лугу, собирая букет из ромашек, васильков, маков. Такой странный букет, но красивый, душистый. Он шел рядом, молча улыбался. Вскочила, побежала к окну. Заснеженная, скованная морозами безлюдная улица Горького величественно стояла, украшая Москву, а здесь, дома, было тепло, уютно и пахло пирогами.

– Лиз, завтракать, – позвал ее Артем. Ели молча, вкусный аромат пирога с яблоками перебивал терпкий аромат чая с мятой.

День потянулся долго и скучно. После обеда позвонила Валя Царева, позвала в гости к пяти. Лиза, одевшись потеп-

лее, понеслась в общежитие иняза.

Лиза, Валя Царева и Маша Королевская дружили с первого курса. Познакомившись на вступительных экзаменах, они больше не разлучались. Валя и Маша землячки – обе из Воронежа. Темноволосая Маша, с черными небольшими глазами умными и зоркими, черными бровями, извивающимися красивой дугой, белолица – красивая девушка. Внимательная и отзывчивая она была сердцем компании.

Валя же совершенная ей противоположность: хохотушка, с толстенной светло-русой косой, серыми огромными глазами, обычно выражающими удивление, пухлыми алыми губками, румянцем на щеках. От нее веяло радостью, весельем. Подружки жили в общежитии в одной комнате, чисто убранной, с цветастыми занавесками, вышитыми рушниками и самоткаными дорожками, вязаными крючком из старых тряпок круглыми салфетками на стульях.

Новогодний студенческий стол ароматный и скромный собран был с любовью: бисквитный торт с повидлом, обсыпанный крошкой, и любимое Лизино вишневое варенье в вазочке, нарядные чашки на блюдцах – все готово к чаепитию. Валя поставила чайник, девушки уселись вокруг стола, завязалась беседа.

– Он тебе понравился, – заключила Валя, обращаясь к Лизе.

– Очень, как бы его увидеть еще раз? – мечтательно спросила Лиза.

– А ты поступай в комсомол, – предложила Маша, – пойдешь в горком, там его непременно встретишь. Девушки засмеялись.

– Чайник дует, – сообщила, заглянувшая в комнату кучерявая голова.

– Иду, – крикнула Валя и побежала на кухню.

– Он от тебя не отходил, может сам начнет тебя искать, – успокоила Лизу уже серьезно Маша.

– Хоть бы, – грустно ответила Лиза, – я о нем только и думаю.

Напившись чаю, сели рядышком на кровати. Смеркалось, за окном кружила метель, заледенелые снежинки просились в тепло «тук-тук», сидели прижавшись друг к другу, свет не включали, каждая думала о своем.

– Домой хочу, – вдруг грустно сообщила Маша, – соскучилась по своим. У нее из родни были мать, бабушка и тетка.

– Скоро поедем, – успокоила ее Валя, я бы тоже своих навестила.

– А за окном шумела вьюга, она страдала от любви, – начала тихонько импровизировать Лиза, – она звала его как друга..., – нет, не так..., лучше так, – а за окном шумела вьюга, в окно негромко постучась, она звала его как друга, не веря в дружбу, но стремясь, позвать его с собой в дорогу, навек, навек соединясь.

– Девочки, брысь хандру! – вскочив и включив свет, воскликнула Маша, – Лиза, тебе пора домой, мы проводим до

троллейбуса.

Владимиру не трудно было найти Лизу, он знал студенты каких вузов были на празднике. Повздыхав по девушке три дня, еле дождавшись окончания новогодних выходных, он пошел на Метростроевскую в Педагогический институт иностранных языков на ее поиски. После окончания лекций Лиза спускалась по лестнице в гардероб и внизу в фойе увидела Владимира. Он стоял посредине и как будто кого-то ждал. Она, обрадовавшись, пошла неспешно мимо, боковым зрением рассматривая его, прошла мимо, он смотрел вперед и вроде и не заметил ее. «Что? Все? Мне уходить?», – растеряно подумала Лиза.

– Лиза, – услышала она со спины.

Обернулась быстро, улыбнулась.

– Здравствуйте. Не можете мне найти комсорга института. Где он у Вас бывает? – взволнованно спросил Владимир.

– Помогу, конечно, – ответила Лиза. – Его кабинет на кафедре английского языка на втором этаже, поднимитесь здесь, по лестнице, – она указала куда идти.

Владимир поблагодарил ее и неуверенно, оборачиваясь, пошел наверх.

Сначала Лиза бежала к дому радостная, напевая про себя любимую мелодию, но потом ей стало грустно, а вскоре совсем грустно. Все как бы кругом поменялось: цвета, звуки, она слышала, как часто бьется сердце, плакать, что ли хоте-

лось – не понимала, вроде и не хотелось, а все мысли были только о нем – не могла их поменять... Не могла заснуть, его красивые глаза смотрели на нее отовсюду, она повторяла свой разговор с ним сто раз.

Прошло два дня. Лиза медленно вышла из института, посмотрела по сторонам: «Вдруг он тут».

– Добрый день, – Владимир стоял перед ней, улыбался. – Ты домой? – спросил он уверенно, как ее давний знакомый.

Пошли по улице вперед к Центральному парку имени Горького. Сегодня, 7 января, был легкий морозец, всего минус четыре градуса. Новогодние трескучие морозы ушли навсегда, прихватив с собой безудержное веселье, часть эмоций, чьих-то надежд, но и чьих-то разочарований, бессонную усталость, дым от петард и бенгальских огней и мусор, который заканчивали убирать дворники.

Лиза одета была красиво: в новое пальто лазурного цвета, шляпка и муфта из меха под леопарда, на ногах ботинки, отороченные мехом. Владимир не мог налюбоваться девушкой. Сам же Владимир тоже был одет хорошо: шерстяное пальто серого цвета, такого же цвета костюм, шляпа и шарф.

– Ты на каком факультете учишься?

– На романо-германском, – ответила Лиза. Изучаю английский и немецкий языки.

Владимир улыбался, слушая негромкий рассказ Лизы. Он рассматривал ее повнимательнее: высокая, белолицая с бровями соболиного цвета красивой дугой, обрамляющие карие

небольшие глаза, слегка вздернутый носик придавал ее лицу незабываемое очарование, изящно очерченные скулы и подбородок, словно высечены скульптором из мрамора. И эти две ямочки, при улыбке появляющиеся на щеках. Она была красива, очень красива.

Лиза смущалась при взгляде на него. Они зашли в парк.

– У тебя интересная работа? – спросила Лиза.

– Считаю, что да. Ты знаешь, ведь в истории нет другого примера такого мощного молодежного движения. К нам идут самые лучшие, видящие свою цель впереди, свой жизненный путь, не жалеющие своего времени, сил, знаний, умений, иногда даже жизни. И у нас комсorghов очень ответственная задача – сплотить их воедино, вести за собой. Это сложно, скептики не верят, сомневаются, типа пустые разговоры, что это временно и прочее. Но интерес к нам огромный. Нас часто приглашают в глубинку для оказания помощи в создании комсомольских ячеек, вот ездим поочередно с ребятами. Комсомол сейчас на самой передовой: будь то цеха заводов, стройки, больницы, колхозы, армия.

Он рассказывал с восторгом, Лиза слушала его с огромным интересом и любопытством.

– У вас в институте тоже немало комсомольцев, есть девушки среди них. Он не спрашивал ее, хотела бы она присоединиться к их рядам – сама решит. Лиза же про комсомол не думала – это было от нее далеко. Ее не захватывали великие идеи. Она хотела хорошо знать свои предметы, играть на

фортепиано сносно – это и были ее основные цели.

Шли медленно, слушая друг друга. Лиза совсем забыла про время, ей не хотелось уходить, так приятно и весело она ни с кем еще не проводила время.

Он рассказывал о комсомоле, а глаза его говорили о том, как он восхищен ею, что он влюблен.

Она рассказывала ему об институте, а глаза ее говорили: «Ты мне так нравишься, я даже спать не могу – все думаю о тебе».

– Ты не замерзла? – спросил Владимир, – пойдём погреемся.

На Пушкинской площади недалеко от метро зашли в кафе «Лира» – любимое место в молодежных кругах. Лиза с однокурсниками часто приходят сюда попить чаю или кофе, послушать музыку. Лиза с Владимиром зашли в кафе и только тут ощутили, что очень замерзли, нашли свободный столик, заказали горячего шоколада. Играла красивая музыка, яркий свет не мешал влюбленным парочкам танцевать, прижавшись друг к другу. Лиза, покрасневшись от тепла, осторожно пила из чашки обжигающий напиток, поглядывая на танцующих. Сейчас она была не просто красива, она была пленительна. Владимир не отрывал от нее взгляда, что смущало девушку, она задыхалась от наполнявших ее ощущений внутри, у нее тряслись руки и дрожь пробегала по ногам вниз.

– Не смотри так на меня, – смеясь попросила Лиза.

– Не могу, – смущенно ответил Владимир.

– Я подавлюсь же, – смеялась она.

Он заставил себя с огромным трудом отвести взгляд.

В кафе было уютно, тепло и не хотелось уходить.

Пошли дальше до Охотного ряда, шли медленно, молча, поглядывая друг на друга, Лиза иногда смеялась, Владимир молча улыбался в ответ. Подошли к гостинице Москва. Гостиница занимала целый квартал. Величественное сооружение со сложной архитектурой, пластикой и впечатляющим внешним фасадом красивого бежево-желтого цвета. Лиза с однокурсниками не раз приходила к этому красивому зданию, даже заходили внутрь на экскурсию. У входа стояла огромная елка, украшенная гирляндами, огнями.

Подошли к дому Лизы большому, красивому, монументальному, даже величественному, стояли у парадной, никак не могли расстаться.

– Ну мне пора, – наконец сказала Лиза, – мачеха будет ругаться.

– У тебя мачеха? – спросил он.

– Да, родители умерли, вот живу с мачехой и сводным братом.

– Ты ее называешь грубо, она тебя обижает? – взволнованно спросил Владимир.

– Не то что бы обижает – не любит. Ей хотелось все ему рассказать, как она живет в тоске по родителям, о своей жизни, о своих планах.

– До завтра, – уверенно сказал он.

– До завтра. Лизе стало весело на душе, ведь завтра это уже совсем скоро, она махнула ему рукой на прощание и побежала в парадную.

Владимир, постояв немного, пошел домой.

Мачеха Нина Петровна наблюдала за ними из окна: «Какая неприятность, однако же, свалилась на меня», – думала она. У Лизки появился ухажер, да еще такой видный. Плохо, такие сразу женятся, а мне здесь жильцов не нужно. Она представила себе, как на ее пятикомнатную квартиру посягнет молодой мужчина и у нее страх побежал по спине, громко топя.

– Придумай что-нибудь, – велела она себе. И начала придумывать.

Лиза радостная вбежала в квартиру, весело поздоровалась и пошла в свою комнату. Села на кресло: «Счастье, счастье, – повторяла она, – как я счастлива, он такой замечательный!».

Глава 3

У Лизы детство было беззаботное и веселое. Отец – профессор МГУ, ученый биолог, очень любил свою дочь и жену. Жили они хорошо, дружно, в огромной профессорской квартире в доме № 12 по улице Горького, пока не пришла первая беда в их дом: умерла мама. Лизе было двенадцать лет. Они с отцом очень переживали потерю, отец долго не обращал ни на кого внимание, занимался только Лизой. Но как-то в их дом пришла женщина, милая и заботливая, как

посчитал отец, и смирился – надо как-то продолжать жить и думал, что Лизе нужна мать. К Лизе она относилась очень хорошо, все ее ласкала. Через год родился мальчик Артем, все теперь были заняты его воспитанием, а Лиза жила потихоньку сама по себе. Она окончила школу с хорошими отметками, занималась на фортепиано и в семнадцать лет стала студенткой Московского государственного педагогического института иностранных языков. Училась хорошо, отец отмечал, как Лиза становится похожей на мать: высокая, изящная, с копной русых волос, очень миловидная. Отец умер от болезней два года назад. Мачеха показала наконец свое истинное лицо – любовь к Лизе вмиг угасла, она захватила огромную квартиру профессора, забрала все украшения матери, спрятала дорогие вещи. Лиза ютилась в небольшой комнате, мечтала уехать в другой город по направлению после окончания института, подальше от всех этих разочарований и огорчений.

Позвали ужинать, за столом сидели сначала молча, потом мачеха начала:

– Тебе не стыдно, еще не закончила учиться, а уже романы крутишь. Отец бы узнал, умер бы со стыда.

– Мы ничего плохого не делаем и делать не собираемся, мне нечего стыдиться.

– Будешь бегать с парнями, пойду в деканат, я тебя выведу на чистую воду, – зло шипела мачеха.

– А у меня уже есть кому заступиться, – сказала Лиза, –

только попробуйте. Я сама им расскажу, как вы все отобрали у меня и прячете еду.

– Да ты что! – вдруг испугалась она. – Разве я прячу, не выдумывай. Я просто хотела тебя предостеречь, что мужчина может обмануть девушку, что сначала нужно выучиться, а потом замуж выходить. Она была просто уверена, что миловидная Лиза, дочь профессора, точно выйдет замуж, не за этого, так за другого.

– Я знаю, если бы не друзья отца, я давно бы уже работала на заводе, вы их боитесь, так что я точно доучусь, не переживайте.

Владимир пришел домой, счастливый, взволнованный, он не сомневался, что нравится Лизе, он хотел видеть ее каждый день, но как уходить с работы, она ведь заканчивает учебу рано. Убегать каждый день с работы не получится, да и командировки постоянно. После работы вечером тоже, наверное, не получится встречаться, ведь Лиза учится, да там еще и мачеха. Он почему-то нутром почуял от нее угрозу. Да, проблема, прямо сказать, думал он. Остаются только выходные, но как не видеть ее целую неделю – это очень долго. Я буду прибегать ненадолго, на несколько минут, чтобы поздороваться с ней, увидеть ее ласковый взгляд, а в выходные будем встречаться, общаться, разговаривать. Эти мысли обрадовали его – как хорошо все придумал. Он готов был жениться на ней хоть сегодня, но как это было сделать?

Следующим вечером он приехал к дому Лизы, ни номера

ее квартиры, ни номера телефона он не знал. Стоял напротив дома на тротуаре, думал, как бы дать ей знать, что он здесь.

Лизу что-то подтолкнуло к окну, глянула во двор. «Ой», – воскликнула, увидев Владимира, побежала на улицу. Мачеха метнулась за ней.

– Ты куда это? – спросила она, схватив ее за руку.

– Сейчас вернусь, – ответила Лиза, вырвав руку.

Выскочила на улицу, посмотрела на Владимира, пошла за угол. Он подошел.

– Что прячемся? – засмеялся.

– Да, придется, что бы было меньше проблем.

– Как дела? – спросили одновременно и засмеялись.

– Нормально, – сказала Лиза, – зачеты начались, скоро экзамены.

– Ну не будем злить твою сердитую мачеху, – сказал он, улыбаясь. – Я забежал поздороваться, увидеть тебя и узнать номер телефона. Потом подольше поговорим. У Владимира выдержки было больше, чем у Лизы, работа – то какая.

– Пойду, – сказала Лиза, – сейчас пойду.

– Давай, беги. До завтра.

– До завтра, – тихо ответила она и пошла к подъезду.

– Он будет каждый день сюда таскаться? Ты хочешь опозорить нас перед соседями? – сердито спросила ее мачеха.

Лиза ничего не ответила, пошла к себе, попыталась поучить что-нибудь, но вряд ли это у нее получится.

На следующий день Владимир ждал Лизу после занятий

у института.

– Я без цветов, но с подарком, – и он протянул ей сборник Лопе де Вега.

– Любишь стихи? – спросила она.

– Люблю, вообще очень люблю читать.

– Значит, ты романтик, как и я, – засмеялась она.

Пошли вперед не спеша к парку Горького.

– В твоём доме живут ученые и писатели, – с улыбкой заметил Владимир, – кто ты?

– Мой отец ученый, биолог Синеглазов.

– Александр Петрович Синеглазов твой отец? – вскинул он брови.

– Да, но он умер два года назад, а еще раньше ушла мама. Ее звали Мария, папа называл ее Машенькой. – Она помолчала потом продолжила. – Я очень похожа на нее, но не характером. Мама была мягкая, покладистая, а у меня присутствуют в характере нотки авантюризма – так говорил отец. Шуметь, скандалить я, конечно, не умею, но не люблю, когда мне указывают и я никому не подчиняюсь, – предупредила Лиза со смехом.

– Надо же, я изучаю биологию по книге Синеглазова, – воскликнул Владимир. – Я учусь в геологоразведочном институте на вечернем. А я своих родителей не помню почти, – после небольшой паузы грустно сказал Владимир, – они были геологами, все время в экспедициях, любили свое дело. Последнее, что они изучали – горные породы на Кавказе. Их

накрыла каменная лавина, их всех, всю экспедицию. Тетка говорила тогда, что их забрали горные духи. Я утверждаю очень похож на отца, такой же высокий, крепкий. Мама была маленькая, изящная, отец часто носил ее на руках – это я помню. Помню, как они смеялись, он подхватывал ее на руки и кружил по комнате. Они любили друг друга и умерли в один день. У них нет могилы, вернее она там, в Кавказском ущелье, куда никогда никто не сможет добраться. Я был там три года назад, долго сидел на камнях.

Лиза взяла его за руку. Шли молча. Она подумала о своих родителях и заплакала.

– Вот, расстроил тебя, – огорчился Владимир. Ничего не поделаешь ведь. Жизнь не всегда складывается так, как мы ее себе представляем.

– Ты молодец, ты вырос хорошим человеком, – сквозь слезы заключила Лиза. – И я люблю тебя, – добавила она про себя. – Зачем же ты выбрал себе такую сложную и опасную профессию?

– Они не успели сделать то, что хотели, вот я и решил продолжить их дело.

Вечер воспоминаний получился грустным, но сегодняшняя встреча сблизила их, они казалось все друг про друга поняли и не нужно больше никаких рассказов. Владимир проводил Лизу до подъезда, договорились встретиться завтра, если получится, и поторопился домой.

Владимир осиротел в четыре года, на воспитание его взя-

ла тетка. В шестнадцать лет после окончания девятого класса она устроила его на работу на автомобильный завод (ЗИС), был сначала помощником в цехе, потом учеником, вскоре уже встал самостоятельно к конвейеру, собирал знаменитые грузовики ЗИС. Работал хорошо, его уважали в цеху. Одновременно с работой учился в школе рабочей молодежи, очень старался, сдал выпускные экзамены на хорошо и отлично. Отслужив два года в Красной Армии в сухопутных войсках 8 Армии, он вернулся на родной завод повзрослевшим, возмужавшим, уверенным в себе. Правильного, общительного, активного Владимира спустя полгода перевели в Комитет комсомола завода – там он и работал около пяти лет. Владимиру нравилась комсомольская работа – всегда на передовой, в центре событий, конференции, съезды, собрания, много разных мероприятий, часто по работе ездил в городской комитет комсомола. Всегда стоял горой за своих комсомольцев, защищал их до последнего, выбивал им всяческие блага: путевки в лагеря, санатории, направления в институты, жилье и много чего еще. Накануне праздника 7 ноября 1939 года Владимира пригласили на работу в Московский комитет ВЛКСМ в отдел по работе с молодежью и комсомольцами промышленности и транспорта. Он согласился с радостью – это была его мечта. В июле 1940 года его назначили вторым секретарем московского комитета комсомола. К своим двадцати семи годам он точно знал, что хочет, что любит, какая цель ждет его впереди, он был своего рода

«плановик», то есть жизнь свою он строил точно по плану.

Владимир учился на последнем курсе вечернего факультета Московского геологоразведочного института на горного инженера.

Глава 4

На следующий день Владимир не пришел, Лиза ожидала его у окна до самой темноты. Мачеха пошла к соседям за молоком, зазвонил телефон.

– Алло, здравствуй, это я. Я сегодня в командировке в Лопосне, уехал еще утром, но придется остаться еще на день. Как твои дела? – раздавалось в трубке.

– Все у меня хорошо, – приветливо ответила Лиза. В прихожей послышались шаги – мачеха вернулась. – Возвращайся поскорее. До свидания.

– До завтра, – послышалось в ответ.

Лиза положила трубку, пошла тихо в свою комнату. Она легла на кровать на спину, смотрела на мелькающие по потолку отблески автомобильных фар. «Я люблю его, как я люблю его. Мне учиться осталось всего полтора года, а потом я уйду из этого дома. Если он позовет меня замуж – соглашусь, я буду счастлива с ним точно», – размышляла она.

Однокурсницы, завидев ее у института с Владимиром, интересовались, что у них.

– Встречаетесь? – пытали они ее.

– Да, встречаемся.

Он тебе предложил стать его девушкой? – интересовались

самые опытные.

– Нет, кажется так не предлагал, просто встречаемся и разговариваем.

– Если он предложит стать его девушкой – тогда ты его невеста. Парни так и хотят обнять девушку и поцеловать, поэтому нужно быть очень осторожной с этим – предупредили ее подружки.

Наступила долгожданная суббота, договорились еще вчера встретиться в три часа в парке Горького. Лиза еле дождалась окончания занятий, полетела, как на крыльях к назначенному месту. Владимир стоял возле скульптуры. Она подошла тихо, стала сзади, стоит молчит. Постояла так за ним минут пять, он не шевелясь стоял, смотря вперед, поглядывая на часы. Обернулся неожиданно для Лизы резко, почти ударились друг об друга.

– Ты что тут стоишь? – засмеялся радостно.

– Хотела тебя напугать, – игриво ответила она.

– Меня трудно напугать, обрадовать можно. Какая у нас программа, предлагайте, – предложил он.

– Обед на теплоходе, – предложила Лиза.

Он посмотрел на нее растеряно – не понял, ведь зима, теплоходы на приколе, а ресторан на теплоходе – это шумное, прокуренное место, с запахом пищи – вовсе не для романтического свидания.

– Хорошо, пойдем, – неуверенно согласился он.

– Нет, я пошутила, ты что! – смеялась Лиза. – Я туда не

хочу, я хочу погулять по городу.

Погода была просто замечательная: небольшой морозец, накануне Москву засыпало пушистым снегом, воздух стоял чистый, с запахом севера, свежести. Лиза, предвкушая продолжительную прогулку, приделась в материну каракулевую шубку, шляпка и муфта из белки – мягкие и теплые, на ногах меховые полусапожки.

– А война будет? – спросила Лиза. Она была уверена, что Владимир точно знает ответ на этот вопрос. Сейчас все говорили о войне, ведь Германия напала на Польшу, пали Варшава и другие города, оккупированы Чехия, Дания, Норвегия.

Лиза зачитывалась зарубежными романами. В институте была огромная библиотека иностранной литературы на многих языках мира. Лиза читала подлинники на английском и немецком языках. Молодая и очарованная девушка читала сначала в основном любовные романы. Потом постепенно стала знакомиться с другой литературой. Ромен Роллан, Ярослав Гашек, Эрнест Хемингуэй, Эрнх Мария Ремарк, Анри Барбюс вошли в ее жизнь с новым мировоззрением. На их литературу оказала влияние война и стала одной из ведущих тем в их творчестве.

Лиза рассказывала Владимиру, что она читает сейчас. Она только что закончила роман Ремарка «На западном фронте без перемен», была под большим впечатлением от прочитанного, роман о войне.

– В своем предисловии ведь он сказал все, – рассуждала Лиза, – он написал «эта книга не является ни обвинением, ни исповедью. Это только попытка рассказать о поколении, которое погубила война...»

Владимир, конечно, читал этот грустный рассказ солдата Пауля об ужасах войны, о потерянном поколении – грустный роман.

Шли какое-то время молча.

О войне говорили каждый день в горкоме ВЛКСМ, германские войска приближались к границам СССР, но надеялись, что все обойдется,

– Поживем – увидим, давай лучше о веселом поговорим и зайдем погреемся, – предложил Владимир. Зашли в кафе «Шоколадница». Здесь был богатый выбор сладких десертов. Заказали для Лизы орешки со взбитыми сливками под шоколадным соусом. Владимир сладкое не очень любил, поэтому заказал себе блинов и чай. Полакомились, согрелись, вышли из кафе, вечерело, нужно было направляться к дому, но так не хотелось, столько еще хотелось обсудить друг с другом.

Лиза стала рассказывать о своих планах после окончания института, что мечтает уехать по направлению на работу в какой-нибудь город, она бы поехала в Ленинград, обучать детей английскому и немецкому языкам. Она все ждала, когда же Владимир предложит ей стать его девушкой, как рассказывали однокурсницы, но он слушал о ее планах с инте-

ресом, улыбаясь, и был казалось не против, чтобы она уезжала куда-то. Лизу это насторожило.

Гуляли до ночи, если бы не заходили погреться в кафе и нарядные парадные – околели бы давно. Лиза понимала, что ей уже давно пора домой, чтобы окончательно не злить мачеху. Ходили по улице Горького туда-сюда, никак не моли расстаться. Попрощались у парадной, она побежала быстро в квартиру.

Мачеха встретила ее у порога молча. Лиза разделась и пошла в свою комнату.

Владимир медленно шел домой. «Какая она милая, маленькая, боюсь, что я не отпущу тебя в другие города», – думал он, вспоминая ее мечты.

Как заснуть двум влюбленным, разлученным расстоянием, любимые образы стоят перед взорами, мысли только друг о друге. Владимир со стоном закрывает глаза, как хочу ее видеть, слышать, целовать. Ее образ стоит перед глазами, не давая отвлечься, расслабиться. «Так рехнуться можно, – подумал он, нужно взять себя в руки». Но мысли о ней не уходили, и идиотская улыбка с лица не сходила, а взор его скользил по воображаемому телу. Нет, он ни разу не раздел ее мысленно, не смел, она была для него богиней. Вспоминал ее нежный голосок, ее рассуждения и смеялся от удовольствия.

Глава 5

Владимир уже третий день был в командировке в Ногинске. Там проходили перевыборные собрания в первич-

ных комсомольских организациях предприятий, Городской съезд и выборы первого секретаря горкома комсомола.

У подмосковного Ногинска богатая история. Некогда небольшое село Рогожки превратилось в уездный город Богородск, который прославился своими текстильными производствами.

Существует несколько легенд откуда город получил свое название, одна из них очень нравилась жителям, и они ее пересказывали приезжим. Она гласит, что однажды Екатерина Великая, посещая вотчины великих московских князей, оказалась в местечке Рогожский Ям. Внезапно разразилась страшная гроза. Императрица стала молиться, взывая к богородице, о спасении. И буря прекратилась, из-за туч выглянуло яркое солнце и на небе повисла радуга. Екатерина воскликнула: «Богорождение земли». Именно в этот период село Рогожский ям и было преобразовано в уездный город Богородск – отсюда и пошла в народ эта легенда. Город был издавна известен Глуховской мануфактурой, литейно-механическим заводом.

Свое нынешнее название город получил в 1930 году.

Владимир приехал в Ногинск на рабочем поезде от Курского вокзала. Его встретила миловидная девушка Надя – инструктор горкома комсомола. Смutilась, покраснела, увидев Владимира, потом немного придя в себя предложила пройтись до горкома пешком.

– Я покажу Вам город, – предложила она, – это первый

пункт нашей программы. Владимир осмотрелся. Уездный городок, таким он его себе и представлял. Вдоль центральной улицы деревянные дома из сруба со ставнями, украшенными милой резьбой, резными воротами и заборами. По городу шел трамвай по однопутной разветвленной линии медленно, тяжело и шумно.

Пошли вперед. За рекой возвышался величественный православный собор, окрашенный в синий цвет, но без крестов. Вдоль улиц двухэтажные особняки с деревянными резными наличниками и резьбой на коньках, каменные добротные дома.

– Церковь работает? – спросил Владимир.

– Нет, в тридцать восьмом прекратились божественные службы, там сейчас красильное производство, но в городе есть место, где по выходным секретно проходят службы, ходят бабушки, – рассказывала Надя. Владимир знал, что Богородск издревле один из центров старообрядчества.

Посмотрев достопримечательности пошли в горком комсомола.

Работы было много, у ногинских комсомольцев было тысячи вопросов, просьб, закончили первое знакомство глубоко за полночь. Владимир отправился в гостиницу неподалеку, перекусив, в очень уютном в старинном стиле трактире щами, жареным мясом, холодцом, ароматным чаем из трав с баранками.

На следующий день с утра второй секретарь горкома Же-

ня Андреев, забрав Владимира из гостиницы, повез его в Глухово – пригород Ногинска. По дороге рассказывал о городе, о комсомольской работе на местах. Вышли у отбельно-красильной фабрики, она возвышалась своими корпусами на склоне реки Клязьмы. Владимир осмотрелся вокруг и восхитился. Это настоящий фабричный город. Пошли вперед по улице. Рядом с производственными корпусами дома для служащих красивые деревянные с резными ставнями и чердаками, были и каменные, подошли к общежитию для рабочих, их называют «Морозовские казармы». На окраине города стоят три потрясающих четырехэтажных дома в стиле «модерн» из красного кирпича, фасады зданий украшает керамика. Зашли в первый дом, тепло, много места и света.

– Эти корпуса оборудованы канализаций, – стал рассказывать Женя, внизу, в подвале, есть прачечная, рабочие стирают сами, отопление в казармах центральное паровое. И еще есть помещение с холодным шкафом для хранения продуктов.

Вдоль улиц размещались магазины, булочная, аптека, родильный дом, библиотека – и все из красного кирпича, очень красиво. Подъехали к досуговому клубу – здесь намечалось проведение собраний. Из клуба выбежала девушка в пестром платье, улыбочивая, сообщила, что их все ждут.

Актный зал клуба был битком набит, здесь были и комсомольцы и просто молодежь города, которым никогда не запрещали посещать комсомольские мероприятия. В фойе иг-

рал баянист веселые плясовые, девушки пели и подтанцовывали несмело, продавались булочки, баранки и чай.

Первый секретарь горкома комсомола рассказал о работе комитета и о планах на будущее. А будущее, как заявил он: «Это улучшение всей деятельности комсомола. Раньше в работе было много показного, формального. Мы даем решительный бой формализму и объявляем соревнование за коммунистический труд. Мы ведь интересовались только производственными показателями и не вникали глубоко в общественную жизнь, учебу, поведение. Комсомольская организация должна более детально, более обстоятельно подходить к оценке того или иного товарища».

Много говорили о «Комсомольском прожекторе», как о надежной опоре партийно-государственного контроля. Отметили работу «Комсомольского прожектора» на фабрике «Красная лента».

Вечером Владимира пригласили на танцы. Танцы устраивались в клубе Прядильно-ниточной фабрики. В городе такие мероприятия очень любили – это и место отдохнуть, и потанцевать, и познакомиться с противоположным полом, это было и место свиданий влюбленных, и место, где можно было увидеть объект воздыхания, даже если он не обращал на тебя внимания, здесь шумно провожают ребят в армию и играют веселые комсомольские свадьбы. Владимир принарядился и отправился знакомиться с «досуговой» жизнью города. Еще издали услышал наигрыш баянистов. Его сразу

же окружили вниманием девушки, плясали возле него и пели. Местная молодежь любит танцевать русские плясовые – заметил Владимир. Такие танцы он не танцевал.

Заиграл в углу патефон старинный вальс «Осенний лес». Владимир пригласил на танец красивую высокую ногинчанку, выделяющуюся среди других девушек, он ее заметил, как только вошел в клуб. После танца, девушка предложила пойти в буфет. В буфете было тепло, уютно, пахло баранками, заказали чаю с мятой. Вера Николаева – так звали девушку, оказалась учителем математики. Она взялась рассказывать о самой красивой школе в стране, той, в которой работает. Владимир видел это здание вчера.

– Восхитительное здание, – перебил он ее, – внутри оно оформлено фресками с растительными мотивами, красивая парадная лестница с кованными ограждениями ведет в храм знаний, плавные линии переходов не утомляют глаз, майоликовый фриз украшает фасад школы с сюжетами на тему образования и ремесел.

– Так вы искусствовед! – воскликнула Вера, а где же тот секретарь из Москвы, которого мы все ждем? Я думала Вы это он, – расстроено заключила она.

– А я чем вам плох? – иронично спросил Владимир.

– При чем тут Вы вообще, – раздражалась Вера, – он из Москвы, не женат и занимает престижный пост.

– А я Вам не подхожу? – прикинувшись обиженным спросил Владимир.

– А вы пойдите в другой клуб, здесь все ждут Черноглазова, понятно говорю? – отрезала Вера и пошла прочь.

– Красавица, – отметил подхихивший Женя, смотря вслед уходившей Вере.

– Да, – ответил Владимир, – только я на кого бы не посмотрел вижу всегда одно лицо очень красивое и очень любимое. Вот и весь секрет.

Женя широко заулыбался, мол понял, о чем говорит его влюбленный коллега.

Чтобы не скучать и все время не думать о Владимире Лиза решила развеяться и пошла с однокурсницами на каток. В Центральном парке культуры и отдыха соорудили огромный каток, залив аллеи и дорожки. Территория была празднично освещена, постоянно звучала танцевальная музыка и здесь не только детям, но и взрослым все это напоминало зимнюю сказу. Одновременно на катке могли находиться тысячи посетителей. Было не больше трех градусов мороза, молодежь была одета в теплые толстые свитера, вязанные шапки и варежки, байковые брюки. Коньки у всех студентов были свои.

Катались больше трех часов, когда уже еле держались на ногах, уставшие, веселые, пошли по домам, разговаривая о разном, сначала шли пешком все гурьбой, потом каждый пошел на свой транспорт. Лиза подъехала к дому, когда уже вечерело. Шла молча, в мысли снова вернулся Владимир, сразу заскучала. Она подумала вдруг, что ее любовь к нему состоит из тоски, ожиданий, переживаний. «А где же это радост-

ное чувство любви, о котором написано во всех романах?» – возмутилась она.

Лиза заметила Владимира, стоявшего у подъезда ее дома, еще издали. Шла не спела, улыбаясь. Он ее тоже увидел издали, стоял на месте, ждал, когда подойдет.

– На катке была?

– Да, с друзьями. А ты на каток ходишь?

– Нет, я больше лыжи люблю.

– Тогда в следующий выходной на лыжах катаемся, – предложила устало Лиза.

– С удовольствием. Как дела? – спросил он.

– Нормально, все по-прежнему. Как твои дела?

Разговор почему-то не клеился. Лиза всматривалась в его лицо: «Что с ним?».

– У тебя все в порядке? – спросила она.

– Нет, не в порядке. У тебя появился еще один ухажер? Посвятил тебе целую поэму говорят, – с иронией спросил Владимир.

Лиза поняла, о чем он говорит. Откуда только узнал? Она позавчера ходила на день рождения к своей соседке и приятельнице Софье. Та пригласила всех к себе домой, мать ее приготовила большой торт. Там был ее двоюродный брат Иван, который много шутил, почему-то сказав, что он написал поэму прекрасной девушке по имени Лиза, которая ему очень нравится, стал читать поэму «Люблю» Маяковского. Читал долго, без выражения и смысла. Эта шутка никому не

понравилась.

– Да, у меня есть несколько поклонников, – сказала Лиза. Она еле держалась на ногах от усталости, и не хотела разговаривать об этом Иване.

– Я пойду, замерзла, – сказала она и пошла в подъезд. Владимир растеряно остался стоять у подъезда.

Лиза зашла к себе, легла на диван, думала о его словах: «А ты оказывается ревнивец», – и ей стало весело. Она лежала, улыбаясь, и заснула прямо так.

Владимир же бежал к дому, не разбирая дороги. Он был зол на себя: «Пришел, устроил сцену ревности». Потом, когда злость поутихла, решил, что впредь он будет поумнее: «Никто тебя у меня не отнимет, пусть даже не мечтают».

Глава 6

Не виделись целую неделю. Владимир не звонил, не знал, как начать разговор, было стыдно за свою выходку и страшно – Лиза ушла молча. Он извелся весь, плохо спал, мало ел, у него холодело внутри, стоило подумать, что она не захочет с ним больше общаться.

А Лиза ждала его звонка, у нее даже были слуховые галлюцинации – она бежала к телефону, хватала трубку, потом понимала, что никто не звонил. Мачеха недоумевала и надеялась про себя, что ни рассорились.

Наступил выходной – воскресенье. Лиза помнила, что предлагала Владимиру покататься на лыжах. Встала рано, потихоньку, чтобы не раздражать мачеху собрала теплые ве-

щи для прогулки, лыжи стояли в парадной. Она почему-то чувствовала, что Владимир придет за ней. Каждые полчаса поглядывала в окно не стоит ли. Выглянув в очередной раз увидела, что стоит, смотрит на окна. Она весело помахала ему рукой, переделась и быстро вышла на улицу. Поздоровались приветливо. Она его бы не узнала на улице. Владимир был одет по-спортивному: в теплом вязаном свитере красного цвета, шерстяных брюках, на ногах носки грубой вязки, кожаные лыжные ботинки и кожаные перчатки.

Владимира ждала машина.

– Куда едем? – игриво, как ни в чем небывало, спросила Лиза.

– На Ленинские горы. Кататься, так кататься.

Ленинские горы располагаются на правом берегу Москвы реки на юго-западе – один из семи холмов столицы. Здесь уже несколько лет практиковались горные лыжи, а Владимиру очень понравился такой вид спорта.

Вышли у подножия холма, здесь уже полно было народу, погода зимняя – морозец, свежий ветерок, небо ясное, солнечное, снег блестел и слепил глаза, атмосфера праздничная, какая-то. Где-то играла музыка, ото всюду слышался веселый смех и громкие разговоры молодежи. Лыжи у Владимира отличались от Лизиных, они были короче и шире – горнолыжные – уточнил он.

– Я пойду, спущусь с горы, а ты жди меня внизу, можешь ходить по лыжне, – распорядился он и уверенно пошел в гору.

Лиза ждала его у подножия и наблюдала, как он умело, маневрируя вправо и влево, спускается с горы. Подъехал к ней на большой скорости, обдал снегом всю с ног до головы, и она вмиг превратилась в Снегурочку.

– Это здорово, наверное? – смеясь спросила она, отряхивая снег с одежды.

– Очень, классно, просто высший пилотаж. Буду тебя тоже учить, тебе понравится, купим лыжи и начнем.

– Хорошо, – согласилась она.

Владимир спустился с горы еще раз, а потом они катались у горы по лыжне, смеясь нагоняя и обгоняя друг друга. Здесь уже Лиза была впереди, так как в своих лыжах Владимиру было неудобно. Она хорошо ходила на лыжах, и Владимиру пришлось нелегко догнать быструю девушку по лыжне. В один момент она ушла совсем далеко, издали махала ему рукой и смеялась. Завернув за поворот споткнулась и упала, захохотала. Владимир подъехал, упал рядом. Лежали, смотрели на зимнее голубое небо.

– Ой что-то в глаз попало, – схватилась Лиза за глаз, часто заморгав.

– Любовь быть может? – с надеждой спросил он.

Пошли в уютное кафе попить чаю, согреться и просохнуть, о происшествии с ревностью никто не вспомнил, весело разговаривали, смеялись. Домой Лиза вернулась поздно вечером. Мачеха прошла мимо, не взглянув на нее даже. «Злитесь почему – то», – подумала Лиза и пошла в свою ком-

нату.

Владимир радостный, что все разрешилось благополучно, вернулся домой. Она мудрая девушка, сделала вид, что все забыла. Мне нужно следить за собой, чтобы больше не упасть лицом в грязь – поставил он себе цель.

По понедельникам студенты иняза обычно практиковались в школах. Сегодня, 10 февраля, У Лизы было три урока и к обеду она закончила. Еще с вечера они договорились встретиться на Неглинной. Погода установилась поистине весенняя – один градус тепла. Потепление принесло в Москву обильные осадки. Снег начал идти еще с вечера и сейчас завалил Москву почти по колени, горожане высыпали на улицы, дети лепили снежные крепости и огромных баб, катались на санках. Редкие машины буксовали на дорогах, но трамваи исправно ходили по своим маршрутам. Лиза выскочила из трамвая, а Владимир, словно, зная, что она именно в этом, бросился к двери. Он всегда приветствовал ее негромким смехом и широкой улыбкой. Они пошли вперед по Неглинной. Дворники ворча убирали снежные завалы с тротуаров, прохожие несмотря ни на что весело спешили по своим делам, стряхивая снег с одежды, закрываясь от мокрых хлопьев. Они оказались сегодня здесь не случайно. У декана геологоразведочного института отмечали юбилей, студенты готовились к этому событию и на собрании коллектива договорились подарить ему хороший подарок в знак признания и уважения на вечную память – золотые запон-

ки. Владимир сразу понял, что лучше Лизы никто не сможет подсказать, что любят носить профессора.

Неглинная, славившаяся в старину доходными домами, ателье, магазинами, гостиницами, закусочными, была торговым местом Москвы. Они направились к бывшему Доходному дому Воронцовой, выходящему сразу на две улицы Петровку и Неглинную. Красивое здание со скульптурами на фасадах, имеющее симметричный фасад с высокими аттиками и обильной лепниной. Магазины, книжный магазин, дом бриллиантов, магазин «Новая Москва», Петровский пассаж.

Лиза с улыбкой рассматривала витрины с золотыми украшениями: кольца, колечки, серьги, медальоны, броши, уложенные рядами, магически притягивали взгляды. Медленно осматривая украшения Лиза бросила взгляд на колечко с рубином. «Как у мамы», – всмотрелась девушка. Нагнулась над кольцом: «Точно такое». То было редкое колечко – обручальное, отец подарил его матери на десятую годовщину свадьбы. Лиза не знала где оно сейчас и в недоумении смотрела на это, лежавшее перед ней. Владимир подошел к Лизе и ахнул. Лиза внимательно рассматривала обручальные кольца. Ювелир с довольной ухмылкой стал вытаскивать лотки с кольцами и раскладывать их перед Лизой и Владимиром. Раскрасневшаяся Лиза объясняла ему, что им это вовсе не нужно. Тот же не унимался, допытываясь будет ли жених покупать себе кольцо тоже. Смутьившаяся девушка от досады чуть не заплакала и отошла в другую сторону.

– Покажите нам запонки, – вышел из положения Владимир. Запонки они выбрали быстро – золотые с крупным горным хрусталем.

Вышли молча, Владимир что-то стал рассказывать, Лиза слушала его рассеяно, слезы все еще накатывали, и она еле удерживала их. Снег валил, как и час назад, прикрыв все пышным покрывалом, гулять было неуютно, ноги проваливались в снег по колено.

– Пойдем в кино, – предложил Владимир, – в «Центральном» сегодня фильм «Весенний поток». Кино для тебя, – засмеялся он, – наглядное пособие.

Лиза заулыбалась. Да, она знала, что этот фильм о молодой учительнице с блистательной Валентиной Серовой в главной роли. Поехали на Арбатскую площадь. Вышли на остановке, идти было трудно – все в снежных сугробах. Пошли в сторону кинотеатра. Уютный «Центральный» серого цвета с белыми квадратными колоннами, обрамляющими высокие двери входа и выхода, выделялся среди других строений. На вход в кинотеатр указывала надпись: «ВХОДЪ». Выше надписи красовался барельеф античной женской головы, над ней конь мчал колесницу с богом солнца Гелиосом. Над «ВЫХОДОМЪ» барельеф мужской античной головы с густой бородой и пустым взглядом, а над нею колесница, запряженная быком, неспешно везла богиню луны Селену.

Купили билеты в партер, на десятый ряд. Уже опаздывали, поторапливались, почти пробежали по ярко освещенно-

му огромными люстрами вестибюлю. Освещение медленно тускнело, тишина, мгновение в полной темноте, и на экране засветилась вступительная заставка – опенинг – так называли этот момент студенты иняза. Зрительный зал уютный, теплый с прекрасной акустической системой. Звук лился с кессонного потолка и из-за стен.

– Фильм на час с небольшим, – предупредил Владимир.

– Хорошо, – ответила Лиза, улыбнулась и милые ямочки на щеках тут же выскользнули соблазнять Владимира.

Надя Кулагина – молодой учитель, получила направление на работу после окончания института в ту самую школу, в которой училась сама. Здесь молодая учительница принялась за воспитание двоечника, «неподдающегося», как считалось, Димку Лопатина, все это вперемешку с другими проблемами: семейными, зреющим школьным конфликтом. Интересное кино. Валентину Серову девушки того времени обожали, многие подражали ей, ее манере, голосу.

Владимир смотрел на экран улыбаясь, все время поглядывая на Лизу. Он не понял почему она так расстроилась из-за этого происшествия с обручальными кольцами, можно было бы просто весело посмеяться, но она разозлилась и чуть не плакала. «Одно понятно, – решил он, – замуж она не хочет, по крайней мере сейчас».

Лиза еле дождалась окончания кинофильма и попросилась домой, сославшись на просьбу брата Артема помочь ей с уроками.

«Он испугался, что я думаю о замужестве, стоял молча, красный, аж вспотел. Мог бы просто превратить это происшествие в веселую шутку. Жених! Да уж, правы девчонки – им бы только обнять девушку, да поцеловать. Владимир взрослый, у него, наверное, была близость с женщинами, а может и сейчас есть», – размышляла Лиза, забившись в уголок в любимое кресло.

Глава 7

Владимира с Лизой позвали на свадьбу. Женился коллега Владимира, третий секретарь московского горкома комсомола, Илья Панфилов. Свадьбу он играл в ресторане Москва. Это было не дешево, но престижно. Владимир знал, что приглашены на торжество два секретаря горкома партии, третий секретарь ЦК ВЛКСМ, первый секретарь московского комитета комсомола, мать и отец Панфилова. Про родственников невесты не говорилось ничего. Владимир был удивлен, узнав о предстоящей свадьбе, ведь про невесту Илья не говорил ни разу. Хотя он был молчуном, редко рассказывал о себе, но слыл карьеристом. Он хотел работать в ЦК ВЛКСМ.

Лиза тщательно выбирала наряд. Остановилась на платье из шелка нежного розового цвета пастельных тонов, с рукавом «фонариком» и плиссированной юбкой, сильно расклешенной от талии. Собрала волосы, как она любила в объемный пучок на затылке. Она несколько раз подумала о невесте Панфилова. Будет ли та в свадебном платье Лиза не знала.

Ей хотелось выглядеть наряднее, чем невеста.

К назначенным пяти часам Лиза прибежала к гостинице Москва, где Владимир нарядный и веселый уже ждал ее с огромным букетом цветов для невесты. Раздевшись, поднялись в зал ресторана, осматриваясь по сторонам. Владимир не мог найти Панфилова среди посетителей, хотя заметил накрытый стол человек на десять, но пока пустовавший. Решили подождать в вестибюле, поняв, что пришли раньше других. Главный зал ресторана гостиницы Москва располагался сразу на трех этажах с третьего по шестой. Залы с эффектной отделкой помещений, украшенных колоннами, искусственным мрамором и малахитом, очень красивыми плафонами на потолках.

Минут через пять к ним подошел взволнованный Панфилов и позвал за собой. Лиза с Владимиром недоумевая пошли следом. В углу в курительной комнате сидела полная девица, что называется «кровь с молоком», совершенно не похожая на невесту. Платье из красного бархата сильно облегло ее большую грудь и толстые руки, видно было, что оно ей мало, огромные прозрачные бусы впелись в короткую шею и душили ее. Девица была... беременна, месяцев семь.

– Это Нюра, моя жена, – представил ее Панфилов, вот... не хочет идти в зал, упирается. Лиза, быстро придя в себя, оценив разницу между собой и Нюрой направилась к ней.

Владимир стоял молча в изумлении.

– Понимаешь, – шёпотом сказал Илья, – это было всего

один раз и то случайно, и вот теперь сломанная судьба на всю жизнь. И ведь ничего нельзя поправить. Ее папаша грозился пойти в ЦК партии.

Владимир перевел взгляд на Илью. Тут было все понятно: девушка забеременела от случайной связи, Илья полез к девушке без разбору, видимо кто попался. Хвастливому щеголеватому Илье невысокого роста она была не пара.

– Зачем ты решил вообще играть эту свадьбу, ведь можно было просто расписаться, – хотел было спросить Владимир, но тут догадался зачем. Илья позвал на торжество больших начальников, свадьба есть свадьба, о вкусах не спорят – красота в глазах смотрящего, девица из деревни – это даже хорошо. И Владимиру от это фарса захотелось уйти, но уйти он не мог.

Лиза уговаривала невесту пойти в зал, что гости уже собрались, что неудобно заставлять всех ждать и старалась не показывать раздражения. Она вдруг испугалась, что, если все отменится, тогда придется расходиться, а она так хотела побыть с Владимиром, потанцевать.

– Да пойдем уже, – громче обычного воскликнула Лиза и потянула Нюру за рукав. Та вскочила и пошла в зал, неся впереди огромный живот.

Гости, сдерживая явное изумление, поздравили молодых и принялись вкушать угощения. Им по большому счету не было никакого дела ни до Панфилова, ни до его невесты. Они просто отдыхали, какая разница где. Вернее, нет, раз-

ница была и еще какая. Это был знаменитый и вкусный ресторан Москвы.

Стол был накрыт не бедно. В центре красовалась огромная хрустальная ваза с яблоками и виноградом. Стояли нарезки колбас, говяжьего языка, бутерброды с красной икрой, оливки, красиво уложенные ломтики хлеба с паштетом и шпротами, широкое блюдо с сельдью, заправленной соусом из майонеза и сметаны под названием «Сельдь олимпийская». Гости с удовольствием раскладывали по тарелкам салат «Столичный», вкусный, сытный, подавался только здесь, так как был придуман местным шеф-поваром.

Илья уже пьяный, видимо, напившийся так быстро от досады, сильно жестикулируя, что-то пытался рассказывать, но его никто не слушал. Ему было от чего напиваться. Он уже год пытался ухаживал за дочерью главного врача Москвы Валентиной: маячил у нее перед глазами, заваливал цветами, дарил книги, иногда гулял с ней по городу, рассказывая смешные истории, от которых Валентина хохотала от души. Она училась в МГУ на биологическом факультете, жила с родителями на улице Горького в огромной шестикомнатной квартире. У них были слуги, повара, два водителя, служебный и личный автомобили и много денег. Валентина была не слишком умная, не очень красивая, но самая завидная невеста, особенно для охотников за такими невестами.

Лиза была на свадьбе одноклассницы в прошлом году. То была настоящая свадьба – народная. Жених и невеста безум-

но влюбленные, одаривали всех присутствующих частичками этой любви, не боясь ее растерять, так как любви той был океан. Родственники пьяные от счастья и выпитых напитков тоже любили всех. Одинокой Лизе, еще оплакивающей смерть отца, было так тепло здесь, так уютно, что ей захотелось написать об этом рассказ, роман, стихи – все равно что, но она хотела это описать. Та свадьба пела и плясала, игры сменялись тостами, молодых одаривали подарками под общие возгласы удивления, радости. «Горько» – сказала наконец одна из бабушек, после выпитого стакана водки, «Горько, горько», – закричали вокруг. Покрасневшие молодожены поцеловались. Как потом рассказывала невеста подругам, они хотели просто отдать дань традиции, но поцелуй получился длинным, так как прижавшись друг в другу они провалились в другой мир, из которого невесту, дернув за подол, вытащила подружка невесты.

Сейчас она скучала и рассматривала величественный плафон на потолке. А его стоило рассмотреть – творение известного художника изображало массовый праздник: на фоне ночного неба, разукрашенного фейерверками, много веселых людей, участников праздничного шествия, гуляют по переходам между балконами. Владимир сидел угрюмый и скучный, что-то ковырял для приличия в тарелке. Танцевали с Лизой всего один танец. Тостов почему-то никто не говорил, да почти и не разговаривали, просто ели, как будто пришли в столовую на обед.

Вышколенные официанты бросились менять столовые приборы, гости оживились – подавали горячее. Ароматный лангет с гарниром из жаренной картошки и зеленым салатом раскладывался пред гостями.

Весело заигрывала мелодия Рио – Рита, Владимир с Лизой пошли танцевать. Он вел ее в танце уверенно, нежно обхватив тоненький стан, смотрели друг другу в глаза.

Как же она любила этого мужчину, так ласково державшего ее за талию. У девушки кружилась голова, сердце отбивало сумасшедшую чечетку, душа кричала «люблю», а сердце шептало «люблю».

Невеста ела яблоко, откусывая большими кусками, беззвучные рыдания сотрясали ее могучие плечи. Секретари поглощали следующее горячее блюдо – душистую рыбку под соусом. Пьяный Илья набычился и смотрел на танцующих. Его родители тоже пьяные сидели молча. Между столами кружили в танце другие пары.

– Пойдем отсюда, – предложил Владимир, и они с Лизой быстро направились в вестибюль.

Глава 8

На дворе стояла середина марта, весна в этом году выдалась холодной. Еще держались морозы до шести градусов. Владимир позвонил Лизе вечером и попросил спуститься вниз к подъезду. Она взволнованная накинула шубку, надела платок и выскочила быстро.

– Привет, что-то случилось?

– Мне нужно ехать в командировку и завтра же. Комсомольская организация Днепрогэс обратилась за помощью, пока решали организационные вопросы, затянулось все, а теперь вот такая срочность.

– Это же Украина – далеко так. – Она смотрела на него с испугом. – Надолго?

– На месяц, я буду тебе звонить часто, а ты мне пиши письма и обо всем подробно. Время быстро пролетит. Они постояли около получаса и, попрощавшись, разошлись. Ни он, ни она не представляли пока, как будут коротать свое время друг без друга.

Ночным поездом Владимир уехал в Запорожье.

Днепрогэс в октябре 1932 года начала официально свою работу. Семьдесят процентов строителей Днепрогэс была молодежь, а, следовательно, комсомольцы. Строители ушли и на смену им пришли инженеры – энергетики, электромеханики, электрики, релейщики, обслуживающий персонал электростанции.

По приезду Владимир вместе с комсоргом ГЭС пошли знакомиться с этим грандиозным сооружением. Что такое ГЭС – это огромная плотина, сдерживающая миллионы кубометров воды, накопленные в водохранилище, которые, падая вниз, заставляют вращаться огромные железные турбины с невероятной скоростью и с помощью генераторов превращать механическую энергию воды в электрическую. Турбинный зал находится внизу, там шумно и страшно. За

широким пультом управления этой самой энергией сидят инженеры, читают что-то в книгах и листах, то и дело подходя к панели и переключая ручки. Датчики на панели мигают разными огоньками – дают понять, что все в порядке и электроэнергия по гудящим проводам поступает к потребителю – так называют всех нас, пользующихся электричеством, энергетики. ГЭС – это и стратегический объект на котором должны работать не только самые умные, но и самые надежные работники.

Владимир, пройдясь по станции, восхитившись человеческим умом и талантом, понимая какой это благородный и непростой труд инженера-энергетика, приступил с комсоргом ГЭС к работе, делясь богатым опытом работы комсомольских организаций крупных заводов и фабрик Москвы и области. Лизе он звонил через день, заказывал Москву и часами ждал пока его соединят, справлялся о ее делах, говорил о том, что скучает и потом еще долго слышал отголосок ее негромкого «я жду тебя».

Лиза училась, читала книжки, изучала языки и ждала возвращения Владимира, представляя, как она выбежит к нему, бросится на шею, как когда-то к отцу, когда тот приезжал из поездов. «Возможно, я даже поцелую его и пусть не думает, что я легкомысленная, ведь я же не скрываю, что жду его».

Она написала ему два письма, описав в подробностях погоду в Москве, чем занимается, о чем думает, какие произошли события и происшествия в ее окружении. Каждый раз

хотела написать в конце «Я так люблю тебя», но не решилась. Как-то, еще на первом курсе, она нашла в учебнике литературы любовную записку. Явно женский почерк спрашивал: «Почему ты бегаешь от меня?», а другой, мужской, отвечал: «Я боюсь твоей любви». Она с получаса смотрела на эти строки – они ее поразили. И теперь она ведь точно не знала, не напугает ли ее большая любовь Владимира, ведь он ей не сказал, что любит. Она написала вместо «до свидания» – «я жду тебя» и, влюбленная по уши, побежала на почту отправить его адресату в Запорожье с отметкой «До востребования».

Владимира не было больше месяца, уже была середина апреля, Лиза скучала, последние дни не отходила от телефона: «Ну позвони, позвони» – просила она. Одним из вечеров сидела дома одна, мачеха с Артемом уехали в гости на дачу к друзьям, грустила, начинала читать одну и ту же главу уже двадцать раз, но не понимала, что читает – мысли были о другом, о нем, конечно. Лиза понимала, что влюблена по уши, до сумасшествия. Он овладел всем ее сознанием, даже всеми будущими мыслями. На занятиях она еще как-то отвлекалась от мыслей о нем, слушала лекции, внимательно записывала, общалась с друзьями, но дома она изнемогла от тоски. Скажи он сейчас умри – она умерла бы не раздумывая.

В дверь позвонили. «Соседка, наверное, что ей нужно, ведь мачехи нет дома», – раздраженно подумала Лиза и

неохотно пошла к двери. Открыла – стоит Владимир с цветами, улыбается.

– Ах! Ну где же ты был? – жалобно спросила она. – Заходи, никого нет.

– Здравствуй, только вот приехал. Он зашел в прихожую. Лиза обняла его, им мешал букет, он все еще держал его в руке. Она со смехом взяла цветы и положила на столик возле телефона. Лиза была ослепительно хороша: глаза сверкали, нежные розовые губы что-то шептали. «Я хочу поцеловать его, – подумала она, – но, девушка не должна так настойчиво вешаться на парня, да и дома никого нет...», – останавливала она себя.

Владимир, не сдержавшись, поцеловал ее несмело, нежно и она тут же забыла все свои убеждения. Она неумело ответила на его поцелуй, прижавшись к нему согнутыми в локтях руками, по телу бежала дрожь, электрические импульсы били внутри, в ушах шумело, она задыхалась то ли от волнения, то ли от волшебного запаха любимого, то ли от нехватки кислорода. Они целовались долго, наконец Лиза опомнилась: «Все, все, соседи будут сплетничать всякое мачехе. Иди домой отдыхай. Завтра встретимся?» – еле ворочая языком негромко спросила Лиза, с усилием отстраняясь от Владимира.

– Конечно встретимся. Тогда до завтра, – бормотал Владимир, медленно приходя в себя.

– Лиза смотрела ему вслед, пока он не вышел из парад-

ной. Взволнованная пошла в комнату. «А это я его первая начала целовать или он меня?» – спрашивала она себя и пыталась вспомнить. «Хочу еще», – ответила, наконец, она себе на свой вопрос.

Владимир, опьяненный любовью, был просто восхищен Лизой – она чудо какое-то. На работе знали о его любви и всячески поддерживали – друзья были у него преданные. Он от Лизы пошел в горком, все еще были на работе, рассказал о своей поездке, о проблемах, говорили о войне. Первый секретарь вернулся из армии, рассказывал, что началось перевооружение. Обсуждали, что гитлеровская армия вооружена до зубов новейшей техникой, с сильнейшей дисциплиной. Разошлись поздно ночью.

На следующий день наконец немного потеплело, начал таять снег. Лиза выскочила из института, как бешенная, огляделась быстро. Володи не было. «Что это я, в самом деле, с ума сошла совсем, он же работает», – пристыдила она себя. Но стало грустно, заныло внутри.

– Девушка, вы моя любимая? – услышала она вопрос за спиной.

– Я, – радостно ответила она, повернувшись к Владимиру. Пошли вперед, улыбаясь, счастливые.

– Ну рассказывай, что там было на той ГЭС? Интересно?

– Обычно, я все время про другое думал, не до работы было. Засмеялись.

Она стала рассказывать какие изменения произошли за

это время в Москве, всех волновала тема войны, старшее поколение вообще только об этом и говорило, они ведь уже пережили одну войну и знали какие война несет беды и страдания. Часа два ходили по парку Горького, уже вечерело, побежали на трамвай, народу в трамвае было мало. Они стояли на ступеньке у задней двери, целовались, думали их никто не видит, но водитель лукаво на них поглядывала в зеркало.

Вышли на улице Горького смеясь, пошли вперед, взявшись за руки. Они подходили к очень модному в Москве заведению – бару «Коктейль-холл». На крыше светящаяся вывеска: конусообразный бокал с разноцветными слоями коктейля и надписью вокруг изящной ножки «Коктейль-Холл с торчащей светящейся трубочкой – соломинкой привлекала посетителей.

– Ты здесь бывала? Пошли, – предложил Владимир.

– Я не бывала здесь, но тут такая очередь, – засомневалась Лиза.

– Мы так пройдем, – засмеялся он.

У входа стояла очередь из модно одетой молодежи. Владимир подошел к швейцару, показал ему свое удостоверение, их сразу пропустили.

Коктейль-холл воспринимался, как мужской клуб, женщины тут бывали нечасто и всегда в сопровождении. Шикарное заведение: с могучими колоннами, лаковым паркетом, хрустальными люстрами, ковровыми дорожками, пальмами в кадках. Занимал бар два этажа в доме. Посетители сиде-

ли за длинными барными стойками. На втором этаже играл джаз-оркестр красивое танго. Поднялись по величественной, с резными перилами лестнице на второй этаж, заказали кофе с ликером и со сливками и маленькие ароматные булочки с корицей. Здесь сегодня выступал инструментальный ансамбль под управлением Александра Цфасмана. Послушали музыку около часа. Вышли, на улице было свежо, морозно, приятно было выйти из шумного, наполненного сигаретным дымом бара.

– Понравилось? – спросил Владимир.

– Так, – ответила Лиза, взяла Владимира за руку, как маленькая девочка, и повела его в сторону своего дома.

Владимир ехал домой, думал, что больше не может без Лизы ни минуты. «Сделаю ей предложение при первой же встрече», – решил он уверенно и немного успокоился.

Лиза забежал домой веселая, счастливая, мачеха смотрит косо.

– Что с тобой, ты чего порхаешь? – зло спросила она.

– Просто порхаю, лето скоро, – тихо ответила Лиза и пошла в свою комнату.

Неделя еле как дотянулась до пятницы, знала бы она, как два сердца скучают друг без друга – поторопилась бы точно.

В пятницу зазвонил телефон, мачеха сняла трубку.

– Тебя, – бросила сквозь зубы.

– Привет

– Привет.

– В субботу встречаемся в парке Горького в пять вечера?

– Встречаемся, конечно, – ответила Лиза негромко.

Мачеха подслушивала разговор, она вся извелась в думках, как бы разлучить Лизу с ее кавалером. Узнав, какой он серьезный, работает в горьком комсомола, она побоялась предпринять что-то в открытую, она по сути дела простая баба, правда, наглая и напористая, но с таким молодчиком она бы не справилась. Тут нужно брать хитростью. И придумала подлое, унижительное. Она не считала, что делает то-то плохое, ведь она защищает свое, пусть Лизка съезжает от нее и делает, что хочет.

Владимиру сказали, что его разыскивают. Высокая женщина ждала его в фойе.

– Мне нужно с Вами поговорить. Не знаю даже с чего начать. Я мать Лизы, вы ведь ее знакомый?

– Что с ней? – испугано спросил Владимир.

– Нет, нет, с ней все хорошо, – она замялась. – Ну, как Вам сказать..., ну в общем, она просила вам передать, так как побоялась сама с Вами объясниться, что ей очень приятно, конечно, что такой молодой человек обратил на нее внимание, – начала она говорить неуверенно, негромко. – Но как сказать? Вы человек не нашего круга, – она изменила тон и начала громко, чеканя каждое слово, бросать их в лицо Владимиру. – Она ведь профессорская дочь, начитанная, знает языки, привыкла к роскоши. А Вы что можете ей дать? А где она с Вами будет жить? Она не сможет жить в нужде, в тес-

ноте. Да и в институте Вы, наверное, не учились. Здесь одной милovidностью не отделаешься, а дети пойдут... Ой, нет – это не для нее все. В общем, она собирается построить отношения с ровней. Она еще при жизни Александра Петровича помолвлена с сыном его друга и коллеги, профессора, будет свадьба летом. Уж извините меня за прямоту, – закончила она и скрылась быстро.

Владимир униженный и высмеянный пошел обратно в здание. Он решил не думать об этом разговоре – это было слишком больно. Он еще в детстве научился не думать о горестных вещах, как-то мог переключать свои мысли в другую сторону. Доработав до конца дня кое как, пошел быстро домой, ему казалось, что прохожие сочувственно смотрят на него. «Как же быть – то теперь дальше?» – задавал он себе один и тот же вопрос. Не мог заснуть, тоскливо было, плакать хотелось. «Я буду просто ее любить, она прекрасная девушка, умная и красивая, ведь у многих так, разве каждый, кто любит всегда вместе с любимым человеком?» – это в голове зрели успокоительные мысли.

Лиза еле как дождалась субботы, прибежала в парк Горького к половине пятого, Владимира еще не было. «Пока не пришел», – решила, села на лавку, стала смотреть по сторонам со счастливой улыбкой. Так и просидела до самого вечера, ничего не понимая. «Не пришел, не смог прийти, конечно. Не случилось ли чего, ведь у него работа какая?» Было тревожно. Уже стемнело, встала, пошла медленно домой.

– Мне никто не звонил? – спросила она у мачехи, зайдя в квартиру.

– Нет, а кто должен был звонить? – спросила равнодушно та.

– Да так, может знакомые.

Прошел день, второй, Владимир не появлялся и не звонил. «Послали в командировку, а там нет телефонов, это какая-нибудь глушь, наверное. Конечно, уверена, что все хорошо, просто уверена», – успокаивала себя Лиза. Она заставляла себя не нервничать, не плакать, не пугаться, не волноваться. Но не получалось, ее сердце замирало от волнения, она плакала по ночам. «Если ты не придешь, я умру», – вдруг поймала она себя на мысли и испугалась их.

На третий день Лиза решительно поехала в Колпачный переулок к горькому комсомола. Подходя к зданию, еще издали увидела у входа группу людей, весело беседующих, по-видимому, ожидающих автомобиль. Владимир живой и здоровый стоял среди них, улыбаясь на шутки друзей. Лиза остановилась у забора, испугалась лишь бы ее не заметили, пошла быстро обратно. «Все нормально, а я так волновалась, боялась, – обрадовалась она. – Вернулся, наверное, только сегодня». Она прождала его звонка весь вечер и всю ночь. На следующий день выскочила из института, стала искать его глазами, стояла посреди двора долго, растерянно озираясь вокруг. Он не пришел.

И она поняла: «Он бросил меня, просто бросил, бросил

без объяснений. Так что он не придет, вот так».

Шли дни, а тоска от разлуки только усиливалась, никакие успокоительные мысли не помогали, ноги сами несли Владимира к дому Лизы – хоть издали взглянуть на нее. Она приходила из института всегда в одно и тоже время в сопровождении молодого щеголя. Он весело болтал с ней, а она всегда была печальна и тиха почему-то. Иногда он стоял ночами у их дома, не мог уйти, смотрел на окна и от этого ему было не так тоскливо, да и дома он не мог находиться, его душу разрывали обида, тоска, он скучал, скучал так, что, согнувшись клубком лежал и выл, как одинокий волк.

«Вот как это, когда бросают, сколько читала в книгах – это горестно, боль в душе нестерпимая», – рассуждала Лиза и все время думала о нем, ничего не мола с собой поделать. Начались экзамены, сдавала, ходила с подругами в город, те что-то рассказывали, но она их не слушала. Мачеха поглядывала на нее зло: «Что с тобой происходит?». Лиза ничего никому не объясняла, она еще не решила, что делать.

Глава 9

Вот уже и месяц май – весна была в разгаре, распустились деревья, зацвели первоцветы, прилетели птицы, наполняя город щебетом, люди снимали теплую одежду и ходили, наконец, в плащах, переобулись в туфли, по городу допоздна гуляли влюбленные парочки, по Москве – реке начали ходить прогулочные теплоходы. Москва расцвела с приходом весны, дни становились тепле и длиннее. Однако вес-

на в этом году выдалась прохладная, не исключением был и май.

Студенты готовились к сдаче экзаменов, закрывали последние хвосты, Лиза училась всегда старательно, теперь же у нее появилась цель – поскорее выучиться и уехать подальше отсюда – в Сибирь. Если бы можно было ускорить время – она бы его ускорила.

Владимир уехал подальше из Москвы в Комсомольск-на-Амуре, на Амурский судостроительный завод помогать местным комсомольским и партийным организациям в воспитании молодежи. Вернулся в Москву он только к середине июня.

Судьба распорядилась так, что они даже не объяснились друг с другом почему-то. Самолюбие Владимира было слишком уязвлено, Лиза же в силу своего воспитания не представляла, что нужно делать, да и что выяснять – унижать только себя и его.

Владимиру нравилось быть влюбленным, очень нравилось. Стоило открыть глаза, как его подхватывало, поднимало и несло к счастью, к радости. Он бежал на работу, все у него спорилось, получалось. Сейчас, проснувшись, еще не открыв глаза, он какое-то мгновение не осознавал, что больше не с Лизой, потом приходила реальность грустная и черная. А дальше... он не помнил, что делал за день, где был, ноги его несли к дому Лизы каждый вечер, глаза с жадностью всматривались в темные окна. Почему же она ни разу

не выглянула в окно?

Лиза же влюбилась так, как одновременно десять героинь, прочитанных ею романов. Она скучала – учебе это мешало. Душа весь день сжатая в кулак, распрямлялась, когда он подходил, ее отпускало, все заполнялось любовью, той любовью, которую она себе представляла. Сейчас ее душа не расправлялась и не давала дышать. Расставание с Владимиром ранило ее очень больно. «Так сильно никого нельзя любить», – отчитывала она свое отражение в зеркале.

В субботу 21 июня подруги пригласили Лизу погулять в Парк Горького. В парке шла реконструкция, на огромном плакате у входа можно было посмотреть планы – что изменят и добавят, посетители изучали их, горячо обсуждая, но с улыбками – все нравилось.

Лето было в самом разгаре, цвела белая и лиловая сирень, отцветали каштаны, парк был наполнен ароматами лета и леса, щебетом птиц, сияло высоко летнее небо. Они шли по парку вдоль миленьких, игрушечных ларьков с фруктами, мороженым, минеральной водой. Из-за угла навстречу им вышел Владимир. Он проверял состояние канцерной площадки в парке – в воскресенье намечался митинг и концерт – чествование выпускников школ. Все было готово к мероприятию и Владимир довольный не спеша пошел на выход. Завернув за угол, он увидел Лизу. Она шла навстречу с подругами, но видел он только ее. В грудь, как ударили кулаком, аж пошатнуло. Растерявшись на мгновение, как быть,

решил пройти молча, а что же еще делать. Он видел, что и она пошла мимо. Лиза же, увидев Владимира, ссутулилась, опустив низко голову. Подружки сразу все поняли, не стали расспрашивать ничего, и так было все понятно. Лиза не могла скрыть досады, бледная шла вперед, ничего не чувствуя и ни на что, не обращая внимания.

– Позови меня, позови, оклики, – кричал его немой голос. Зайдя за кусты, быстро обернулся, девушки не спеша уходили вглубь парка. И он почувствовал в эту минуту, что она ушла навсегда.

Владимир вернулся домой под утро 22 июня. В парке Горького закончились гуляния выпускников, веселые и счастливые они пошли по улицам Москвы, навстречу рассвету, новому дню, надежде.

Не раздеваясь, прилег на диван и задремал. Его разбудил звонок. Звонил первый секретарь горкома Анатолий Пегов.

– Война, Володя. Через час собираемся на Колпачном.

Стоял, держа гудящую трубку несколько минут. «Так скоро», – пронеслось в голове, быстро переоделся и побежал на работу. Еще издали увидел людей возле горкома. Комсомольцы, узнав о нападении Германии, стекались в Колпачный переулок за новостями.

Конечно, каждый из горкомовцев знал, что делать на случай чрезвычайного положения. С начала года сотни членов комсомола сдали нормы на значки «Готов к труду и обороне», «Ворошиловский стрелок», по противозвушной и

противохимической обороне. В первую очередь нужно было собрать их всех для дальнейших указаний. К одиннадцати часам утра должна была прийти директива из горкома партии на случай начала войны.

Секретарша напуганная, с заплаканными глазами носилась по кабинетам в панике, молодежь все прибывала и прибывала к горкому. Спустя полчаса во дворе начался импровизированный митинг. До Владимира доносилась бойкая женская речь, рассказывающая о фашистской Германии. Ему было не до нее сейчас, но он все же выглянул, чтобы посмотреть кто это. Девушка небольшого роста, полногрудая, в темном платье стояла на крыльце и громко рассказывала о враге. Активисты собирали заявления о добровольной отправке на фронт. Тут же составлялись списки всего необходимого для фронта, наметили пункты сбора сигарет, мыла, сахара, бинтов.

Девушка вещала о том, что пока не известно, что же сейчас происходит в Брестской крепости, возможно враг уже остановлен, но расслабляться нельзя, враг суров и опасен.

Приехавший к обеду первый секретарь горкома Пегов, полдня пропадавший в военкомате и горкоме партии, уже знал, что фашисты бомбят города. Остановить врага не смогли, и вражеская армия уверенно захватывает села и поселки на своем пути.

После обеда Пегов вышел к собравшимся и сообщил, что президиум Верховного совета СССР принял документ о при-

зыве в Красную Армию людей 1905- 1918 годов рождения, которым незамедлительно следует явиться в военкоматы. Горком же комсомола будет формировать части народного ополчения по принципу добровольности.

Прослушав выступление Молотова о нападении фашистской Германии на Советский Союз, жители дома № 12 по улице Горького долго не расходились, рассуждая что будет дальше, насколько силен враг, кто из жильцов подлежит мобилизации. Здесь бравых речей не говорили.

Мачеха почернела, осунулась, молча возилась на кухне. Артем бегал во дворе с мальчишками и приносил последние известия с улицы, прибегая домой каждые полчаса.

Лиза закончила четвёртый курс, экзамены все были сданы успешно и сейчас она сидела дома, не зная, что делать, в страну пришла беда. Она просыпалась и начинала сразу плакать, потом немного успокоившись шла в комнату, общалась с мачехой и братом. Про Владимира она ничего не знала. Лиза любила его еще сильнее, думала только о нем, никто в ее окружении даже не подозревал, как она страдает. «Где ты, любимый мой, как ты, любимый мой?» – тосковала она.

23 июня Владимир с утра прибыл в военкомат. Его призывали сразу же в 8 сухопутную армию РККА, которая обороняла Прибалтику. На следующий день с утра он ездил на завод «Серп и Молот», руководство завода в панике звонило в горком, так как молодые работники все сплошь рвались на фронт, не слушая никаких уговоров.

25 июня на "Красной Стреле" Владимир прибыл в Ленинград на Московский вокзал. Здесь прямо и формировалось пополнение в 8 сухопутную Армию. Фашистские войска с ожесточенными боями стремительно, захватывая по двадцать, тридцать километров территории в сутки, приближались к Ленинграду, значительно превосходя Красную армию в силе и технике, которая несмотря на героическое сопротивление и огромные потери не могла сдержать наступления противника.

Глава10

Из Москвы в Ленинград прибыло около ста восьмидесяти новобранцев. Помятый майор, сопровождавший солдат, еще в поезде, бегая между ними, составлял списки, переговаривался негромко с каждым, и по прибытии прямо на перроне, прокричав быстро фамилий тридцать, включая Черноглазова, попросил всех пройти следом в здание вокзала.

Московский вокзал светлой зелено-бирюзовой окраски органично вписывающийся в величественную архитектуру Ленинграда, находился в самом сердце города, недалеко от Невы. Огромный, имеющий форму круга, вокзал занимал всю площадь Восстания. Отсюда ежедневно улетал фирменный поезд «Красная стрела» в Москву на Ленинградский вокзал.

Толпы людей с чемоданами носились по перрону, группами перебегая рельсы, бросаясь от одного поезда к другому. Напуганные дети бегали за родителями молча. Гудки локо-

мотивов поддавали нервозности пассажирам.

Зашли с главного входа, в башню с часами. К новобранцам вышел полковник и тихим голосом сообщил, что все они здесь собравшиеся, отслужившие в армии, будут без обучения отправлены на фронт. 8 Армия, куда прибывшие из Москвы были мобилизованы, защищающая Прибалтику, с тяжелыми боями отступает, фашистские войска в нескольких местах прорвали оборону и вклинились вглубь страны, приближаясь к Ленинградской области. Для усиления обороны юго-западных подступов к Ленинграду создается Лужская оперативная группа, которая будет состоять из двух стрелковых дивизий, дивизии народного ополчения и студентов ленинградских училищ, куда все Вы и направляетесь на службу. После принятия присяги, оформления необходимых документов все немедленно будут отправлены в место обороны укрепления по линии Петергоф-Пулково.

На крытых брезентом грузовиках новобранцев отвезли в Муравьевские казармы, на реку Волхов. Здесь квартировалась воинская часть. Это была старая постройка: казармы с толстыми кирпичными стенами, образующими прямоугольник с внутренним двором, с водонапорной башней в центре. Здесь же хозяйственный двор с кирпичными постройками: баня, пекарня, конюшня и другое.

Тревожно было у всех на душе, молча ели, молча курили, молча подбирали под себя обмундирование. Владимир с горечью сожалел, что не смог попрощаться с Лизой. Он думал,

что у него будет хотя бы полдня в запасе. Он знал, что ей скажет, знал, что его слова ее не напугают, не расстроят. Он сказал бы, что превратил любовь свою к ней в ее личного ангела-хранителя, который уберезет ее от всех бед и разочарований. Но все так стремительно развивалось, что ему едва хватило времени заскочить в поезде. «Свидимся ли хоть издали еще?».

А в Москве уже объявили военное положение. Начали звучать воздушная и учебно-боевые тревоги, вступил указ о светомаскировке жилых домов. Город начал жить в условиях военного времени.

По радио каждый день передавали новые указы правительства. Первого июля озвучили постановление «О порядке эвакуации детей из Москвы». Мачеха Анна Петровна, прослушав сообщение, быстро переодевшись, помчалась куда-то, ничего не сказав ни Лизе, ни Артему. Часа через четыре прибежала, распираемая эмоциями.

– Представляете, предлагают детей самих, без родителей, на теплоходах от Краснохолмской набережной отправлять до Рязани, взяв с собой немного одежды и одеяло. Ужас.

– Звонили с домоуправления, можно уехать с Казанского вокзала ребенку вместе с матерью, – успокоила ее Лиза. Вы, как жена профессора, в списках на эвакуацию в Ташкент. Туда эвакуируют писателей и художников тоже, кажется.

– В Ташкент! – воскликнула мачеха. Минут пять молчала. – Нет, мы пока не поедem, посмотрим. Я вот почему-то

чувствую, что все обойдется, вот прямо чувствую.

Лиза знала, что это за чутье, мачеха не могла оставить квартиру и богатство профессора – это было для нее самое дорогое, даже Артема она отпустила бы одного.

В эти же дни приступили к срочной маскировке столицы – придумали так спастись от немецких бомб достопримечательности Москвы: Красную площадь, Кремль, Мавзолей, Большой театр, памятники.

Подруга Лизы, работающая в горисполкоме, предложила ей работу – на Красной площади строили «Потемкинские деревни». Привлекли солдат, коммунальные службы и комсомольцев. Немного поразмыслив Лиза поняла, как это важно, она рада была отвлечься от раздирающих душу мыслей. В Москве меняли ландшафт домами – призраками: застраивали все парки, скверы, площади, по которым можно было восстановить карту города. Крыши домов имитировали дороги, а над настоящими натягивали полотна, разрисованные под крыши. Сооружали искусственный мост через Москву-реку. Солдаты натягивали полотна над стенами Кремля. Здания Кремля перекрашивали под жилые дома, купола церквей замазывали серой краской, кресты снимали, крыши тоже перекрашивали в серый цвет и расчерчивали, как дороги. На Красной площади появились постройки из фанеры, возвели искусственные улицы. Мавзолей превратился в обычный трехэтажный дом с двухскатной крышей.

Получив ведро с краской и кисть, Лиза шла к кремлев-

ской стене, рисовать на ней окна и подъездные двери. Работы было много, дело требовало оперативности, привлекая художественный талант – все должно было выглядеть больше, чем правдоподобно. За работой она отвлекалась, мысли уносили ее к любимому, куда же еще! Она не могла оправдать его поступок. «Почему он так поступил со мной? Это вообще на него не похоже. Ну, да, конечно, его напугал мой интерес к обручальным кольцам. Он не хотел жениться. На мне, интересно, или вообще. Почему? Что если он секретно женат на такой же тетёхе, как Панфилов. Ездив по городам, колхозам, он уж точно не упустил возможности переспать с девицей, да еще на выбор – с его то внешними данными. Но ведь со мной он был так тактичен и сдержан и вел себя точно джентльмен из французского романа. Ведь у нас тогда могло все произойти... Там, в Царицыно. Он работал на семинаре, я приперлась, как влюбленная дура. Я ему мешала, – усмехнулась Лиза, – он поглядывал все время в мою сторону и отвлекался от беседы. Потом эта прогулка по лесу. Забрели в избушку. Сумасшедшие, такие сладкие поцелуи. В избе тепло, темно, пахло прелыми листьями, от него шел жар, словно от доменной печи. А как он все «удачно» закончил: взял мою руку, поцеловал и сказал нежно: «пойдем, поздно» – вот и вся любовь.»

Глава 11

8 июля Владимир, назначенный комсоргом батальона, прибыл на фронт в район реки Луга. Вышел из машины, по-

казали, где находится командир дивизии, пошел в сторону блиндажа.

Он почувствовал, как будто заложило уши, потом комок подступил к горлу, сглотнуть его не смог. «Что это? Заболел что ли, как некстати», – подумал.

– Воздух, воздух, – закричали вокруг.

Группа вражеских истребителей пронеслись над головой и только сейчас он услышал свирепый гул моторов. Быстро прыгнул в окоп, прижался к земле. Через минуту все вокруг затряслось, завизжало, земля рвалась на части, дым гарь, пыль, рев самолетов, крики людей – все смешалось в один зловеший рык. Комки земли били в спину, иногда очень сильно, прикрывал голову руками. Через какое-то время тишина – улетели. Владимир поднялся, отряхнул грязь с одежды, осмотрелся. Отовсюду из-под земли выползали солдаты, в пыли с ног до головы. Отряхиваясь от земли приходили в себя, кто копошился, кто искал оружие, кто пытался закурить трясущимися руками папиросу, у кого по грязному лицу катилась слеза, оставляя глубокий след.

Владимир пошел к командному блиндажу, низко нагнувшись, пролез внутрь, поздоровался и представился: «Комсорг Черноглазов прибыл в ваше распоряжение».

– С боевым крещением, – протянул ему руку комбат.

Вышли с комбатом наверх, проверить подразделение после налета. Разорванная земля клубилась дымом. На краях окопов сидели грязные солдаты, приходя в себя, бегали са-

нитары, проверяя лежавших на земле людей.

– Вот так весь день. Бомбят без остановки, – зло выдавил из себя комбат. – После самолетов артобстрел. Остервенелые. У них задача – взять Ленинград за неделю, но кукиш им, дудки – пока есть мужчины в стране не выйдет у них ничего. Ты откуда? – поинтересовался комбат. – Лицо мне твое знакомо.

– Из Москвы, работал в горкоме комсомола – оттуда, наверно.

– Черноглазов Владимир, да, вырезка из газеты с твоей фотографией висела на стенке у моей сестры. Хм, мир тесен. Ну что ж, приступай к работе, принимай пополнение, подготовь документы на убитых. Приятно познакомиться, сработаемся, думаю. И разошлись, пожав друг другу руку. Потом, идя, молча к блиндажу горестно подумал: «Так же хорош, как в газете, точно артист, жаль, очень жаль». Он знал, что век комсорга не долговат – от одной до двух атак.

Лужская оперативная группа активно укрепляла оборону: перед основной главной линией обороны строилась полоса предполья – полоса препятствия, создаваемая для сдерживания врага. Планировалось укрепить оборонительными сооружениями сто семьдесят пять километров территории при глубине до пятнадцати километров, установить сотни дзотов и дотов, вырыть километры противотанковых рвов, подготовиться к немедленному уничтожению дорог, мостов, минированию территории в случае прорыва врага.

У комсорга на фронте много работы: руководство комсомольской ячейкой, ежедневное проведение политбесед, выпуски боевых листов, работа по воспитанию комсомольцев, привлечение молодых солдат в ряды комсомола, а кроме этого принять и устроить пополнение, проверить обмундирование, поднять боевой дух, который на войне не менее важен, чем крепость боевого железа. К комсоргу шли со всеми вопросами, начиная от военных проблем до бытовых.

Но самое важное, что комсорг – это авторитет, авторитет во всем, будь то внешний вид, поведение, поступок. Это он, сжав весь свой страх в кулак и собрав всю силу воли, бросается первым на вооруженного врага с криком «Ура», поднимая солдат в атаку.

С утра 11 июля по территории обороны Лужской группы шла отступающая 90 стрелковая дивизия Северо-Западного фронта из-под Пскова в тыл на переформирование. Шли молча, не глядя ни на кого, уставшие, потрепанные, грязные, по их виду было видно, что они побывали в пекле.

На следующий день, 12 июля, на дальних подступах к Луге фашисты вступили в бой с частями прикрытия Северного Флота. Их встретили подразделения 483 полка, оборонявшие передний край полосы предполья.

Фашисты шли стеной, широкой полосой. Прорывая слабо укрепленные позиции, немецкие танки рыча рвались вперед, выдавливая солдат. Пехота вооруженная и обученная шла следом. Остановить эту зловещую машину было сложно.

Линия фронта растянулась на километры, противотанковые орудия стояли не по всей линии обороны. Солдаты, как могли обороняли рубежи гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Минута, другая, русская брань и вот уже несколько танков горят. Отброшена назад обученная пехота. Пройдет несколько часов, пока те вновь поползут вперед. И снова полетели вперед гранаты и бутылки с зажигательной смесью, застрекотали пулеметы и оружейные выстрелы. Красноармейцы дрались самоотверженно. Неравный бой. Под атакой танков и мотопехоты немецкой дивизии 483 полк, впервые оказавшийся на фронте, отошел.

Фашисты бросались в атаку за атакой, лезли напролом. Бои шли тяжелые, было много убитых и раненых, наши позиции бомбили страшно, постоянно. Каждую ночь в батальон приходило пополнение. В комсомол вступали поголовно, им уже не выдавали удостоверений, да многие и не успевали бы получить их.

Владимир думал о Лизе постоянно, волновался за нее – как такая хрупкая, нежная девушка переносит лишения войны, умело ли она укрывается во время бомбежки – ведь и Москву бомбили. В минуты отдыха он в полудреме вспоминал прекрасные минуты счастья, которые ему даровала судьба – прогулки и беседы с Лизой, поцелуи. Было у него счастье, настоящее, большое. Душевная тоска немного отошла. У него не было фотографии Лизы, а ему так хотелось смотреть на ее лицо. Бывали моменты, когда он как будто забы-

вал ее черты, он пугался, начинал паниковать, но потом образ ее возвращался, обливая теплом его сердце, его истосковавшуюся душу.

Лиза продолжала ходить на маскировку столицы. В городе начала звучать воздушная тревога, самолеты пронеслись над городом, но не бомбили почему-то.

Сигнал воздушной тревоги разбудил Лизу 21 июля в десять часов вечера. Она только заснула. Вскочила испуганно, бросилась из комнаты, спали одетыми. Анна Петровна с Артемом уже собрались. Выбежали из дома, потом в бомбоубежище через дорогу, оно находилось в глубоком подвале высотного дома, напротив. Зловещий гул тяжелых немецких бомбардировщиков был слышен и под землей. Прислушавшись, можно было ощутить подрагивая земли. Бомбили Москву непрерывно до четырех часов следующего дня. Люди с ужасом воспринимали происходящее. «Как вообще это все может происходить?» – ужасалась Лиза. Только к пяти часам дня 22 июля им разрешили выйти из убежища. Поднялись, глаза прищурились от дневного света. Люди выходили молча, растеряно. Москва была другой. В воздухе стоял крепкий запах дыма, гари, керосина. Лизе показалось, что он вибрирует, ну так бывает, когда смотришь на воздух над костром. Пошли по улице со страхом, оглядываясь вокруг. Улица Горького почти не пострадала.

Оставив Лизу с Артемом, мачеха побежала на разведку к знакомым, потом принесла вести, что в налете участвова-

ло не меньше двухсот фашистских самолетов, что несколько бомб упало в Кремле, одна пробила крышу Кремлевского Дворца, но не ворвалась, разрушен театр Вахтангова на Арбате.

На следующий день бомбардировка повторилась.

Глава 12

К 24 июля отряды Лужского участка обороны отступали по направлению к Луге. Сильно отступили, километров на тридцать. Местность в этом районе труднопроходимая – лесисто-болотистая, дорог нет. Немецким танкам было здесь тяжело, они не могли пройти по топям. Красной армии это мешало не меньше, конечно.

Бомбежки с воздуха и земли, сменяемые пешими атаками, не прекращались ни днем, ни ночью, они вообще не имели паузы. С Красной армией, которая никак не могла набрать силы, окрепнуть, имела огромные потери убитыми, ранеными и взятыми в плен солдатами, воевала сильная, обученная, жестокая и сытая 21 дивизия армии «Север».

Тяжелые бомбардировщики, груженные до верха смертоносным грузом, ползли на Ленинград. Солдаты уже отмечали, какие самолеты летят к городу, какие будут бомбить позиции. Советские легчики тут же поднимались им навстречу, ведя бои не на жизнь, а на смерть.

Фашисты в своих атаках применяли, так называемый «стальной кулак» – опыт, отточенный еще при захвате Франции. Танковые клинья рассекали оборону армии, заходили

глубоко в тыл, потом шла обработка территории авиацией, а дальше вступала пехота. Танковые клинья смыкались, окружая войска, и пехота их уничтожала.

Ежедневно в дивизию приходило пополнение из народного ополчения. Серьезные мужчины в штатской одежде: широких брюках, помятых пиджаках, рубашках не первой свежести, поношенных пыльных ботинках и картузах, прикрывающих лоб и сердитый взгляд, мало походили на вояк. Винтовка на плече и пара гранат за поясом – вот и все снаряжение. Владимир, переписывая их, внимательно всматривался в лица угрюмые, немногословные, серьезные и сердитые. Шагов Андрей, Машкин Николай Ильич, Окрушко Григорий Матвеевич, Синеглазов Виктор Андреевич. Вскинул быстро взгляд, выдавая ему удостоверение, сказал: «Берегите себя». Мужчины из оккупированных деревень тоже вступали в ополчение или в создаваемые партизанские отряды.

Десятки тысяч ленинградцев и жителей пригорода днем и ночью под бомбежкой строили оборонительные сооружения на подступе к Луге: противотанковые окопы, дзоты и доты. Лужский участок обороны нечеловеческими усилиями сорвал гитлеровские планы по захвату Ленинграда сходно. Получив сильнейший отпор и потеряв немало техники и солдат немецкое командование взяло паузу для перегруппировки войск, чем воспользовалось советское командование для укрепления обороны Ленинграда.

Через неделю фашисты пошли в атаку с новой мощью. Об-

стрел начался с утра и не прекращаясь ни на минуту, засыпая позиции красноармейцев бомбами с земли и с воздуха.

Измотанные солдаты не ели с вчерашнего вечера, кухня не подходила и Владимир поехал узнать, что с провиантом. Зашел в командный блиндаж.

– С утра отбили две атаки, – докладывал кому-то на той стороне линии комбат.

Те, видимо, спрашивали о потерях.

– Потери большие, человек пятьсот с утра, делаем сводку, – устало продолжал докладывать комбат.

Комбат слушал кого-то еще минут пять, тот точно давал указания – значит со штаба фронта звонили.

Поприветствовал Владимира, сел, закурил.

– Ты не куришь? Так и не начал? – протяжно удивился он, – зря, это отвлекает и бодрит. Знаю зачем пришел, разбомбили все наши припасы. Через полчаса подойдет санитарный поезд, готовьте раненных, они, вроде, продукты привезут. Ополченцы прямо под бомбежками проложили насыпь с рельсами.

Раненых погружали бегом, за полчаса управились. Провиант не привезли. Пришлось идти в уцелевшую деревню неподалеку. Вошли в первую избу. Здесь все напоминало о мирной жизни: чисто, тихо, кухонная утварь на печи, красиво заправленная кровать у стены, книжки на полках, стол накрыт вышитой скатертью, дорожка от входной двери до кровати, образа в углу. Обошли несколько изб – нигде никого нет.

– Вы что тут ищите, мужиков нет, записались уже, – из-под земли кто-то с ними говорил.

Еды какой-нибудь бы, а Вы кто такой? – спросил его Владимир.

– Директор школы Тарасенко Иван Иванович. Тут многие по землянкам прячутся от бомбежки. Хлеба могу дать, вчера работала пекарня. Пошли в сторону небольшого домика, с виду напоминающего сельмаг. Зашли, небольшое такое помещение, хмуроватое, большие чаны чугунные на полу, две огромные печи во всю стену и длинный грубый стол вдоль другой стены, заваленный буханками. Аппетитные хлебные крошки рассыпаны по столу. Владимир не удержался, смёл их одной ладонью в другую и в рот. О! Такого вкусного хлеба он не ел. Тарасенко наложил в мешок буханок доверху, повернулся к солдатам и зло спросил:

– Нас тоже сдадите?

– Нет, Вас не сдадим, – ответил Владимир, взвалил мешок с хлебом на спину и направились обратно. Хлебный аромат забивал ноздри. Навернулись слезы: хлеб пах домом, матерью, родным очагом. Отламывая по куску от буханок, раздавал сидящим под обстрелом солдатам. Сквозь шум боя было слышно, как хрустят корочки.

Лиза уже неделю не выходила из дому. В один из дней она попала под дождь холодный и колючий и вот теперь ангина. Позвонили в дверь. Мачеха поплелась, шаркая тапками, к двери. Дверь в комнату Лизы резко открылась и на пороге

во всей своей красе предстала Маша Королевская.

– Маша! Лиза бросилась с объятиями. Ты когда приехала?

– Сейчас только и сразу к тебе. Ой, как пробиралась в Москву, что творится, сейчас только попою воды и все расскажу.

Мачеха Анна Петровна вбежала со стаканом теплого чая.

– Пей и скорее рассказывай – нетерпеливо требовала она.

Маша вдруг задумалась.

– Война, ведь, везде плохо. Я утром узнала 22. Брат двоюродный Вася прибежал с выпускного, глаза вытаращил «Война!». Мать с бабкой затужили, запричитали, все до сих пор и тужат. Мужчины в военкомат побежали, кого призывали, кто добровольцем. Месяц думала, как поступить, но сводки печальные, фрицы уже на подступах к Ленинграду, а уж когда Москву бомбили решила точно, что делать. Я добровольцем вступила в оборону Москвы – буду дежурить на крышах домов, тушить фугаски. На поезде доехала до Курского вокзала. Станции полны народу, прибывают эвакуированные с Москвы и Ленинграда, технику перевозят: пушки, танки. Тут как налетели самолеты, такое творилось, бомбили вокзал, были убитые, раненых много. Женщины кричали, аж до сих пор в ушах звенит. Но вот добралась, хорошо. Анна Петровна со словами «Что ж это делается то!» пошла к Артему.

– А ты как? – спросила она наконец Лизу, – страдаешь еще?

– Страдаю. Я ничего про него не знаю. Столько погибших, хоть бы его только ранило, если уж суждено, – большим горлом рассуждала Лиза.

– Я вот все думала, – тихо говорила Маша, – ведь он в тебя был безумно влюблен, как он мог так поступить? И он не оставлял впечатление бабника, ловеласа, негодяя, в конце концов. Просто так исчезнуть без объяснений причин, ну, прямо, не достойно даже трусливого мужчинки.

– Я думаю, возможно, он женат, как его коллега Панфилов. Ха! Ты бы видела ту женушку. Может они и хотели бы избавиться от них, ну уж Панфилов хотел точно, но как. Эти бабенки их просо так не отпустят. Ну не таким же способом, как в «Американской трагедии» Драйзера.

И девушки рассмеялись. Маша вскоре засобиралась, сегодня ночью она приступает к дежурству.

Глава 13

Защитники Лужского оборонительного рубежа отступали.

27 июля Владимир отправился в Красногвардейск. Там формировалась новая дивизия для оборонительного рубежа. Разведка сообщала, что боевая группа противника сосредотачивается на юго-востоке области.

Сформированная дивизия состояла из бойцов народного ополчения, курсантов, и офицеров Ленинградского училища военных сообщений. Погрузили на поезд батальон из пяти ста бойцов, провиант, снаряды. Этим же поездом перекиды-

вали гаубичную батарею из восьми орудий. Комбатом назначен был Астапов Владимир Ильич. В мирной жизни он был начальником конструкторского бюро на радиозаводе в Волгограде. Его отдел создавал радио перехватчики. Война застала его в Петербурге, он гостил у родителей. Попросился добровольцем – взяли. Как его отпустили на фронт Владимир не понимал.

Поезд быстрым ходом направился к оборонительному рубежу.

Места здесь живописнейшие: сосновые бескрайние леса, озера с прозрачной водой и песчаными берегами, поросшими лесом, широкие долины, прорезанные глубокими оврагами с подземными ключами, запруды, созданные природой и бобрами, чистый воздух, высокое небо и много солнца. Здесь пока не было боев, тишина нарушается только звуком идущего поезда, гудком локомотива и щебетом птиц. Остановились на разъезде 131 километр – это в двух километрах северо-восточнее деревни Средние Крупели и трех километрах южнее города Луги. Это и есть место позиции. Следующим поездом придут тысячи жителей Ленинграда и области создавать оборонительные укрепления, строить дзоты и доты, окопы и противотанковые рвы. На все про все отводилось три дня, времени больше не было.

На оборонительные укрепления бросили все силы. Комбат с Владимиром рано на рассвете отправились в примостившуюся на самом краю леса дикого, густого, ароматного

деревню Средние Крупели. Небольшая – всего девять дворов. Аккуратные срубленные еще в старину домики стояли прямо на берегу озера с прозрачной водой зеленоватого оттенка. Мужчин в деревне не было – все ушли на фронт, женщины работали на строительстве оборонительного рубежа. К солдатам выбежали дети, вышли напуганные старики. Владимир рассказал, что и как, предложил поскорее уезжать отсюда: «Горячо здесь будет не сегодня, так завтра. Увозите детей». К Владимиру подошла полная женщина в старом халате.

– Не узнаете меня? Я Нюра, – смущенно сказала она.

– Нюра! – воскликнул Владимир. Надо же где свиделись.

Ты тут живешь, оказывается.

– Нет, я приехала к деду с бабкой рожать. Вот родила мальчика, хороший мальчик. А что с Ильей не знаете, у меня с ним два месяца связи нет никакой.

– Нет, к сожалению, – виновато ответил Владимир, я на фронте с первых дней, о них тоже вестей не имею.

– А почему вы отступаете? – тихо спросила она, – разве ж так можно?

Владимир горестно смотрел на нее.

– Уезжай поскорее отсюда, здесь скоро пекло будет, – и пошел к комбату, поджидающему его.

Обернулся, Нюра смотрела ему в след, стояла ссутулившись, короткий халат трепало ветром, открывая, толстые колени. Ребенок мирно спал на руках. Минуту думал, побе-

жал назад.

– А ну давай собирайся, десять минут на сборы, я тебя отправлю в тыл. Нюра побежала в дом и через пять минут выскочила, готовая к поездке. Попрощалась с бабкой слезливо, деда не было дома – рыл окопы. Хмурые старики, посерев, молчаливо стояли в раздумьи. Никого не щадит война – такой у нее закон. Поехали обратно на разъезд, там он посадил ее на поезд до Ленинграда.

За три дня нарыли километры траншей, противотанковых рвов, окопов, создали искусственные заграждения. Дзоты и доты, пугая зияющими ртами, выстроились перед оборонительным рубежом.

Владимир не спал больше суток, приняв и разместив по позиции снайперов, чувствуя, что засыпает, пошел к небольшой чаще. Молоденькие сосны тянулись вверх, к солнцу. Редкий в Ленинградской области климат. Днем только что не укрываешься от зноя, а начало смеркаться – в пору одевать телогрейку. На рассвете всегда морозно, аж зубы стучат. Сел у дерева, облокотясь спиной о ствол. Нужно к обеду выпустить боевой листок – наметил он себе план. За кустарником притаился заяц. Владимир замер, стал, улыбаясь, наблюдать за зверьком и заснул.

Проснулся от криков.

– К бою! – кричали командиры рот.

– К бою, к оюю, оооююю, – повторяло эхо. Зори здесь тихие – далеко полетел по позиции приказ командира.

Как оказалось, фашистская пехота так рядом – не заметили, как подошла за туманом – выползают отовсюду.

– Огонь! – закричал командир.

И в ту же минуту пулеметы застрекотали, цокая железными зубами, солдаты, прикрывая друг друга, ловко перезаряжали винтовки.

– Гранаты к бою! – надрывно кричал командир. Гранаты полетели вперед – взрывы, крики. Немцы побежали обратно, так умело исчезли, словно их и не было.

– В укрытие! – понеслось по траншеям.

Загудело – и шквал огня. Взметающаяся вверх земля казалась огненной, черный дым тут же заволакивал все вокруг, запах гари и пороха душил. Рассекаемый воздух шел на наши позиции волнами смерти. Солдаты глубже урывались в землю.

– К бою! – кричит охрипший командир.

Повыползали кое как из земли, грязные, земля в глазах, во рту, под одеждой. Загудели гаубичные установки – артиллеристы вступили в бой. На позиции оборонительного рубежа ползли немецкие «тигры», строго в шахматном порядке, открывая себе дорогу шквалом огня.

– Готовь гранаты! – прокричал охрипший командир.

Над головами пронеслись истребители со звездочками на крыльях – помощь пришла. Обстреливали немецкие позиции пока были боеприпасы. Те не стали рисковать, повернули обратно.

И вновь шквал огня – лютовала фашистская артиллерия. Без команды солдаты вновь зарываются в землю. Обстрел продолжался около часа.

На измотанных, грязных и оглохших солдат, переживших очередную бомбежку, нападают минуты радости – глубочайшая благодарность за то, что ты жив, они выползают откуда-то из земли грязные, пыльные и смеются, шутят, кто-то даже подтанцовывает, и не успев выкурить папиросу, занимают позицию обороны, чтобы защитит, не отдать врагу в этот раз уголок родной земли.

Но не отстояли, Лужский рубеж на данном участке обороны был прорван. Часть дивизии отошла дальше, часть попала в окружении, продолжая вести бои.

Отошедшие несколько батальонов влились в войска 8 армии, в ту самую, в которую и мобилизовывался Владимир.

8 Армия с боями отступала. К 6 сентября отступили на рубеж Копорский залив – Ропша, что южнее Петергофа. Немецкие войска заняли Шлисельбург и замкнули кольцо блокады вокруг Ленинграда, захватили Пушкин. 1-я танковая дивизия противника вышла к конечной остановке ленинградского трамвая в 12 километрах от центра города.

Владимир иногда забивался в дальний окоп и выл по-звериному, от бессилия, от обиды. «Как же так получилось все это, враг так силен, и мы ничего с этим не можем поделать, почему мы не ждали его...» Но потом приходило понимание – удар немецкой армии был такой силы, что предугадать это,

а тем более устоять было невозможно.

С утра 18 сентября части 8 армия при поддержке морской пехоты и кораблей Балтийского флота остановили наступление гитлеровцев и создали устойчивую оборону на подступах к Ораниенбауму. Бои шли жестокие, враг преобладал в технике.

Очередной артобстрел фашистских орудий не давал защитникам поднять головы почти сутки. Немецкие позиции в ответ нещадно бомбили и обстреливали советские войска – смертельная дуэль.

Стихло только к утру. Сквозь дым ничего не видно, ждут пока рассеется. Всматриваются с надеждой. Лес стоит – уцелел. Осень начала окрашивать багрянцем леса. Конец августа и сентябрь выдались холодными, средняя температура не поднималась выше семи градусов. Под утро морозно. Воздух чистый, ясно – ясно. На небе еще видны звезды, а на востоке багровеет заря – солнце встает. В эти часы так хочется спать, закутавшись в мягкое одеяло.

Уставшие они лежали прямо тут, каждый на своем посту, на мокрой земле в мокрых шинелях. Всю ночь шел дождь осенний, холодный. Солдаты спали. Тревожные всхлипы, бормотание во сне, храп. Владимир натянул на щеки влажный, колючий, пахнущий овчиной мокрый воротник шинели. Попытался заснуть, не получалось – никак не мог согреться. Встал, пошел к огню, здесь сидели солдаты – грелись и сушились.

– Садись, комиссар.

Сел, солдаты говорили о чем-то вполголоса, теплом пахнуло в лицо и его сразу сморило, задремал.

Открыл глаза, уже солнце взошло. Не то спал, не то не спал, но сон видел. Лиза бежала к нему. Он шел к ней, срывая цветы по дороге – ромашки, солнце светило и чувствовалось тепло. Начали просыпаться замерзшие солдаты, кричать, кашлять. Повис запах курева. Владимир отошел от костра, сел возле толстого ствола дуба... и заснул.

Он проснулся от тишины. «Я вообще живой?» – в подсознании мелькнула мысль. Встал быстро.

– Есть будем? – кто-то обратился к нему.

– Хотелось бы, узнаю пойду, – ответил.

– Сейчас поедим, – с досадой пробурчал старик – ополченец.

Немецкие истребители неслись над степью, прорывая воздух крупнокалиберными пулемётными очередями, расстреливая солдат. Кто-то из солдат не выдержав, бросился из окопов вперед, тут же настигаемый пулями.

Солдаты стреляли из винтовок по самолетам, пулеметчик строчил, что есть мочи и кричал громче пулемета: «Паалуучии!».

Советские истребители выскочили из-за леса. Завязался бой. Мессершмытты повернули обратно, истребители за ними. Что уж там было дальше солдаты не видели, они с ужасом смотрели вперед – на них ползли танки, дико рыча, пус-

кая густой синий дым и, поднимая до небес брызги воды с грязью.

– Не убежать! Никому не убежать! – кричал Владимир, бегая по окопу, – занять свои позиции.

Расчехлили противотанковые пушки, солдаты прижались к ружьям.

– Думал помру от мессера, а не угадал – вот наш конец, – причитал зло усатый ополченец.

Владимир шел вдоль окопа, рассматривая солдат, ожидавших еще неизведанного скорого боя и не без волнения, подумал: «Вам скоро придется принять бой и еще неизвестно как все обернется».

Владимир уже несколько раз поднимал солдат в атаку за время боев, – комсорг обязан подняться в атаку первым и весь батальон ждет этого момента. Долг помогал Владимиру справиться со страхом. Он с криком «ура» вставал и кидался вперед. Ему хотелось обернуться, и посмотреть поднялись ли бойцы, преодолели ли свою слабость, но нельзя, потому, что обнаружится твой страх и недоверие к сослуживцам. И тут он слышит сзади раскатистое «урааа» и топот, бегущих за ним. Он выдыхает, наконец, от напряжения силы покидают его, аж сгибает пополам. Жизнь комсорга коротка – в основном длится от одной атаки до двух-трех, Владимиру пока везло, было незначительное ранение в палец и только.

18 сентября 1941 войска Ленинградского фронта остановили наступление противника на рубеже Лигово, Нижнее

Кайрово, Пулково. С утра Владимир поднимал бойцов в атаку, еще немного продвинули свои позиции вперед. Теперь сидел уставший и измученный в окопе, прижавшись к земле. Фашисты готовились к атаке: сначала был очередной налет, потом обстреливала артиллерия и кто как мог укрывались от бомбежки. Спустя два часа наступила тишина, гудящая тишина. «Через десять минут пойдут в атаку», – подумал Владимир.

Неожиданно со зловещим свистом над головой пролетел снаряд. Что-то тяжелое, железное ударило его со всей силы в спину, бросило вперед, причиняя нестерпимую боль. Он упал сразу навзничь, услышав истошный крик: «Комиссара убило». «Убило уже?» – только и успел подумать и все – темнота.

Глава 14

Очнулся. «Живой!» – обрадовался.

Палата, раны, боль, тоска, война, беда – сознание возвращалось. Запах касторки и крови пробудили его окончательно. Открыл глаза. Возвращался и слух: стучали и скрипели двери, голоса в коридоре перебивали друг друга, где-то вдалеке гремело, пролетел самолет, кто-то плакал. Лежать на животе было, ох как, неудобно, шея затекла до боли. Приподняться не смог – сильная боль пронзала тело насквозь. «Я что не могу шевелиться?» – с ужасом подумал Владимир. Лежал так часа два, никто к нему не подходил, он пытался кого-нибудь позвать, голоса не было, только открывал рот.

Хотелось посмотреть, кто же это все время плачет и вдруг осознал, что это плачет его душа и тут же слеза потекла к уху. Пить хотелось ужасно, попробовал еще раз позвать кого-нибудь – вышел только хрип.

Подошла медсестра: «Черноглазов, очнулся?» Спустя полчаса над Владимиром нависла нянечка, представилась: «Мария Ивановна, зови меня, когда нужно будет, вставать тебе нельзя, буду еду и судно приносить».

– А что со мной? – шепотом спросил Владимир.

– Ранение, что же еще. Завтра будет обход утром – все тебе расскажут.

Но после обеда к Владимиру пришел врач, подсел к его кровати. Владимир испугался, у него все внутри похолодело: «Пришел раньше времени – значит мне конец».

– Что Вам сказать? Ранение тяжелое, в позвоночник, это серьезно, конечно, но нервы не задеты, поэтому потихоньку все двигательные функции восстановятся. Конечно, боли будут, куда ж без них, но сможете ходить самостоятельно, сначала на костылях, потом с палочкой, но зато сам. Можно сказать, Вы везунчик и ангел – хранитель у Вас точно есть. Похлопал Владимира по плечу и пошел усталой походкой из палаты. У Владимира от волнения дрожали кисти.

Один день напоминал другой в точности. В палате было около двадцати коек. Возле двери дежурила медсестра. По зову или стону она подходила к раненому, ласково шепталась с ним. Владимир целыми днями пялился на стену. В па-

лате лежали только тяжелораненые, поэтому почти не разговаривали. Одних уносили, часто безмолвных, других приносили и под стоны укладывали на кровати. Он заметил, что смотреть на все это еще тяжелее, чем там, в окопах, под бомбежкой. Там ты хотя бы от злобы мог встать во весь свой рост и пойти на врага, прямо глядя вперед, гордо закинув голову.

И снова утро, раненные с волнением ждали прихода врачей на утренний обход. Подходили к каждому раненому, говорили негромко. Подошли к Владимиру.

– Сегодня десятый день, нагноений нет, провели карандашом по сотам ног, по голени. Одна нога не реагировала на прикосновения. Медсестра негромко сообщила о медицинских показателях больного.

– Как себя чувствуете? – наклонился над Владимиром врач, – чего Вам хочется?

– Встать, чего же еще, – с иронией ответил он.

– Скоро встанете, вы молодчина, – заключил врач и все пошли из палаты.

Спустя полчаса пришла Мария Ивановна. Она протира-ла его мокрым полотенцем, растирала ноги и руки и приговаривала: «Мне бог дал такую возможность – вам, горемыч-ным, помогать, вот я и помогаю с радостью». Кожа начинала гореть от ее растираний, мягкое тепло обволакивало тело – приятно.

– Женщина у тебя есть? – вдруг спросила она.

– Нет.

– Усмехнулась и Владимиру показалось усмехнулась с горечью.

– Что никогда не смогу быть с женщиной больше? – захотелось спросить, но не посмел ей нагрубить пошло. Что спрашивать, и так понятно.

Через две недели его перевели в другую палату. Тут было повеселее, ранения не очень опасные, солдаты шутили, много курили, пели, читали стихи – разное, в общем.

Через месяц Владимиру разрешили, наконец, встать. Стал потихоньку на костылях ходить по коридору, до столовой. Ну как ходить – с трудом передвигать туловище, волоча одну ногу.

Голос Левитана по радио целыми днями рассказывал о поражениях Красной армии и горестно было солдатам лежать тут и болеть, когда Родину истязали враги.

Больничные будни тянулись долго и томительно. С утра шли на процедуры после врачебного обхода, потом в столовую на завтрак – и так каждый день. Все ждали почтальона, как дети деда Мороза на Новый год. Она заходила и радостно говорила: «Кто тут ждет весточку?», и ей начинали выкрикивать фамилии. Она раздавала письма, если были и, уходя, всегда приговаривала: «А остальным завтра, потерпите».

Владимир никому не писал и ни от кого ничего не ждал, но ему было грустно смотреть, как солдаты читают письма: кто с радостью, кто грустно, а кто и, рыдая навзрыд. Он решил читать – в столовой на окне лежала стопка книг и жур-

налов, но не мог, вместо текста он видел лицо Лизы. Конечно все его мысли были только о ней. Иногда он уставал от них, хотел избавиться, но они не уходили – въелись в его мозг намертво. Многие солдаты верили в судьбу. «А ведь это так и есть, – думал Владимир. – Вот сложишь что у меня с Лизой, и я бы приполз к ней на костылях весь такой искалеченный, а она хрупкая и нежная приняла бы меня. Точно судьба, потому, что этого не должно было случиться». Даже если там, в окопах, он еще мог позволить себе помечтать, что вдруг все наладится у них – вот встретятся они после войны и все у них закрутится снова, то теперь было ясно, что ничего больше не будет – ранение серьезное и сможет ли он ходить хотя бы самостоятельно без костылей было под вопросом. «Вот так», – заключил он.

В госпитале Владимир провалялся два месяца, начал самостоятельно ходить, но с палочкой, левая нога работа слабо, при ходьбе были сильные боли в спине. Комиссовали, 18 ноября вернулся в Москву, пошел в горком партии, стал на учет, попросил себе работу. Ему предложили должность заместителя начальника Курского железнодорожного вокзала. Согласился, конечно. Принял работу, начал вникать, раны болели. Жил он недалеко – на улице Садовая-Земляной вал, но домой ходил редко, тоскливо ему было одному дома, да и больно было ходить. Здесь на вокзале у него была теплая комнатка, питались железнодорожники в столовой при вокзале. Первое, что он попытался узнать, как вернулся в Моск-

ву, что с Лизой. Навел справки и узнал, что она уехала к тетке. Он знал, что ее тетка живет в Крыму и решил, что уехала именно туда. Это была хорошая новость, он был рад, что она в это страшное время со своей родней, а не с чужой мачехой.

Глава 15

Москва.

Тревожное лето пробежало быстро. Красная армия отступала, сдавала врагу город за городом.

Лиза, совершенно потерянная не знала вообще, что делать. Она целыми днями сидела в углу комнаты, изводясь от тоски и боли. «Проклятая война» – повторяла она рыдая. Друзья и знакомые уходили на фронт, стали приходить похоронки, крики и плач во дворе стояли постоянно.

Наступала осень, и враг приближался к Москве.

Ежедневно формировались батальоны вооруженных защитников столицы – мужчин и женщин. Каждому выдавались телогрейка, ружье, две гранаты и отряды отравлялись на дальние подступы Москвы. В здании института, где училась Лиза, формировалась 5-я Фрунзенская дивизия народного ополчения, в которую вступали преподаватели и студенты института. Женщины и молодые девушки шли в противовоздушную оборону – бесстрашные, храбрые тушили зажигательные бомбы, ликвидировали последствия вражеских налетов. Ее единственное спасение и радость Маша тоже ушла в ополчение. Она не могла просто бессильно взирать, как фашистские бомбардировщики уничтожают Моск-

ву и записалась добровольцем. Маша очень хотела найти дело и для Лизы, чтобы отвлечь и развлечь ее. Но Лиза, такая хрупкая и нежная, никак не могла приспособиться к сложившимся обстоятельствам. Она обещала взять себя в руки, стать жестче, терпимее, но пока не получалось и, еще, страх за Владимира буквально не давал ей ни спать ни есть. Маша, пыталась разузнать о нем хоть что-нибудь – ходила в горком комсомола, но те не знали о Владимире подробностей, знали только, что он на Ленинградском фронте, другие утверждали, что на Лужском оборонительном рубеже. Из информсводок знали, что этот рубеж сейчас в самом пекле войны, оттуда почти никто не выходил живым. Маша об этом Лизе не рассказала. Днем Лиза еще как-то переносила ужасы войны, а ночью, в кромешной темноте, было страшно. Подолгу не могла заснуть, ворочаясь с боку набок. Артем смастерил ей светильник из старой фосфорной статуэтки. Она стояла днем на окне и заряжалась энергией, а ночью освещала кровать Лизы. Бомбили каждую ночь. Глубоко никто не спал, при первых же звуках сирены нужно было бежать в укрытие. Вот и сегодня не спалось, лежала, смотря в потолок. Глаза привыкали к темноте и можно было увидеть силуэты. Во дворе кто-то прошел, стуча каблуками, проехала машина без света, кто-то разговаривая прошел дальше. Канонада, весь день доносившаяся с запада, по ночам стихала. Мысли никакие ее не тревожили – заснули, видимо, а глаза не засыпали.

– Привет, – радостно подбежала к Владимиру, стоящему

к ней спиной.

– Здравствуй, – обернулся быстро.

– Пойдем, – предложила она. Пошли вперед, кругом зелено, весело как будто. Они смеются. Он вел ее к себе домой, зашли – уютно, чисто.

– Ложись на диван, поспи, – предложил заботливый Владимир.

– Хорошо, немного посплю, – согласилась она и погрузилась в сон. Она чувствовала горячие губы на своих щеках, лбу, губах. «Приятно как», – промурлыкала. Его руки скользили по телу, на ней не было платья, только белье, красивое, шелковое, французское – тетка Анна принесла. Хотелось открыть глаза, но веки отяжелели, не поднимались. Его руки холодные и колючие, как льдинки, легли на маленькие груди.

– Больно, – прошептала Лиза.

– А так? – он придавил ее тяжелым телом к дивану, словно плитой.

– Больно! – громче вскрикнула Лиза.

– А так? – он стал кусать ее губы. Она почувствовала вкус крови. Попыталась оттолкнуть его. Открыла глаза – над ней нависло железное лицо без глаз.

– Мокрый, фу, мокрый, – закричала громко.

– Мокрый! – все еще кричала она, уже проснувшись, мечась на кровати. – Что это? Что это такое?

В комнату вбежали мачеха с Артемом с включенным фонариком.

– Лиза, что за крики?

Лиза смотрела на нее в ужасе, прокручивая сон.

– Сон, он холодный и мокрый. Его убило, его убило, убило! – кричала Лиза.

– Господи, – трясла ее за плечи Анна Петровна, – послушай, что во сне плохо, на самом деле к хорошему. Это точно – плохой сон к хорошему, успокойся. Лиза замолчала, совершенно обессиленная легла на бок, уткнулась лицом в подушку, рыдая.

– Успокойся, успокойся, – гладила ее по спине мачеха. – Тише, тише, Тшшш.

– Спасибо, еле слышно поблагодарила Лиза, я уже успокоилась. Ей хотелось побыть одной в тишине.

Москва перестала быть мирной. Город объявили на осадном положении. В октябре начали создавать оборонительный рубеж вокруг столицы. На вокзалах формировали эшелоны и отвозили людей на строительство укрепительных сооружений. На подступах к городу десятки тысяч москвичей рыли окопы и противотанковые рвы. В самом городе строили баррикады на случай, если война войдет в город. Тут были в основном женщины всех возрастов. Было холодно в эти дни, моросил холодный дождь, висел туман, вечерами ударили морозы.

Лиза вместе с другими горожанками тоже рыла окопы – это было невыносимо тяжело и больно, натерла кровавые мозоли, от усталости не хотелось даже есть.

Перестали ходить автобусы – их все отправили на фронт, но троллейбусы, трамваи и метро работали бесперебойно. Сотни аэростатов висели в Московском небе, затрудняя прицельное бомбометание противнику.

Казалось, что шансов удержать столицу почти нет. Самые ожесточенные бои в битве за Москву были на Можайском направлении.

15 октября приняли решение об эвакуации столицы, ходили слухи, что уже заминировали на случай сдачи Москвы Елоховский собор, гостиницу «Москва», Мавзолей, Кремль, метро, в городе началась паника.

Тысячи москвичей покидали столицу. Началась массовая эвакуация из города – организованная и стихийная. Женщины с детьми и старики с чемоданами, корзинами, баулами сплошным потоком двигались на Каланчевскую площадь к поездам, не зная куда их повезут. Многие уезжали стихийно, кто пешком, кто любимым транспортом, выбираясь из столицы, на восток – к родне в деревни в глубь страны, кто подался на Кавказ, в Сибирь. Началась эвакуация в Сибирь крупных заводов с оборудованием, станками, миллионами работников.

16 октября Лиза с мачехой и Артемом не отходили от окон, наблюдая, как обезумевшая толпа людей весь день заполняла Красную площадь. Бежали за новостями, ведь заводы остановились, рабочих поувольняли, выплатив расчетные деньги.

Мачеха Лизы до конца надеялась, что возможно все обой-

дется, врага не пустят в Москву. Она не хотела оставлять свою богатую квартиру, рассказывали соседки о мародерстве. Деловая и наглая, она находила дрова для буржуйки, у них всегда была еда. Но Артем начал болеть, он вообще был слабого здоровья, а теперь еще и нервы, и страх прибавились. Он кашлял сильно, плакал и кричал по ночам. Это обстоятельство заставило ее задуматься об эвакуации в Ташкент. Детей до 12 лет эвакуировали из Москвы по железной дороге, и Артем получил билет на выезд, но она не могла отпустить его одного так далеко, металась по городу, собирая новости. Лизе она не разрешала никуда уезжать, нужно было кому-то жить в квартире и охранять ее от мародеров. Она давала наставления ей, как закрывать дверь, как дать понять посторонним, что в квартире кто-то живет.

Глава 16

Владимир с конца ноября 1941 начал работать на Курском вокзале, из Москвы продолжалась эвакуация больных и слабых жителей, детей, подальше на юг. Просматривая списки, Владимир увидел знакомую фамилию – Синеглазов Артем, девять лет и рядом была просьба на сопровождающего – Синеглазова Анна, мать. Они все в городе? Он испугался, попросил заняться ими своего помощника, подальше решил держаться от всей этой семейки.

Мачеха вбежала в квартиру.

– Лизочка, девочка, ты можешь себе представить, начальник станции твой Владимир, он оказывается после ранения

комиссовался и работает сейчас начальником Курского вокзала. Вот это удача! Лиза, ты должна скорее пойти к нему, он не откажет нам, конечно, что ему стоит, он оформит мне пропуск.

– Он ранен? Сильно? – испугано спросила Лиза.

– Какая разница, наверное, сильно раз комиссовали. Давай одевайся поскорее.

– Я не могу пойти, что я скажу? – испугалась Лиза.

– Ничего не говори просто попроси за меня. Думаю, он обрадуется, как тебя увидит.

– У тебя все средства хороши. Чему он обрадуется? – противилась Лиза.

Но спорить было бесполезно, мачеха кричала и плакала, что Артем умрет этой зимой, а мы будем смотреть на это. Лиза пошла на вокзал.

Владимир сидел, согнувшись – болело все тело, не только позвоночник. Его последнее время начали посещать мысли о бессмысленности такого существования: впереди никакого просвета, раны были неизлечимые, он калека, без Лизы он жить не хотел – так зачем все эти постоянные мучения? Сидел с горестными мыслями, смотря в окно, увидел подходящую к зданию худощавую девушку. Всмотрелся – Лиза. Вдруг почувствовал, как что-то внутри взорвалось и разлетелось на множество брызг.

– Она здесь? – воскликнул вслух. – в Москве оказывается, не уехала? Зачем она интересно пришла? Ну, конечно,

по вопросу эвакуации, зачем к нему толпами ходят напуганные, измученные, уставшие люди. Помочь всем он не мог, у каждого была своя история, своя правда, своя трагедия.

Лиза зашла в кабинет растерянная, дико смущенная. Перед ней за столом сидел Владимир, исхудавший, бледный, очень уставший и больной. Лизу как колом ударило в грудь и пошатнуло.

– Что вы хотите? – спросил Владимир, не глядя на Лизу.

– Можно ли..., хотела узнать..., можно ли оформить разрешение на сопровождение моего брата его матери, он больной слабый ребенок и не сможет сам доехать до Ташкента.

– Нет, все места распределены, порядок есть порядок, его нарушать нельзя.

– Нельзя? – еле слышно переспросила Лиза, – аа.

Повернулась и быстро выскочила из комнаты, побежала по улице, добежала до пустующего здания, спряталась за стеной от прохожих, слезы обиды душили ее: «Он не узнал меня что ли?».

И она зарыдала от обиды, от неразделенной любви, из-за войны, и прочих бед, которые свалились на нее. Проплакала с полчаса, нужно идти домой, пошла, пряча заплаканные глаза от прохожих. Мачеха встретила ее на пороге.

– Ты чего такая растрепанная, ты достала пропуск?

– Нет, не положено.

– Да ты что! Да как ты могла вернуться без пропуска! – закричала мачеха.

– А как я его должна была силой выбивать, я не умею, – ответила расстроенная Лиза.

– Ты что не могла попросить понастойчивее? – продолжала та громко кричать.

– Он меня не узнал, – тихо сказала Лиза.

– Как не узнал? А где ж любовь его?

– Не было ничего, а сейчас вообще забыл, а может не захотел узнавать, – тихо ответила Лиза.

– Пойди и напомни о себе. Я должна уехать отсюда. Или мне самой пойти к нему? – требовала мачеха.

– Иди куда хочешь, оставь меня в покое, – сказала Лиза и ушла в свою комнату.

Владимир смотрел с тоской на выбегающую из кабинета Лизу. Сам не понял почему он так сухо вел себя с ней. Он был весь искалеченный и не хотел, чтобы она видела его таким – вот и все. Он уже почти смирился, что ее нет рядом и тут опять увидел – и в душе снова запылало, завывало, закричало.

Владимир полчаса боролся с собой, потом быстро схватил ручку и подписал разрешение на сопровождение мачехе Синеглазовой – он решил выдворить ее из Москвы таким мирным способом. Через почтальона отправил разрешение к ним домой. Лиза сидела грустная в темной комнате, ни о чем не думала, вбежала мачеха: «Принесли пропуск, мы уезжаем завтра».

– Наверное, появилось место вот вам и принесли.

Собрали вещи и уехали. Лиза провожала их, стояла на перроне долго, не хотела идти домой в пустую огромную квартиру, которая, наконец, была предоставлена ей в полное распоряжение.

Лизе нужно было устраиваться на работу, деньги заканчивались, в магазинах все давала по карточкам, наступили морозы, и она даже не представляла, как быть дальше.

Все мысли Владимира были только о ней. Он звонил Лизе по нескольку раз в день, но к телефону никто не подходил. «Может уехала куда-нибудь к родне или ушла жить к друзьям», – недоумевал Владимир. Он ведь не знал, как она жила последнее время.

У Владимира был приятель Ленька четырнадцати лет – хороший, смекалистый, мудрый не по годам мальчик, жил с дедом здесь на вокзале – их квартиру разбомбило еще в первый день бомбежки. Владимир поручил ему все разузнать про Лизу, дал ему денег на всякий случай и адрес девушки.

Ленька за день все и разузнал: живет одна в огромной профессорской квартире, все время дома, почти никуда не выходит, только иногда в местный ларек за продуктами.

– Да она ничего не умеет, по-моему, – по-хозяйски заявил он. – Ей в магазине подсунули мятую банку консервов, так она молча и взяла ее, пришлось поскандалить. Нет, она сама не выживет, надо ее пристроить куда-нибудь, – точно был уверен он.

– Ну, значит пристроим, – согласился Владимир.

В квартире было холодно, буржуйку, которую установила мачеха, топить было нечем, дрова закончились, а книги – изумительные тома русских и зарубежных авторов она никогда бы не посмела сунуть в печь. Мачеха оставила ей кое-какие припасы: баночку сушеного молока, чай, сахар, макароны, подсолнечное масло, но вода, которую Лиза принесла вчера она случайно разлила, опрокинув ведро, идти снова за водой она не захотела. Неделю назад при обстреле взорвалась бомба возле Центрального телеграфа, повредив водопроводную трубу и телефонный кабель по всей улице. Встала утром, прошла по квартире, замерла возле телефона, сняла трубку – только щелчки, телефон по-прежнему не работал. Заплакала, собрала все теплые одеяла в доме, укрылась ими с головой и легла спать.

Сколько спала не помнит, проснулась от звонка в дверь. Лиза не пошевелилась, пусть звонят. Звонили долго и настойчиво. Вдруг телеграмма от мачехи, встала и, завернувшись в одеяло, пошла к двери. На пороге стоял Владимир.

– Почему дверь не открываешь? Можно зайти?

Лиза отошла в сторону, он зашел неуклюже, опираясь на трость.

– Ты ранен? – тихо спросила Лиза.

– Да, но жить буду. Ты как собираешься зимовать? Тут так холодно, как на улице. Ты ела что-нибудь? – завалил он ее вопросами.

– Что-нибудь придумаю, – смущенно отвечала Лиза

– Собирайся поехали, я устрою тебя в теплое место.

– Нет, спасибо, я сама.

– Собирайся, я все равно тебя тут не оставлю. Где твоя комната? Могу помочь. Собрались, закрыли квартиру и поехали на Садовую – Земляной вал.

– Это моя квартира, она, конечно, скромная, но теплая – есть печь, титан, – рассказывал Владимир смущенно.

В этом доме жили еще дедушка и бабушка Владимира. Им когда-то принадлежало целых пять комнат, весь второй этаж. Дед Владимира был начальником котельной Боткинской больницы много лет, бабушка – медицинской сестрой там же. Он был из купеческого рода Черноглазовых, занимающихся торговлей текстиля подмосковных мануфактур. Бабушка была выпускница института благородных девиц, хорошо знала медицинское дело, играла на фортепиано, знала французский и немецкий языки.

Потом их уплотнили и вот теперь это была небольшая квартира с двумя комнатами, одна из которых была огромная, метров пятьдесят, с высокими потолками, ажурной лепниной на потолке, дубовым паркетом, вторая небольшая – детская, так как в ней жил Владимир. В квартире была ванная комната с титаном, отапливаемым дровами, и просторная кухня с газовой печкой. В комнатах стояли старинные печи, облицованные изразцами, их никто не собирался убирать – красивые, хотя в доме уже лет десять, как было проведено паровое отопление. Когда началась война дымоходы

печей прочистили и снова стали топить. Протопить и обогреть такую большую площадь было трудно, где набраться дров и угля, а вот маленькая комната обогревалась, дрова и уголь были в сарае за домом, печка раскалялась так сильно, что временами становилось даже жарко.

– Почему ты не уехала куда-нибудь, как тебя вообще твоя мачеха оставила одну, ты ведь не самостоятельная? А твой жених на войне или где? – он смотрел на нее пытливо.

– Она оставила меня квартиру охранять и добро, – усмехнувшись ответила Лиза. – Какой еще жених? А ты где будешь жить?

– Я тут не бываю, вернее редко бываю, не побеспокою тебя, только иногда помыться захожу. Устраивайся, живи спокойно, – ответил он ей.

– У меня нет никаких вестей, ты не знаешь они доехали до места?

– Нет, не знаю, наведу справки. Давай я научу тебя печь топить. Лиза подошла, и они вместе стали растапливать печь, показал в окно, где стоит их сарайчик, дал ключи, попрощался и ушел. Лиза села на край кровати и просидел так до вечера.

Владимир устроил Лизу на завод, на котором раньше работал, на ЗИС. Огромный автомобильный завод был частями эвакуирован при приближении фронта к Москве на Урал в ноябре 1941 года и цеха месяц стояли без единого станка. И вот он снова начал работать и давать оружие фронту, были

завезены новые станки, старые отремонтировали. На работу потянулись бывшие домохозяйки, подростки тринадцати – пятнадцати лет, студентки. Работали, конечно, для победы, но и за рабочую карточку, без которой прожить было невозможно. Благодаря своему образованию и протекции Владимира Лиза работала в отделе главного конструктора, оформляла документы, печатала тексты, делала переводы. Работала по сменно, получала паек, все пошло своим чередом, как и положено в военное время.

Владимира не видела почти неделю, думала о нем постоянно, но уже не с тоской, а ласково, придумывая разные истории, как они встретятся, как пойдут гулять, она ему будет помогать, поддерживая под руку, – нога то болит еще. Прородню ничего так и не смогла узнать, только письма писала в разные города.

Владимира больше не посещали мысли о смерти, раны болели, но душа проснулась, запела, пропадал на работе с утра до поздней ночи, вваливался в комнату только поспать, когда не спалось придумывал разные истории, как они с Лизой снова будут гулять и разговаривать, она его будет поддерживать под руку – ведь нога болит еще, будут греться чаем в уютном кафе, с любовью глядя друг на друга.

Придя после смены домой, Лиза увидела шинель на стене, смутилась, заходить или уйти, вроде неудобно, по квартире разносился запах блинов. Интересно.

– Здравствуй, – из-за двери выглянул Владимир, – вот

пришел за кое-какими вещами и блинов раздобыл, пойдём поедим. Извини, что зашел без тебя, я ждал около часа у дома – замерз.

Поставили чайник, топилась печь, было тепло и уютно, таких вкусных блинов она не ела никогда.

– А где ты живешь? – спросила Лиза.

– На работе, у меня там есть комнатка, а кормят нас в столовой.

– Послушай, не могу не спросить почему ты тогда не пришел, только честно, я после этого как-то неуверенно живу, понимаешь. Все время думаю в чем причина, я тебе разочувалась? Почему? Ты меня вообще любил?

От смотрел на Лизу широко раскрытыми от удивления глазами.

– Но мачеха твоя приходила ко мне и сказала, что ты просила, чтобы оставил тебя в покое, так как ты просто увлеклась, что у тебя другие планы на жизнь, ты помолвлена давно уже с сыном коллеги отца, еще что-то такое.

Лиза рухнула на стул.

– Какое злодейство! Зачем ей это? Как отец мог вообще связаться с таким чудовищем? – задавала она риторические вопросы. Сидели молча некоторое время, Владимир смотрел на Лизу непонимающе.

– А почему ты не подошел ко мне ни разу потом, хотя бы поговорить?

– Как я мог подойти после таких слов!? И потом я видел

тебя провожал какой-то пижон каждый день, – ответил он быстро.

– Витька, мой однокурсник, он живет этажом выше. Мы просто с ним ходили вместе с занятий, вернее он сам таскался за мной.

Молчали, Лиза даже плакать не могла, как будто у нее пропали все чувства.

– Ну как же так, как я мучилась, сколько плакала, я чувствовала себя такой униженной, – еле слышно причитала она. А ты гордый да? – вдруг вскинула она взгляд на Владимира. Задели твою гордость, и ты спрятался, но ведь ты знал, что она не любила меня. Ааа, ладно, ничего не вернешь, – Лиза встала и пошла к окну, стояла не поворачиваясь.

– Ну может так и должно было быть. Я вот израненный весь, искалеченный, а ты бы со мной возилась. А «Христа ради» мне не надо.

Попили чаю, посидели, больше ни о чем не разговаривали. Владимир вскоре ушел. Лиза в эту ночь заснула сладким сном впервые с того злосчастного дня, когда для нее рухнул мир.

Владимир хотел уйти поскорее и не потому, что Лиза рассердилась на него. Ему хотелось смеяться от радости. «Я узнал такое, я узнал такое!» – хотелось ему громко кричать. Потом, когда он уже пришел домой, радостные эмоции прошли, напомнили о себе боли, неработающая нога, шрамы. «Да, если бы она увидела шрамы – упала бы в обморок», –

саркастично пошутил Владимир и притих – ничего уже вернуть нельзя.

Глава 17

Лучик осеннего солнца заглянул в окошко, пробившись в щель занавешенного окна, поиграл в хрустальных подвесках люстры, бросая зайчиков на потолок, перепрыгнул на край подушки и, потихонечку подкравшись к Лизиному лицу, принялся щекотать ее за нос.

Она уже не спала, засмеялась звонко, вскочила и бросилась умываться. Нарядно одевшись, побежала на работу, порхала, как птичка – все заметили.

– Никак влюбилась? – спросил ее главный конструктор, утомившись от ее энтузиазма.

– Вроде того, любовь вернулась, – ответила загадочно улыбаясь.

– Откуда вернулась? – не понял мужчина.

– Ну ведь так бывает, сначала ушла, а потом взяла и вернулась, – шутила Лиза.

– Ну, хорошо, – согласился тот, – давай чертежи разбирать.

Два дня тянулись, как неделя. «Лишь бы не было срочной работы и не пришлось работать сверхурочно», – опасалась Лиза. Но все обошлось, на третий день она с утра помчалась на Курский вокзал. Никак не могла придумать предлога для своего появления. То одно придумывала, то другое – и все не то. «Я просто пойду и все, без всяких причин», – решила

она.

Постучала в дверь.

– Войдите, – услышала знакомый голос. Вошла, Владимир привстал неловко.

– Лиза? Что ты тут, что-то случилось?

– Ничего. Может, думаю, ты узнал про мою родню? – вдруг пришло ей на ум.

– Ничего не узнал, но поезд доехал до места нормально, даже не бомбили, думаю, что они не пропадут, – он улыбнулся незаметно.

– Я тоже так думаю, просто волнуюсь, а я соскучилась, – вдруг смело заявила Лиза, – вот и пришла проведать. Владимир смутился, сказал: «Ну проходи».

– Как нога? Как ты себя чувствуешь вообще?

– Ну так, по – разному.

Зазвонил телефон, Владимир снял трубку, посмотрев на Лизу, сказал, что это надолго, звонят по межгороду. Лиза вскочила: «Да мне уже пора, приходи сегодня вечером на чай, ну если сможешь, я хочу испечь морковное печенье, попробуешь, – смущенного предложила она.

– Постараюсь, и у меня к тебе дело есть, или скорее просьба.

– Тогда до вечера, – и она выскочила из кабинета пулей.

«Что за бред я несла? Ужас. А, плевать, лишь бы он пришел» – решила Лиза не корить себя. – А что у него за дело интересно?».

Печеньем Лизу еще вчера угостила пожилая гардеробщица завода, она работала раньше поваром в детском саду, умела печь всякие оригинальные вкусняшки для детишек. «Сейчас накрывать на стол или потом, когда придет. Ох, как все сложно», – досадовала Лиза и еле – еле дождалась вечера. Владимир пришел к восьми часам – раньше не смог.

Поздоровались, пошли к столу. За пять минут стол был накрыт, и горячий чай дымился из фарфорового старинного японского сервиза еще Черноглазовой бабки, которая, кстати сказать, его безумно берегла и не давала с него пить никому ни под каким предлогом. Всего этого ни Лиза, ни Владимир не знали.

– Какое у тебя дело ко мне? – поинтересовалась Лиза.

– Хочу тебя попросить помочь мне в одном деле, – начал Владимир. – После ранения я очнулся в госпитале под Москвой, никак не мог понять, как тут оказался, ведь ранило меня под Луками. Неделю назад меня на вокзале окликнул один боец – он узнал меня. Ну, в общем, рассказал, что меня из-под огня вынесла женщина-солдат, типа, несла на руках, не понимаю, правда, как? Я лежал почти сутки в санчасти, операцию мне сделали там, ну, что смогли. На следующий день прилетал генерал со штаба фронта, так та женщина, не спросив разрешения, погрузила меня в этот самолет и орала, говорит, летчикам так, что аж фашисты притихли, что «он здесь не умрет». Те от напора такого, видимо, меня и забрали.

– Ты хочешь найти ее? – тихо спросила Лиза и все ее веселое настроение улетучилось вмиг.

– Не плохо бы было, конечно, – посмотрел на нее задумчиво Владимир. Это была Нюра – жена Панфилова. Точно она, солдат сказал большая, полная молодая женщина и, что, я работал с ее мужем. Я ее тогда, недели за две до ранения встретил в лесной деревне недалеко от рубежа – она гостила у бабки с дедом с ребенком нескольких месяцев. Забрал ее оттуда и посадил на поезд до Ленинграда. Как она попала на фронт не знаю, но я о другом. Она куда-то же девала своего ребенка. Я хочу найти его, может ему помощь нужна, может беда с ним. Если она оставила его в Ленинграде? Зачем я отправил ее в Ленинград? – горестно спрашивал Владимир.

– Ты же не знал, а где Панфилов сам?

– Погиб. Она знала, что он погиб, видимо, может поэтому и на фронт пошла. Нужно найти ее родителей. Я не знаю ее девичью фамилию, но можно узнать в ЗАГСе, про Панфилова – то я все знаю. Ты сможешь мне? – Владимир пытливо посмотрел на Лизу.

– Помогу, – задумчиво ответила Лиза. Тетка моя поможет, она дамочкам из ЗАГСа наряды отправляла – вот и пригодилось. Созвонюсь с ней, а в следующий выходной пойдем туда.

– Ну я тогда пойду, наверное, – нерешительно спросил Владимир. Лиза не знала, стоит ли его удерживать, думал он сейчас не о ней, а о другом.

– Хорошо, как что узнаю, сразу позвоню.

Попрощались, Владимир пошел, хромя, вниз по лестнице. Лиза дождалась пока он спустится. «Я эту Нюру все время высмеивала. Нельзя говорить о человеке плохо, пока не узнаешь его как следует. Какая она сильная, с характером, оказывается – вот тебе и тетеха. Может Панфилов – то ее не зря выбрал в жены», – думала, засыпая, Лиза.

Глава 18

– Ты меня привезла вчера сюда? Ничего не помню, что было, представляешь, – сказал Владимир, пытаясь встать с кровати.

– Да, вчера тебе было очень плохо. Может, ты еще сегодня отлежишься, я вчера звонила на вокзал, сказала, что ты приболел. Я сейчас принесу телефон, скажи им, что еще поболеешь, а я за тобой поухаживаю.

– Нет, надо вставать, идти к себе, может там полежу.

– Я не пущу тебя. Я заняла твою квартиру, а ты маешься где-попало, иначе я уйду отсюда.

– Мне больно ходить сюда, поэтому я и живу на работе, – ответил он грустно.

– А ты наблюдаешься у какого врача, он травматолог?

– Ни у кого я не наблюдаюсь, не зачем.

– Это почему? – удивилась Лиза.

– Не хочу, он что мне позвоночник поменяет?

– Ну знаешь, тогда все, у кого травма легли бы и сложили ручки.

Владимир попытался встать. Лиза неподалеку стояла и смотрела на него.

– Это ты меня раздела? – смущенно спросил Владимир.

– Нет, я доктора приглашала – он и раздел, и укол сделал.

Владимир встал, постоял некоторое время, потом пошел в ванную неуверенной походкой.

– Чего смотришь, я же раздетый, – покраснев, бросил он.

– Ну не голый же, что тут такого, в трусах и майке, – раздраженно ответила Лиза.

Спустя полчаса он вышел из ванной, искупался, посвежел, пришел в себя. Лиза дала ему чистую одежду, выбрав из шкафа, что ей понравилось.

– Грязную я постираю и принесу тебе завтра.

– Нет, еще чего, у нас есть прачка, собери в сумку, я с собой заберу.

Сели завтракать. Лиза сварила рисовую кашу и заварила чай.

– Я найду тебе хорошего врача и слушать тебя не стану.

Понял?

Он молча ел кашу, но неохотно.

– Не любишь каши? – спросила Лиза.

– Нет, не люблю, ты ее солила?

– Вроде да, – попробовала, взяв немного каши с его тарелки, – да, не посолила, оказывается.

– Ну все, пора идти, опаздываю, – допивая чай сказал Владимир, – спасибо за заботу и помощь.

– Послушай, это твоя квартира и ты можешь приходить сюда, когда захочешь, я работаю по двое суток с одним выходным и бываю нечасто дома, потом мне тут самой страшно: по ночам таежная темнота, окна занавешены, канонада гремит, взрывы иногда совсем близко, постоянная сирена, стрельба, бомбёжки, крики по ночам, иногда кто-то бродит по подъезду, шушукаются, может это вообще бандиты. – Помолчав добавила. – Мне было бы приятно, если бы мы снова общались, какие теперь обиды – ведь война, кругом горе. Я не буду тебе мешать, обещаю, в общем, приходи, я... прошу тебя. У меня, по большому счету, – засмеялась она, – и нет никого кроме тебя.

Владимир заморгал часто – слеза навернулась, подошел к Лизе, взял ее руку, прижал к губам, держал долго, она растеряно молчала.

– Я постараюсь помочь тебе, как смогу, – ответил наконец, когда немного успокоился, – не бойся больше.

Вызвал машину и через полчаса уехал, сказав: «Спасибо, до свидания».

– Какой упрямый! Ну ничего, посмотрим еще кто кого.

Владимир вспоминал сегодняшнее утро и улыбался. Раньше, как будто болели меньше, может от того, что спал на своей кровати. «Если бы не мои увечья, я бы мог быть с ней. Все время находится причина, чтобы нас разлучить – значит, не судьба нам быть вместе. Она молода и так красива, ей нужен здоровый муж», – размышлял он и не заметил, как подъеха-

ли к вокзалу, вылез неловко из автомобиля, пошел сразу к путям.

Лиза после работы пошла навестить старую знакомую своих родителей Ольгу Ивановну. Она работала медсестрой в Боткинской больнице, сейчас уже лет пять была на пенсии. Лиза искала врача. Ольга Ивановна очень обрадовалась ей, поговорили обо всем, травматолога не нашли, они все с первых дней ушли на фронт, но она посоветовала Лизе одну знахарку, травницу, тетку Христю, – очень умелую, мудрую, объяснила, как к ней проехать. Лиза пообещала навещать Ольгу Ивановну почаще и побежала домой, уже было поздно и темно на улице, хоть глаз выколи.

Прибежала домой, еще в подъезде услышала, что звонит телефон.

Открыла дверь быстро, подбежала к телефону: «Алло».

– Ты где это ходишь? – взволновано спросил Владимир, – я звоню тебе весь вечер.

– Старую знакомую навещала.

– Какую знакомую? – допытывался Владимир.

– Ну знакомую, а что случилось?

– Ничего не случилось, звоню, а тебя нет.

– Ну вот я, уже есть, мне ждать тебя сегодня?

Владимир молчал в трубку.

– Алло-о, ты где? Так ждать?

– А можно?

– Можно, я же тебе сказала, что можно.

– Здесь сегодня холодно, я не успел печь затопить.

– Не оправдывайся, я жду тебя, пойду готовить ужин, не забуду посолить, – и она положила трубку.

Владимир приехал спустя полчаса, Лиза открыла ему дверь с веселой улыбкой, у него защемило сердце от радости, пахло жареной картошкой.

– Мой руки, все готово.

Сели ужинать, к картошке была квашенная капуста – угостила Ольга Ивановна.

Поев, пошли в комнату.

– Если ты не хочешь спать, я тебе поиграю? – предложила Лиза.

Фортепиано было бабушкино, Владимир не играл на инструментах. Лиза устроилась поудобнее и заиграла вальс Шопена. Сигналы воздушной тревоги прервали музыку.

– Ты беги в бомбоубежище, а я тут подожду, – предложил Владимир.

– Нет, я тогда тоже тут буду.

– Они пошли к проему входной двери, он очень широкий – больше метра, сели прижавшись друг к другу. Через полчаса все закончилась. Слышно было, как возвращаются наши истребители – отогнали фашистов подальше.

Лиза помогла встать Владимиру, пошли в комнату.

– Ты не уходишь в бомбоубежище, когда начинаются налеты? – спросил он ее тихо и сердито.

– Ухожу, конечно, особенно сейчас, когда узнала, что ты

меня не бросал, раньше не уходила.

Он смотрел на нее с ужасом: «Да, ты что такое говоришь? Ты что маленькая?».

– Я поставлю чай, будем болтать о разном, давай, – как бы, не слыша замечаний Владимира, предложила Лиза.

– Ну давай.

Я не нашла травматолога, к сожалению, но узнала про одну очень умелую целительницу, ну, знахарку, она живет на окраине, на востоке Москвы, и мы к ней поедем, как только у тебя будет первый выходной. Ты не улыбайся, она травница, она не колдунья, а лекарства, делают из трав в основном.

– Ну нет, не поеду.

– Я не спрашиваю твоего желания, я говорю, что поедем.

Лиза уступила Владимиру свою, то есть его кровать, с теплым и толстым матрасом, уютно обтекающим тело во время сна, сама постелила себе на диване возле печки. Пожелали друг другу спокойной ночи и вскоре заснули. С момента ранения Владимир спал плохо, иногда не мог заснуть по нескольку дней, это его изматывало, и без того больной и ослабленный, да еще после бессонных ночей, казалось вот-вот упадет и не встанет. Но тут к нему вернулся сон, и он уже еле просыпался по утрам, или засыпал, как только голова прикасалась к подушке, не зря говорят – все от нервов.

Владимир проснулся, оглядел комнату. Лиза сидела за столом у окна, переводила текст, искала слова в словаре и записывала в блокнот. Было тепло, в печи потрескивали дро-

ва. Он так наблюдал за ней минут десять молча – любовался. Она держала карандаш в зубах, когда искала слова и это было так мило. Она взглянула на него: «Проснулся?».

– Что переводишь?

– Про пистолеты.

– Про пистолеты? – с юмором переспросил он, – а я думал что-нибудь душевное.

– Как себя чувствуешь? – спросила Лиза.

– Хорошо..., наверное, – ответил с улыбкой.

– Вставай, я пошла завтрак готовить, не буду тебя смущать, – вскочила и пошла на кухню.

Позавтракали чаем с сухарями с маслом и вареньем и отправились оба на работу.

Лиза несколько дней уговаривала Владимира поехать к знахарке. Он все отпирался, но постоянные боли так измучили его, что он решил попробовать.

Ехали на трамвае, дом нашли быстро. Почти на окраине милый деревянный домик, выкрашенный в зеленый цвет, с резными наличниками на окнах, за стеклами весело цветет герань красными цветами. По резному крыльцу поднялись в сени, зашли в избу.

«Как здесь чисто и красиво!», – восхитилась Лиза. Огромная выбеленная печь занимала центральное место. Вдоль стен лавки, покрытые самоткаными ковриками, в красном углу стол под белой вышитой скатертью, вокруг стулья, накрытые лоскутками овчины. Лиза оглядывала избу, хозяйки в доме

не было. За цветастой занавеской в углу кровать. У входа, у двери, рамоуойник, на гвозде белоснежный рушник. Над печкой сушатся травы, собранные в веники. На печи греются камни. Пахло полынью, хлебом и, как будто, молоком.

– Ох сколько тут всего! – негромко воскликнул Владимир.

Лиза обернулась. На широком столе чего только не было: сушеные травы в пучках, в холщовых мешочках, банки и бутылки с настояками трав, цветов, семян, каменная ступка с крупным пестиком, деревянная резная посуда с ложками, глиняные кувшины, железные кружки.

Ох ты, – воскликнула она, – как в аптеке. А это посмотри, – она показала на заспиртованную в банке змею, – с ума сойти!

– А ты говоришь не колдунья, – усмехнулся Владимир.

За занавеской, за печкой, зашумели.

– Здравствуйте, – громко поздоровалась Лиза, – мы к Вам.

Из-за занавески вышла женщина, руки в муке.

– Кто такие? – испугано спросила она.

– Мы от Ольги Ивановны Маросейкиной, – представилась

Лиза. Владимир стоял молча.

– От Оленьки? Проходите, как она сама, здорова ли?

– Да, она здорова, вам шлет привет и отправила к вам вот..., – Лиза показала на Владимира, – полечиться.

– Ну проходите тогда, раз от Оленьки. Называйте меня тетка Хрестя, я не так стара. Это была миловидная белолицая немолодая женщина, с очень добрым открытым лицом.

Теплый платок, покрывающий волосы, завязанный на затылке, теплый свитер, теплая юбка, вязанная тужурка – все чистое и опрятное.

Тетка Христя посмотрела на Владимира приветливо. Тот улыбнулся.

– Проходи сюда, – пригласила она Владимира к широкой скамье, – раздевайся до пояса. Осмотрела его спину.

– Дааа, поранило тебя. Ну ложись на живот, отпусти свои мысли, думай о хорошем, – ласково давала она указания.

Владимира лег на лавку.

– Тебе нужно спать на твердом, чтобы дать ранам затянуться, зарости, прямо можно на полу, но на мягком матрасике, на железной сетке нельзя спать. Сейчас я смазала спину мазью, чтобы боль снять, полежишь минут десять, пока буду готовить другое средство, – тихим голосом рассказывала тетка Христя.

Она подошла к столу, из мешочков в широкую ступку она отправляла листочек за листочком, шепча: «Польнь-трава, горечь и хворь...., зверобой, хворь прогони...., лепестки бессмертника..., тут тебе не быть..., рассосись...», туда же сыпались перетертые в ладонях травы. Залила все это чем-то, перетерла сильными движениями.

Лиза вслушивалась в ее шёпот, не понимая это заговор или молитва, до нее долетали редкие слова.

Владимир застонал, Лиза обернулась.

– Что?

– Не болит, – ответил растеряно.

Это от мази – она боль снимает на время, – подходя к нему объяснила тетка Христя, – ну давай лечиться, закрывай глаза, засыпай.

Обмазала его всего мазью, обложила камнями, прочитала молитву, накрыла одеялом. Он уснул мгновенно. Знахарка с Лизой пошли к столу, налили липового чая. Лиза взяла кусок хлеба, еще теплого, ароматного.

– Какой вкусный, – воскликнула, прожевав кусок.

– Вижу он тебе не муж, – Христя посмотрела на Лизу ясными ласковыми серыми глазами. – Любишь его? Так любить нельзя, а сейчас так вообще – война.

– Да оно как-то само, может потому что я одна на этом свете, вот все чувства и ушли на эту любовь. Он очень страдает, сильные боли, не говорит, но по выражению лица видно, что очень больно, хочу, чтобы у него все сложилось хорошо, – грустно рассказывала Лиза.

Подошли к Владимиру, тетка поправила одеяло, потрогала пульс.

– Он везунчик несмотря ни на что. Будет болеть всю жизнь, но проживет долго. Видишь на ладони линия жизни какая длинная, – она провела кривым пальцем по линии на ладони Владимира. – И жену свою сильно будет любить.

– И это видно на ладони? – удивилась Лиза.

– Нет, это у него на лице написано, как он на тебя смотрит, – засмеялась она.

– А война закончится? – спросила Лиза.

– Закончится проклятая, только еще многие помучаются.

Ты его не оставляй, если любишь. Он будет гнать тебя, не захочет, чтобы ты видела его искалеченное тело, он ведь сейчас мало на что годен, как мужчина и ему неловко будет с тобой жить и из-за бытовых условий тоже. Будет стыдиться тебя, а это не все мужчины любят. Ты, конечно, девушка видно, что нежная, ты не для тяжелой работы родилась и здесь выбор за тобой – сама решай, на что тебя хватит, Он боится, что у него нет мужской силы, но он поправится, у него двое детей на роду, – тихо советовала Лизе тетка Христя.

– Я уже решила все, я его не отпущу больше ни на миг, я же без него чуть не умерла, – выпалила она ей.

Христя улыбнулась.

Владимир проснулся и правда, как помолодел, боль поутихла. Знахарка собрала лекарственные сборы для лечения Владимира, стала рассказывать Лизе, как что настаивать, как что пить.

В этот раз я даю тебе настойки тысячелистника, полыни – чернобыльника, корня полыни – это все для заживления ран; пух початков рогоза, смешанный с топленным маслом, – от ожогов. И еще, у меня есть очень редкое и мощное средство от таких вот ран – мумие. Мне иногда привозит это средство с Алтая брат, он собирает его на скалах. Средство это снимает боль и воспаление, и вылечит и живого, и мертвого – пользуйтесь строго по моему указанию, не пропускайте ни

дня в лечении.

Под конец, смазывая Владимиру спину мазью из хвойной смолы, перетопленной с коровьим жиром, давала совет: «Пока душе покоя не будет, хворь не пройдет, ведь у тебя не только телесные раны, но и душевные – отпусти их и полегчает».

– Как? – тихо спросил Владимир.

– Я научу, – ответила она.

Владимир весь напрягся.

– Попроси прощения, – это первое, открой сердце – это второе, сорви поцелуй – это главное. Когда она ответит тебе – душа освободится – тоска уйдет и боль отступит – вот и все.

Тетка Христя накинула тулуп, вывела гостей на улицу, под мышкой держа что-то. Грохотала канонада, ах стекла дребезжали, огромное зарево полыхало за горизонтом.

– Вон какой там бой, – показала она головой. – Сколько убьют, сколько покалечат еще, ой, беда. Это четвертинка каравая, поужинаете, – она протянула хлеб Лизе. – Идите вот так, через сад, – она указала дорогу, – так быстрее. Жду Вас ровно через сорок дней, как курс закончите.

Долго стояла и смотрела им вслед, они ей понравились. Красивые. «Парень очень изранен, но любовь спасет его, – думала она, а уж какую молодницу он себе нашел – за такую можно и пострадать.».

Пошли к остановке через сад, уже вечерело. У самой тро-

пинки стояли два дерева береза и дуб, обвив друг друга, сплетясь ветвями. Березка тоненькая, дуб крепкий, ветвистый.

– Посмотри на это! – воскликнула Лиза. – Как романтично!

– Красиво, – согласился Владимир, – хоть бы уцелели.

– Как будто тише стало, – прислушалась Лиза. – Да?

– Да, тише, – согласился он.

Канонада стихала, гудела уставшая земля, но взрывы стали реже.

Минут десять ждали трамвая.

– Мы будешь жить вместе, я буду лечить тебя, – уверенно сообщила Лиза.

– Нет, как мы будем там жить вместе, не придумывай.

– А почему мы не можем жить вместе?

– Не придумывай сказал, я очень болен, мне будет неловко при тебе, нет, – это будет не лечение, а мучение.

– Но как тогда ты будешь лечиться?

– Да, ерунда это все, я сглупил, что поехал – вот теперь начались уже проблемы.

– Какие проблемы?

– Ну давай закроем эту тему, я все сказал. Вообще перестань возиться со мной, как с маленьким, я не маленький, я – калека.

Подъехал трамвай, зашли, Лиза села отдельно от Владимира на переднее сидение, он стал возле мотора в конце,

оперся об него, тепло разливалось по телу, а на душе выло: «Вот я ее и оттолкнул». Он с горечью смотрел в окно, подошла Лиза. В вагоне не было ни одного человека.

– Я вот что тебе хочу сказать, герой. Это здорово, что ты такой честный, гордый. Своей гордостью ты уже меня один раз чуть не погубил, если бы не война, не знаю, чем бы все закончилось, теперь ты снова хочешь морочить мне голову? Сейчас ты, глядя мне в глаза, честно скажешь, как ты ко мне относишься, а я потом тебе отвечу, что будет дальше.

Владимир побледнел, растерялся.

– Скажи, пожалуйста, – требовала сердито Лиза.

– Я люблю тебя больше жизни, поэтому и отка....

– Теперь молчи. Мы с сегодняшнего вечера будем жить вместе в одной квартире и не просто, как соседи, а как муж и жена, потому, что завтра мы пойдем в ЗАГС и поженимся. Предложения руки и сердца я не дождусь, видимо, поэтому спрашиваю сама: «Ты женишься на мне?».

Владимир хотел сделать серьезное выражение лица, но не смог – улыбался, молчал. Стояли близко друг к другу. Владимир вытащил из кармана маленькое красное яблоко, подал Лизе.

– Ой, откуда? – она откусила кусочек.

– Нашел в траве, закатилось, я так в детстве яблоки находил. И каким же я тебе мужем буду? – улыбаясь сыронизировал Владимир.

– Самым любимым, родным и единственным, – ответила

тихо Лиза, смотря ему в глаза.

Глаза Владимира наполнились слезами, уголок губы взметнул вверх, он чуть не задохнулся от счастья.

Трамвай неторопливо ехал к Земляному валу. Совсем стемнело, в вагоне по – прежнему не было ни одного человека, они сидели на заднем сидении и целовались, наплевав на все преграды, и для них не существовало ни войны, ни боли, ни беды.

Глава 19

В ЗАГС Лиза с Владимиром приехали с опозданием. Их уже ждали свидетели и несколько друзей. Лиза нарядная, в белом крепдешиновом платье, с широкими рукавами, расклешённой юбкой, шла под руку с Владимиром, выряженным в черный костюм и белую сорочку. Они переодевались за утро два раза, то Лизе не нравилось сочетание цветов, то костюм был великоват исхудавшему Владимиру. Когда дуэт, наконец, сложился, они в сопровождении тетки Лизы Анны, прихватив небольшие подарки для гостей, поторопились в ЗАГС. Анна знала о Владимире, переживала за Лизу и сегодня была очень рада за ребят. Этот красивый голубоглазый комсорг ей очень понравился.

Лиза счастливая радостно всех приветствовала, Владимир смущался, на лице сияла радость.

Их объявили мужем и женой и всей гурьбой они отправились на Земляной Вал на чай с пирогом. Круглый пирог на полстола, фаршированный рисом с курицей, уже ждал го-

стей. Ольга Ивановна спекла его два часа назад.

– Проходите, гости дорогие, – пригласила она всех к столу, – отведайте пока горячий. Мужчинам налили стопочку водки, женщинам рябиновой настойки, красной, как кровь и вкусной, как шербет.

Тетка Анна взяла слово.

– Сегодня, 28 декабря, образовалась новая семья. Мы все рады за вас, вы шли к своему счастью через тернии и вам повезло – вы вместе. Я думаю сегодня здесь с нами и моя сестра Машенька, не дожившая до этого дня, и муж ее Александр Петрович, смотрящий на нас с небес, и ваши родители, Владимир. И говорю я от всех: «счастья вашей семье». Сегодня радость помешана с грустью – кругом беда, но будет и день только радости и мы, надеюсь, все живые и здоровые снова соберемся здесь вместе. С наступающим Вас Новым годом и пусть он не принесет нам разочарований!

Лиза плакала. Веселая и грустная получилась свадьба.

Гости ушли только к полуночи. Уставшие, но счастливые молодые, проводив гостей, долго целовались у входа. Лиза бросилась топить печь – все остыло и в печи подвывал ветер.

– Спать придется нам отдельно, – заявила смущенно Лиза, кровать односпальная. Ты на кровати, я на диване пока, завтра придумаем что-нибудь.

– Видимо да, – смущенно ответил Владимир.

В тишине Лиза постелила постели, улеглись, пожелали друг другу спокойной ночи и выключили свет.

Среди ночи Лиза тихо спросила: «Спишь?».

– Нет.

Она встала и на цыпочках побежала к Владимиру, легла рядышком на самом краю кровати, прижалась крепко. От Владимира веяло теплом и наслаждением. Это был совсем незнакомый ей запах. Запах матери был нежный, теплый, мурлыкающий. Запах же мужа страстный, обжигающий, кушающий.

Он обхватил ее рукой, чтобы не упала, она прижалась крепче.

– Мы это можем? – спросил он шепотом.

– Все можем, – обрисовывая тоненьким пальчиком контур его рта, целуя нежно, шептала Лиза. Пульс застучал у него где-то в горле, он прижался к ее губам, лаская уголок рта, и когда Лиза вдруг разомкнула губы, скользнул языком ей в рот. Лиза от неожиданности содрогнулась всем телом и вскрикнула. Ее как подбросило, внутри живота внизу запрыгали мурашки. Его губы спускались вниз по ее шее, маленькой груди, нежному розовому соску. Шершавая теплая ладонь медленно поплыла по груди, животу и скользнула между бедер. Чувствуя необъяснимый стыд, Лиза сдвинула ноги, крепко зажав его ладонь между бедер.

– Нееет, – игриво прошептал Владимир, теперь поздно, милая. – Он взял ее под мышки и резко приподнял вверх над собой, она от неожиданности только ахнула. Прижался губами к колену и стал опускать ее вниз, прочерчивая язы-

ком мокрую дорожку, пока не достиг самого чувственного места. Он так держал ее долго, откуда только силы взялись, целовал, нежно гладил языком. Потом опустил пылающую от стыда и потрясения Лизу на себя, глядя ее спину, бедра, целуя шею. Его поцелуи, его трепетные руки доставляли ей незнакомое доселе удовольствие, у нее пылало все внутри, взрывалось, растекалось, вырывалось наружу, она негромко вскрикивала и дрожала, как в лихорадке, он глухо стонал от наслаждения.

Уставшие от ласк они засыпали, сплетясь руками и ногами, обвив друг друга, словно стволы тех деревьев крепко, навсегда, навек.

Проснувшись к обеду, Лиза побежала топить печь. Владимир, проснувшись, поеживаясь в постели, наблюдал за Лизой. От счастья, радости и умиления наворачивались слезы.

– Привет, муж, – игриво сказала Лиза, заметив, что он проснулся, – с добрым обедом. Владимир глянул на Лизу и почувствовал неловкость. Он не мог себя вчера контролировать, и боялся даже представить, что она подумала. Он смущенно поглядывал исподлобья.

– Вставай уже, доедаем пирог, потом процедуры.

Он мешкал, долго натягивал штаны. Лиза удивленно наблюдала.

– Эй, что с тобой случилось, – подошла помогла надеть свитер.

– Лиз, я может вчера позволил себе лишнее что-то...

– А, вот оно что, – перебила она его. – Да, ты вчера позволял себе такое, что не должен позволять комсорг, а так как ты мой муж, – она подседа к нему, приблизилась к уху, – милый, мне понравилось, сегодня повторим тоже самое в точности, – прошептала она ему прямо в ушную раковину и укусила за мочку.

– Вечно твои шуточки, – засмеялся Владимир.

Они жили дальше, Лиза работала, как и прежде по двое суток с одним выходным днем, Владимир по несколько суток не приходил домой – не пускали дела. Лиза лечила его травами и мумие, врачи прописали ему уколы – все это он сносил стойко, все Лизины указания были прописаны в тетрадке в строгом порядке, он выполнял все без возмущения, но только, чтобы не огорчать ее и не расстраивать. «Пусть верит, что поправлюсь», – решил Владимир. Так и жили.

Глава 20

Наступила долгожданная весна. Два раза в месяц у Владимира с Лизой совпадали выходные, они не могли наговориться, насмотреться друг на друга.

Вот и первый весенний праздник – 8 Марта. Все, как и прежде: мужчины дарили женщинам цветы, подарки, улыбки, любовь. Лиза прибежала домой раньше Владимира. Протопила печь, дрова заканчивались, и она ждала и мечтала о ранней и теплой весне. На праздничный обед она налепила вареников с картошкой. Владимир приехал к вечеру, с цветами.

– А подарок у меня спрятан еще с прошлого года – смущенно заявил он, – сейчас. Он вытащил из шкафа маленькую коробку. Лиза открыла – часики, чудо какие красивые, маленькие, изящные.

– С праздником, дорогая жена, – поздравил ее Владимир и поцеловал нежно. – Соскучился.

Лиза проснулась, Владимира не было рядом, прислушалась – тишина.

– Что такое? Встала быстро, побежала босиком на кухню. Он сидел в темноте, в одних трусах, хотя было холодно. Лиза включила свет.

– Что с тобой? Тебе плохо?

– Нет, все нормально.

– Не спится? Может чаю хочешь?

– Тебя хочу, – хрипло ответил он.

– Как понимать? – удивленно уставилась она на него.

– Так как есть – хочу тебя.

Лиза только через несколько минут поняла, о чем говорит Владимир.

– Хочешь, так бери, – прошептала она ему на ухо. – Давай, смелей, как тебе будет не больно?

– Нет..., не знаю, это, наверное, будет неловко.

– Пока не попробуем, не узнаем.

Она села на край стола, Владимир подошел неуклюже, взял ее лицо руками и прижался к губам требовательно, горячо.

– Люблю тебя, – прошептал, обхватил ее бедра, потянул к себе. Им не нужно было никаких прелюдий, они безумно желали друг друга.

– Прости, если... не получится, ну если тебе не понравится, – попросил он глухо и, медленно входя в ее теплую глубину, застонал протяжно. Лиза, читающая описание подобных моментов в любовных романах Эмиля Золя, ощутила все по-другому. У нее внутри в животе все так пылало, что она не почувствовала сильной боли, когда потеряла девственность, она не ощутила неземного наслаждения, так красноречиво описанного в романах, не почувствовала радости, которую ожидала. Но почувствовала она другое и, кажется, это было счастье, именно такое, какое она нарисовала для себя сама.

Спустя полчаса они лежали слившись воедино, как обычно. Владимир нежно шептал ей на ухо «Люблю тебя, люблю тебя».

– Спи, – ласково просила она его.

– Боюсь, – шептал он, – проснусь, а все это сон, иллюзия, и я сразу умру тогда.

– Я тебе умру. Я только замуж вышла, – шутливо сердито прошептала Лиза.

Лиза, как и положено хозяйке проснулась первой, затопила печь и титан, поставила вариться пшено для каши. Все это ей нравилось, особенно у нее хорошо получалось топить печь – с первого раза.

– Вставай, соня. – Я ванную тебе наполнила.

– Вааанную! – потянувшись восхитился Владимир.

– Какое блаженство, – воскликнул, погружаясь в теплую воду. Второе блаженство за сутки, – подумал он, смутившись своим мыслям.

Лиза сидела на кухне, читала газету, ароматно пахло пшенной кашей с маслом. Владимир появился в дверях.

– Посмотри, – попросил он и направился в ее сторону медленно. Больная нога неуверенно шагала к ней.

– Спайка рассосалась, видимо от вчерашнего...

Лиза улыбалась, боясь что-нибудь сказать. Владимир сел напротив взволнованный, с испариной на лбу.

– Ну мы же вместе, значит, и все остальное пройдет, – успокоила его Лиза, погладив по голове, поцеловала в губы. – Ешь, сегодня вкусно получилось.

Больше они не могли жить в разлуке. Звонили друг другу по несколько раз в день, не могли дождаться выходных. Лиза бежала домой трепеща, предчувствуя предстоящую встречу. Владимир постоянно ощущал болезненное желание. Все мужское сознание его было заполнено мыслями о ней, о ее прекрасном теле. Они кидались в объятия друг друга, страстные поцелуи сменялись радостным смехом, словами о любви.

Глава 21

Курский вокзал находится совсем рядом от улицы Садовая Земляной Вал, но Владимир с Лизой виделись нечасто. Гигантская нагрузка лежала на железнодорожниках. Крас-

ная армия готовилась к решительному наступлению под Москвой и главной задачей было перебросить десять дивизий с восточного фронта сюда, под Москву, а это сто сорок тысяч солдат с техникой, боеприпасами, провиантом. Железная дорога не была рассчитана на такие нагрузки. Донбасс оккупировал враг и основное топливо для паровозов – уголь негде было брать. На Транссибе организовали одностороннее движение по обоим путям – эшелоны мчались только на запад, к линии фронта. Эвакуационные составы отправлялись на запасные пути, где они под бомбежками и обстрелами стояли неделями, не имея возможности ехать, пропуская эшелоны с уральскими, сибирскими и дальневосточными дивизиями.

У Лизы сегодня выходной, но Владимир сказал, что не придет домой, так как у него ночное дежурство. Он – комсомольский работник оказался успешным железнодорожником, умел находить правильные транспортные цепочки и умело их реализовывал. Он не разрешал Лизе приходить на вокзал: шум, гам, дым паровозов, пар, копоть, телефонные звонки, толпы народу, посетители – в его рабочем графике не было ни минуты свободной, чтобы подарить ее любимой жене. «Сегодня обещал зайти на рассвете, если получится. Грустить не буду, не буду», – утешала себя Лиза, идя по улице Горького. Сегодня она решила сходить проверить родительскую квартиру, посмотреть почту, узнать новости.

Обошла холодную квартиру. Каждый уголок здесь напо-

минал ей о былом, о матери с отцом. Мачеха ничего сюда не принесла своего, но и порядка не нарушала: все висело и стояло на своих прежних местах. Зашла в кабинет отца. Большая комната, сотни томов стоят рядами с пола до потолка в красивых деревянных шкафах за стеклами, большое уютное кресло, присела, заплакала, конечно. Это промерзшее кресло, что вся ее прежняя жизнь после смерти матери и до того дня, когда ее сердце пронзил взгляд голубых пылких глаз. Заулыбалась сквозь слезы. Собрала вещи, взяла несколько книг, закрыла дверь, как учила мачеха и пошла домой. Домой, в небольшую, пропитанную счастьем квартиру, в которой так тепло и уютно. Заглянула в почтовый ящик – пусто. В соседнем ящичке лежало письмо – выглядывало в дырочки, давно, еще с прошлой осени. Лиза, мгновение помешкав, сильно дернула ручку ящика на себя, дверца открылась. Письмо было для нее от Вали Царевой.

– Ах, как же так! – воскликнула раздосадованная Лиза и бросилась из парадной на свет читать письмо.

«Милая моя подружка! Как я тут по Вам скучаю. Маша уехала в Москву, я ее провожала на вокзале. Смеялась звонко, веселила ее, а как поезд отъехал, зарыдала, душа разрывалась от тоски. Как ты поживаешь, милая Лиза? Вот мы все гадали придет ли беда – пришла проклятая. Но разлучила нас эта чужестранная гадина, эта зловещая гарпия не навсегда, я чувствую. Не спрашиваю, как твои амурные дела – знаю, что все сложно. Тебе нужно поговорить с Владимиром.

Его все знают, как честного и порядочного человека, нужно спросить его прямо, что произошло между вами, пусть объяснится.

А я, приехав на каникулы, не строила никаких планов – хотела отдыхать и веселиться. Кто бы знал что будет. Тимофей прибежал сразу же. Да, от самый Тимоня, над которым мы насмехались. Мать не выпустила меня к нему, так он просидел всю ночь во дворе. Мать в крик: «Я тебе не для такой судьбы рожала, зачем тебе вдовец с тремя детьми». Я не послушалась ее, побоялась. Она отправила меня подальше с глаз долой в Курскую губернию в село Арбузово к своей сестре Матроне. Я и раньше бывала здесь. Если бы ты увидела здешнюю природу, то схватилась бы не за перо, так за кисть с твоим то воображением: широкие холмистые долины словно покрыты зеленым бархатным покрывалом, луга утопают в цветах, белоствольные березки рядами красуются на солнышке, ветви садовых деревьев ломаются от фруктов, живописные озерца и ручейки, Свапе – чудо какая красивая река, неспешно течет, извиваясь, отражая в зеркальной воде высокое синее небо, а по ночам звезды и луну. И можно набрать воды в ведро вместе со звездой. Ах, Лиза! Жить бы, да жить всем! Но мне от этого не легче, а только грустнее. Я влюбилась ведь в Тимофея еще в пятом классе, потом мои вздыхания переросли в любовные страдания, он ведь женился, да, как говорили, по большой любви. Потом дети у них пошли один за другим каждый год. Я любила его все эти

годы. Жена его умерла год с небольшим назад, представляешь, отравилась грибами. Я не могла поверить, что так может быть, ведь он овдовел и свободен. Этой зимой, когда я уезжала с каникул, прибежал на вокзал, сказал, что больше молчать не хочет, мол, я ему очень нравлюсь. Дааа! Какие чувства меня тогда терзали, но я вам с Машей ничего не рассказывала. Сама ничего не решила – он вдовец с тремя маленькими детками на руках, но, и потом он сказал просто, что нравлюсь...

В Арбузово фашисты въехали на мотоциклах и машинах, Красной армии в селе вообще не было. Мы все попрятались по землянкам, сидим в щели выглядываем. Остановились у колодца, набирают воду, плещутся, гогочут, смело так, развязно ведут себя, как хозяева. Наши мужчины все ушли на фронт, но женщины не успели никуда податься, так фашисты быстро здесь оказались. Я слушала их, там были не только немцы, а еще, кажется, венгры и румыны. Говорили о своих женах, детях, словно, и не приперлись на чужую землю. Немцы белолицые, высокие, румыны же черные, грубые, грязные какие-то. Румыны пошли сразу в самые хорошие хаты – добро забирать. Воры. Постояли сутки в селе и поперли дальше, оставили старосту с солдатами. На другой день тетка меня вывела из села оврагами, лесом, я пристроилась к обозу с провиантом – вот так вернулась в Воронеж. Кругом война идет, бомбят, обстреливают, паника, люди бегают по дорогам, растерянные, с чемоданами, баулами – ужас как страш-

но. Прибежала я домой и с порога матери заявила, что с этой минуты буду жить своим умом, а это значило, что собираюсь сойтись с Тимофеем. А он ушел на фронт в первую же неделю, оказывается, детей оставил с матерью. Недолго думая, бросилась к ним. Дети напуганные, маленькие все, мать его все время плачет. Так я и осталась с ними жить. Вот теперь мы вместе.

P.S. Воздушная тревога была, бегали в бомбоубежище. Как же все страшно и дико. Беда, беда кругом. Береги себя, я тебе, непременно, напишу еще и ты мне пиши обязательно. Свидимся ли еще? Прости, если все сумбурно написала, пишу и обливаюсь слезами...».

Лиза побежала на Курский вокал, вбежала в кабинет Владимира без стука, подошла, обняла за спину, прижалась крепко, шепча на ухо: «Соскучилась, сейчас уйду, сейчас».

– Я не ругаюсь, иди ко мне, – потянул он ее за руку. Я после твоих поцелуев пьянею, а у меня сегодня десять эшелонов на прием и отправку, – шептал, целуя Лизу, Владимир. – Ты что такая взволнованная?

– Письмо от Вали получила, вернее, нашла в соседнем ящике, с осени еще лежало.

– Как так? Что пишет? Как она? Хочешь чаю? – завалил вопросами.

– Разное пишет. Посоветовала с тобой встретиться и поговорить, – засмеявшись Лиза. – Нет, не хочу есть вообще, тошнит второй день что-то.

– Заболела? Я же говорил не ешь никакие консервы, сильно тошнит?

– Нет не сильно, уже проходит.

Посидели с полчаса, и Лиза поплелась тоскливо домой.

Выходной тянулся медленно и скучно. Читала, спала, подумала о еде и побежала в ванную – стошнило. Стояла у зеркала, рассматривая мокрое лицо. Засмеялась: «Консервы говоришь, вот так дела! Интересно, он не сойдет с ума от радости?».

Он заплакал. Сначала смотрел на нее молча, потом, сказав «сейчас приду», спрятался в ванной и заплакал. Он и так не верил своему счастью, а теперь вот это чудо. У него будет ребенок.

– Бог, ты есть не небесах? – спросил он про себя, подняв голову к потолку. – Спасибо за жизнь, за любовь, за чудо. Спаси и сохрани их.

– Мы будем просто жить, я работаю пока смогу, ты будешь заботиться обо мне, любить, оберегать, но сходить с ума не будем, – предупредила Лиза, заметив решительность какую-то на его лице.

– Постараюсь, но не обещаю ничего, – уверенно ответил он. – Письмо получил с Ленинградского фронта. Панфилова Нюра после ранения была отправлена в тыл, что с ней они не знают. Отец ее на фронте, его призвали осенью, мать давно умерла.

– Послушай, а что если она ребенка Панфиловым отвезла?

– Нет, как она могла в Москве оказаться, а потом через несколько дней в Ленинграде снова. Помолчав добавил, – но проверить нужно, давай сходим в выходной, я адрес узнаю. Договорились.

Глава 22

Лизе тошнило все время, хотя врач обещал только утреннее недомогание. Владимир доставал ей кисленькое: апельсины и мандарины из Абхазии, клюкву из Сибири, квашенную капусту и соленые огурцы из Воронежа – все это ему привозили прибывающие поезда. Лиза смущалась, но лакобилась вкусностями.

А сегодня, 20 апреля 1942 года, очередной выходной вечер, такой любимый обоими и долгожданный. Лиза лежала уютно пристроившись на диванчике, накрывшись теплым пуховым платком.

– Давай почитаю, – предложил Владимир. – Что наш маленький? Лютует? – спросил шутливо, – отбирает тебя у меня?

– Нет, он просто растет, почитай Фета.

Он читал красивые стихи Фета о любви с толком, с расстановкой, смущаясь, его губы немного кривились в одну сторону, как обычно при улыбке:

Я болен, я влюблен; но мучась и любя –

О слушай! о пойми, – я страсти не скрываю,

И я хочу сказать, что я люблю тебя –

Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

Война за окном полыхала так, что земля рвалась на куски и ревела от боли, солнце взорвалось и разлетелось на части, из ключьев разорванных туч проглядывало дымное грязное небо. 20 апреля 1942 года – решительный день. С завтрашнего дня советские войска перейдут в наступление под Москвой и начнут освобождать оккупированные села и города.

Лиза проснулась, потянулась, огляделась – муж спал мирно на кровати. Пошла к нему, присела на край, стала смотреть в упор, он не чувствовал взгляда. Дотронулась губами до кончика носа – нет, не почувствовал.

– Спит, как слон! – пошутила, прильнула к губам. Он проснулся, ответил.

– Не спи, мне скучно.

– Что ты со мной делаешь, Лиизаа! – потягиваясь, пропел Владимир.

– Бужу, что ж еще! – Лиза расстегивала пуговицы на халатике. – И здороваюсь, что ж еще! – лифчик улетел в сторону. Он смотрел игриво:

– Красотка!

– Да, – она потихоньку легла ему на грудь. – Не тяжело?

– Своя ноша не тянет. Засмеялись.

– Ну тогда поцелуй меня, – попросила Лиза и улетела, как обычно, туда, где так тепло, горячо, приятно до дрожи. Сладкая нега потекла по телу.

Днем, как и договаривались, они пошли навестить Панфиловых. Те жили на Арбате. Ах, эти милые арбатские дво-

рики! Архитектурные шедевры переплетаются с домами старой, еще деревянной постройки, внутренние зеленые дворыки укрывают тебя от летнего зноя, столетние деревья, как грозные часовые, стоят вдоль дорог и кругом тополя с пухом – прилипалой. Панфиловы жили на улице Сивцев Вражек в доме 15/25. Подошли, огляделись. Многоэтажное строение состояло из трех корпусов. Его называют дом-трилистник. Узнали у дворника в какой из корпусов идти, тот знал Панфиловых, отец Ильи, Афанасий Петрович, был работником НКВД. Долго стучались в квартиру, уже собрались уходить, как наконец открыли. На пороге стоял уставший немолодой мужчина, а рядом годовалый мальчик – вылитый Илья, бывает же такое. Афанасий Петрович узнал и Лизу, и Владимира, пригласил их в квартиру. Обстановка в квартире скромная, они заселились сюда за полгода до войны: диван, возле него круглый стол со стульями, аквариум на табуретке, рыбки плавают, радио возле стенки, на стенах фотографии в рамках, много фотографий, видимо, родни у Панфиловых было не мало. На кухне кипел чайник.

– Вот чай собирались пить, – сказал хрипло Афанасий Петрович, – присоединяйтесь.

Лиза быстро собрала на стол, с собой они принесли галеты и сахар. Пили чай, разговаривая. После известия о гибели Ильи мать его обезумела, днями ходила по Москве, искала его кругом, иногда не приходила ночевать. Она перенеслась от горя в те времена, когда Илюша был маленьким. Месяца

два все его искала и замерзла на улице, морозы были сильные тогда. Сам Афанасий Петрович болеет – сердце, ноги не ходят.

– А как к вам ребенок попал? – спросил Владимир.

– Его сестра Нюрки привезла, сказала из Ленинграда вывезла, и, мол, сама Нюра приедет скоро, но так и не приехала пока и писем не пишет. Не жива уж, наверное.

– Жива, жива, – поспешил успокоить его Владимир. В госпитале была, ее в тыл отправили. Потом немного тише добавил: «Думаю, что жива».

Мальчика звали Сашей. Лиза игралась с ним на полу. Она изображала зверей, а Саша громко хохотал.

Афанасий Петрович смотрел на них, грустно улыбаясь.

– Вот болею, с ребенком еле справляюсь, боюсь помру, а он испугается.

– А мы его заберем, – уверенно сказал Владимир, – вместе с Вами, конечно. Мы его разыскиваем уже полгода, я Нюре очень обязан, она меня от смерти спасла, на себе вынесла с боя. Ну, если вы не против, – поправился Владимир.

Афанасий Петрович соображал молча.

– Наверное, не против, но с вами я не могу – работа у меня, – он запнулся, – ну, пока работаю, но я буду приходить каждую неделю, на Саню ведь и паек дают, буду приносить, – ответил и глаза наполнились слезами.

– Но Вы как сами будете? – допытывался Владимир.

– Да мне соседка помогает, хорошая женщина, заходит

иногда.

Владимир вспомнил Илью и подумал, что все-таки они бабники, а значит не пропадут.

Собрали все Сашины пожитки, одежда у него добротная: тулупчик овчинный, валеночки, вязаные свитера и носки, теплые байковые штанишки.

Владимир подхватил Сашу на руки, тот обнял его за шею и пошли из квартиры.

– Мы будем Ньюру искать. Вы приходите в любой момент, как захотите, Лиза, наверное, уже уйдет с работы, теперь ведь у нас, вроде как, двое деток.

Лиза молча улыбалась, согласно кивая головой.

Глава 23

Лиза старательно ухаживала за Сашей. Она считала себя обязанной Нюре до гробовой доски. Человек, сделавший тебе добро, должен во сто крат больше получить добра в ответ – считала она.

Месяц май подходил к концу. Москву больше не бомбили, зенитчики научились отбивать атаки немецких бомбардировщиков. На охране неба служили, так называемые слухачи: музыканты и люди слепые, но обладающие феноменальным слухом. В суеде, постоянном шуме, взрывах, плаче они безошибочно слышали приближающиеся самолеты, а уж зенитчики не давали никаких шансов прорваться бомбардировщикам сквозь свои заслоны.

Лизу измучил токсикоз. Все советовали потерпеть еще

немного, к четырем месяцам тошнота пройдет. «Ждать еще два месяца», – ужасалась она и поглощала соленья. Ей безумно хотелось свежего помидора, такого зеленоватого сверху, но сочно-кислого внутри, ароматного, на зеленой веточке.

Владимир, волнуясь за жену, разрывался между работой и домом. Раны его отошли на второй план. Хотя лечение травами и молитвами помогло, еще как помогло. Бывали дни, когда он и вовсе забывал о болях. Раны начинали ныть на перемену погоды, особенно к дождю.

Глубоко за полночь Владимир на цыпочках заходил в квартиру: «Тишина». Подходил к Лизе, она поднимала измученное личико и улыбалась приветливо. Долго сидели обнявшись в темноте.

– Устала, моя куколка?

– Угу, – отвечала Лиза жалобно, но кормить тебя буду и даже вкусно, думаю. Он останавливал ее, но не тут-то было – встретить и накормить мужа было для нее высшим наслаждением. «Он живой, со мной, люблю его каждой клеточкой своего тела, каждой молекулой воздуха, которой дышу. Сколько сейчас погибает мужчин на поле боя, сколько сейчас страдает сердец, сколько сейчас людей, и даже в эту минуту, кричат от ужаса, узнав о потере любимого человека. Когда-то я смеялась «счастье», потом горевала дико, теперь шепчу «счастье» и не хочу его потерять никогда», – писала она своей любимой подруге Машеньке Королевской.

Саша рос довольным, ел за двоих, хорошо спал, почти не

капризничал. От Лизы он не отходил, звал ее «тата», ему точно понравилась эта красивая молодая тетя. Владимир не знал, где искать Ньюру. Писать на фронт было бессмысленно, сегодня солдат «есть», а завтра уже «был» и что это даст. Почему она не ищет сына они с Лизой не понимали, но были уверены, что она жива.

Стучались в соседскую дверь. Лиза прислушалась. Постучали к ним. Она испуганно пошла к двери, открыла. На пороге стояли мужчина и женщина.

– Мы из опеки, – представилась женщина. – Разрешите войти. Лиза испугалась, но впустила их.

– Чей это ребенок с вами живет? – спросила женщина.

– Сын нашей подруги, она на фронте и просила нас за ним приглядеть, его дед приходит к нам часто, – соврала Лиза.

Мужчина осматривал квартиру.

– А как убьют ее, что будете делать? – спросил он, не поворачиваясь.

– Не убьют, – уверенно отрезала Лиза.

– Ясновидящая что ли? Муж твой где? Какой у тебя срок? – спросила женщина.

– Муж мой работает, как вол, несмотря на тяжелое ранение, срок у меня какой нужно и рожу я мальчика, так как Родине нужны защитники отечества. Гости устались на Лизу, раскрыв рты. – Вы будете разговаривать про Сашу только с моим мужем, он сейчас на работе и вкалывает. Вы, женщина, – обратилась Лиза к мужику, – в каком звании? Вы как

оказались в моей квартире, вас демобилизовали?

Мужчина с теткой ушли потрясенные, они не ожидали таких дерзких ответов от беременной женщины.

Владимир смеялся минут двадцать над находчивостью жены.

– Нужно узнать кто это такие и что им понадобилось. Афанасий Петрович уже месяц не заходит. Может это связано с ним или Нюрой. Но с такими типами нужно быть осторожной, дверь больше никому не открывай, пожалуйста, сейчас доносчиков развелось, лишь бы на фронт не идти. Их поощряют – вот их и развелось – добавил он задумчиво.

Лиза ехала от женского врача. «Плоду четыре месяца» – записала медсестра, тошнота прошла, но оставила хвост в виде изжоги. Лиза смотрела в окно, в трамвае было душно, хотя на улице свежо и не жарко. Июль выдался нежарким, умеренно дождливым, вполне, даже, комфортным. Подъехали к остановке. На скамейке сидела неопрятно одетая женщина. Лизу что-то заставило засмотреться на нее и она ее узнала. Трамвай тронулся, Лиза вскочила, закричала громко «Стойте, стойте», тарабаня в стекло двери. Трамвай остановился, она выскочила, забыв об осторожности.

– Нюра, – крикнула она.

Женщина обернулась, встала.

– Ты Нюра? Ведь ты Нюра? – кричала Лиза, подбегая к ней.

– Нюра,

– А я Лиза, жена Владимира, мы у вас на свадьбе были, помнишь?

– Лиза, – узнала ее Нюра. – Ты замуж за него вышла? – она показала на живот.

– За него.

– Значит он живой, ну слава богу, – улыбнулась Нюра.

– Пойдем к нам, – позвала ее Лиза. Она не решилась сразу бухнуть ей про сына, – бери свою сумку и пойдем.

– Нет, уже поздно, мне домой пора, – уперлась Нюра.

– А где ты живешь?

– В Чертаново, а здесь я работаю.

– Ну пойдем к нам, Владимир тебя отвезет потом, пойдем, – просила Лиза.

Нюра стояла в нерешительности.

– Ну пойдем, – согласилась.

Доехали быстро, у Лизы сердце колотилось и коленки дрожали от перенапряжения.

Зашли в квартиру. Владимир изображал самолет, а Саша с гулом летал, уютно усевшись на его шее. Подлетели к вошедшим Нюре с Лизой.

Нюра смотрела на ребенка безумными глазами (ведь Саша просто копия отца – все подмечали), диким голосом прохрипев: «Кто это?».

– Саша, это же твой Саша, – радостно сообщила Лиза.

– Мой Саша? – что-то оборвалось у нее внутри, она обмякла и упала без чувств. Владимир, ссадив летчика, при-

нялся приводить ее в чувства, Лиза принесла воды и нашатырный спирт. Нюра открыла глаза и непонимающе лежала минут пять. Потом встала тяжело:

– Саша, – и поползла к нему на коленях. Он широко улыбался, смотря на нее. Остановилась возле ребенка, слезы ручьями текут.

– Мне же сказали, что Сашенька погиб вместе с Лидой. Она что успела его отвезти? – она обняла Сашу и зарыдала.

Владимир дотронулся до ее плеча:

– Терпи, Нюра, не пугай ребенка.

Нюра не отпускала Сашу, он пригрелся на ее теплом мягком теле и заснул. Лиза постелила им в детской, уговорили Нюру положить ребенка уже, а сами пошли ужинать.

– Я тогда приехала в Ленинград, к сестре подалась. Она работала на Кировском заводе и жила в общежитии. Побежала на почту, позвонила Панфиловым, так и узнала, что Илья погиб, даже не доехав до части – эшелон попал под бомбежку. Не помню, что тогда со мной было. Помню, как собирала Санечку с сестрой в Москву, помню, как в военкомат пошла. Очнулась, когда лежала в окопе, а с неба сыпался град снарядов. Испугалась – куда меня занесло? Оказалось, в 8 Армию. Но что делать, раз на фронте – нужно воевать. Первые дни только пряталась, солдаты меня ругали, и «тетеха, куда прешь», и «дура, ложись», и «ты че чокнутая», ну и подобное. А я никак не могла понять куда деваться и что делать. Но потом попривыкла, научила стрелять, ока-

залась меткой, даже азарт появился, каждый раз говорила: «за Илюшу». Вас увидела когда, – обратилась она к Владимиру, – обрадовалась, но вас в тот же день и ранило. После боя побежала в санчасть, лежите без сознания, весь в крови. Тогда прилетел генерал какой-то, хвастливый такой, везде такая беда, а от него пахнет одеколоном. Ох и злость меня взяла, все выплеснула на него и летчиков трусливых, орала на них за всех женщин обиженных, попробовали бы не взять Вас – взорвала бы на хер тот самолет. Но вообще я не вас пожалела, признаюсь, я Лизку пожалела, видела тогда на свадьбе, как она на Вас смотрела, влюбленная по уши, а Вы такой сидели раздраженный. Вообще вы, Владимир, выглядите слегка надменным, женщины побаиваются ведь Вас, гордый Вы, ну и красивый, конечно. А Илья Вас не любил, мне казалось ему Лиза нравилась. Все время дома говорил о том, что хлыщ Черноглазов прицепился к хорошей девочке, а у самого баб полно, с работы уходит с ней гулять, а мы, мол, вкалывай. Ну я не особо верила, хотя, кто его знает».

Нюра по простоте своей разоткровенничалась. Владимир хотел бы прервать ее диалог, побоялся, что Лиза испугается ее рассказов. Лиза же растеряно слушала ее молча с выражение дикого удивления на Лице.

– А как ты сейчас живешь? – спросил ее Владимир, наконец.

– А я и не живу вовсе, я умерла тогда, когда мне отец Ильи сообщил о смерти Сашеньки и Лидочки, мол, погибли под

бомбежкой, он их похоронил. Хожу, ем, сплю, приبلудилась к одной бабке – вот с ней и живу, в прачечной работаю, там платят мало – бабка говорит, но я сейчас не понимаю сколько это, хожу и стираю весь день. Господи, а зачем он мне наврал? Ах гад какой! Я им не нравилась. А он мне нравился, как будто. Илья, как напивался, рассказывал сколько он жизней погубил, дед чертов, собака. И Нюра снова заплакала.

– Все позади, Нюлочка, – обняла ее Лиза. С нами будешь жить и отогреться, и оживешь, сыну мать нужна, не дед злой и не чужая тетя.

Пошли все спать уже далеко за полночь. Утром будет новый день и новая жизнь.

Глава 24

Нюра переехала жить к Лизе с Владимиром. Лиза вернулась на работу с радостью. Занятость отвлекала ее от беременности, она стала замечать за собой перепады настроения. Она боялась рожать – война, как сейчас страдают взрослые, что говорить о детях. Ругала себя, почему не подумала о предохранении, разве можно было так легкомысленно к этому относиться. Владимир работал сутками, редко бывал дома. Лиза рада была, что Нюра согласилась жить с ней. В один из дней приходил дед Панфилов, рыдал, просил у Нюры прощения, мол все это он сделал ради жены, обезумевшей от горя из-за смерти Ильи, думал, что она займется Сашей. Но та не подпускала к себе ребенка и бродила по городу обезумевшая. Врал, что он пытался найти Нюру, но сам заболел.

Нюра же молча плакала – добрая душа. Лиза не вмешивалась, но злость ее распирала – нельзя всем все прощать.

Постоянная изжога, такая противная, тягучая, горькая дополнилась бессонницей и раздражительностью. Мысли всякие лезли в голову, иногда мысли недобрые. Лиза получила сегодня одновременно письма от Вали и Маши. Они писали об одном: о войне, о страданиях, о горе и о любви. Валя писала, что переписывается со своим Тимофеем, что душа ее поет от счастья, невзирая на разлуку. Маша же крутила роман с красивым горцем – смелым и гордым, как орел, что живет только им, так как мать ее и тетка в оккупации и от них она не имеет известий. Лизу письма расстроили и даже разозлили: «Почему мы все только и говорим об этой любви, других что – ли чувств нет. Да живите себе спокойно, учитесь, работайте, да что хотите делайте – свободные красивые, каждая личность с немалой буквы. Дуры».

У Владимира с Лизой совпали выходные. Лиза задумчиво с раздраженной гримасой сидела на кресле, подперев подбородок. Владимир делал вид, что читает газету, сам же исподлобья наблюдал за ней. Жена переносила беременность тяжело и все время бывала раздражена. «Сейчас будет гроза», – почему-то пробежала мысль.

– У тебя были женщины до меня? – спросила, словно облила холодной водой. Он молчал, думая, что ответить, пытаясь предугадать, какая реакция последует после ответа.

– Да, врать не буду, у меня были отношения с тремя жен-

щинами.

– Такие, как Нюрочка, на одну встречу были?

– Были.

– За мной все время из окна четвертого этажа над твоей квартирой наблюдает женщина. Кто она, вернее спрошу прямо, ты с ней жил?

Он весь напрягся, разговор приобретал нехороший оборот.

– Да.

– Долго?

– Год где-то.

– Год! – громко воскликнула Лиза. Ну это же жена! У меня с тобой отношения всего полгода.

– Лиза, милая, ну перестань, у нас с тобой не отношения, ты жена мне. Ну зачем ты себя расстраиваешь. Жена ведь становится твоей душой, мыслями, ты для меня, как жизнь моя, ну, а те ушли...

– Я не хочу быть твоей жизнью. Живи сам своей жизнью. – Лиза встала, дав понять, что разговор окончен. – Пойдем поедим, мы с Нюрой голубцы готовили.

– А где они сами? – спросил он.

– Ты про дуру Нюрочку? А что ты так за нее переживаешь? К Панфилову поперлась проведать его – она сердобольная, наверное, стирает там. Владимир, изумленно вскинув брови, смотрел на жену.

Ели в полной тишине, потом Лиза, закутавшись в пуховый

платок, устроилась на ночь на диванчике, он пошел спать на кровать.

Весь следующий день Владимиру не работалось. Он чувствовал, что Лиза этим разговором тему его отношений с женщинами не закрыла.

– Кто тянул эту Ньюру за язык, вот и делай человеку хорошее, – злился он. Весь день порывался позвонить домой, но держался. Позвонил в четыре вечера, потом в пять, потом в шесть – к телефону никто не подходил. Почему-то набрал номер квартиры на Горького.

– Алло, – ответила Лиза.

– Ты там, а я звоню..., ты когда домой пойдешь, уже поздно?

– Я дома.

– Лиза, что за ребячество, ты с ума сошла совсем что ли?

– Ты с той верхней соседкой сп., сн., – она придумывала, как побольнее уколоть Владимира, – прыгал на нашей кровати?

– Я никогда ни с кем не прыгал, поняла, – резко ответил он.

– Ну, так попрыгай, я тебя подлечила. И она швырнула трубку на аппарат – он услышал удар.

– Дура, Черт! Черт! – зло стукнул по столу кулаком.

У него испарина выступила на лбу от досады. Его разозлило какой нелепый повод она нашла для ссоры, она не смела так гадко оскорблять его, пусть даже у нее играют чертовы

гормоны. Что она хотела сказать этим гадким «прыгал», что сейчас я... Он вскочил, схватил пиджак, вышел зло и велел водителю везти его на улицу Горького.

У Лизы все внутри бурлило. Пошла от телефона с выражение довольного хищника, укусившего своего врага.

– Лиза, ты что? – спросила ее Нюра, слышавшая этот разговор. Я в шоке. Зачем ты так, он ведь хороший.

– Какой хороший. Он жил с той женщиной год, поняла – год. Что-то ребеночка он ей не заделал – аккуратный. Что ж он со мной не аккуратничал. Что с ним будет? – обхватив живот руками, смотрела она на Нюру полными слез глазами.

– Лиза, что ты придумываешь. Вы живы оба, война когда-нибудь закончится, мир придет, у вас семья, он тебя любит.

– Оставь, Нюра, он оказывается всех любил, пусть и дальше любит – мне плевать. Я к себе, – она зашла в свою комнату, громко хлопнув дверью.

В дверь позвонили, Лиза вздрогнула, Нюра потопала открывать. В комнату вошел Владимир.

– Как дела? – спросил он как ни в чем не бывало?

– Хорошо, – совершенно спокойно ответила Лиза.

– Как маленький?

– Хорошо.

– Тему с моими бывшими предлагаю закрыть, это все было до встречи с тобой, я просто жил, как получалось, никаких специальных замыслов у меня не было. Встретившись с

тобой, я думал только о тебе, я либо смеялся от счастья, глядя в потолок, либо выл, как собака, уткнувшись в подушку и считал минуты до встречи с тобой.

– Хорошо, – помолчав, тихо ответила Лиза. Я посплю, – она отвернулась к стене и затихла. Постояв немного, Владимир вышел из комнаты.

– Она злится, что беременна? – спросил он прямо Ньюру.

– Она боится рожать, все женщины боятся. Тут любой заботится.

Владимир до рассвета дремал на неудобном диване в библиотеке. «Лучше бы домой пошел», – злился он.

Ты целовался с ней? – услышал он над головой голос Лизы. Открыл один глаз.

– Ты какой ответ хочешь? – спросил тихо.

– Честный.

– Нет, я целовался только с тобой, ты не могла этого не чувствовать. Хорошо, расскажу и не смей меня осуждать. С ней было... удобно. Она приходила и уходила через полчаса, сама захлопывая за собой дверь.

– Но ведь ты хотел ее?

– Черт, да не ее я хотел, эмоций хотел.

Он обернулся и испугался: мокрое от слез Лицо Лизы выражало горе и крах.

– Прости меня за все, я очень раскаиваюсь. – Он целовал ее руки. – А ты меня не разлюбила случайно?

– Не надейся, – ответила она сквозь рыдания. – Жить бу-

дем здесь, я приготовила нам комнату в гостиной. Хочешь переоденься, твои вещи в гардеробной.

Она смотрела, как он переодевается. Смотрела на его спину в шрамах, злость уходила. «Зачем ему мне врать, – вдруг дошло до нее, я ведь лучше этих».

– Ты меня любишь? – спросила устало Лиза.

– Я люблю тебя, я умру без тебя, – ответил он так искренне, что Лиза сдалась окончательно.

Глава 25

Лизу разбудил шум. Прислушалась – радостный смех и приветствия, не могла понять кто это. В комнату вошел Владимир.

– Ты не спишь? – спросил тихо. – У нас гости.

– Мачеха что ли вернулась? – спросила ни без ехидства Лиза.

– Нееет! Лучше не надо, а то выставит нас на улицу прямо ночью.

– Кто тогда?

– Вставай, увидишь.

Лиза запахнула халат, накинула на плечи большую шаль, но живот в семь месяцев сложно чем-то прикрыть.

– Маша! – жалобно воскликнула она. Мааашаа! – обнялись. – Ты с фронта что ли? А у вас отпускают что ли?

– Ну я же ополченка, – ответила Маша, – наши дальше пошли, а я вернулась.

– Ополченка – это литературно или народно? – спросила

счастливая Лиза.

– Кто как хочет, – ответила, зевая Маша.

Владимир вынес бутерброды, предложил девушкам.

– Я поем, – подбежала Маша к тарелке, – очень голодна. И откусила большой кусок бутерброда. – Ууу, вкуснятина какая!

На шум вышла проснувшаяся Нюра, зевая.

– У вас что тут гарем? – воскликнула Маша.

– Нет, семейное общежитие, – засмеялась Нюра. Маша с Нюрой все знали друг про друга, Лиза рассказывала о Маше каждый день, а Маше в письмах писала о том, что такой друг, как Нюра – это подарок судьбы.

Перекусив, сонные разошлись по комнатам, Маше постелили на неудобном диване в библиотеке.

– Спишь, – спустя какое –то время спросила Лиза тихо.

– Нет, – ответил Владимир.

Лиза подползла к нему неуклюже, прижалась, положила голову на плечо.

– Я тебя замучила, а потом ребенок будет орать по ночам.

– Ну я тогда вернусь к себе, – совершенно спокойно ответил он.

Лиза вскинула голову.

– Шучу, – засмеялся, взял ее лицо в ладони, поцеловал нежно.

Лиза заулыбалась, крепче прижалась к мужу, обняв его руку.

– Мы можем это? – спросил несмело Владимир.

– Все можем, – улыбаясь ответила Лиза. – Соскучилась, – шептала сквозь поцелуи. Ты еще желаешь меня, такую противную злючку?

– Хм, желаю, как в первый раз, – покрывая поцелуями ее шею, плечи, шептал радостно, – с возвращением, моя кукол-ка.

Тошнота, истерики, страх – все ушло. Она купалась в любви и заботе мужа, преданные подруги крутились все время рядом, вроде, как счастье возвращалось.

Маша вернулась в институт, переехала в свою бывшую комнату в общежитии, о своем возлюбленном она ничего не рассказывала, Лиза не спрашивала – боялась, вдруг погиб, сама расскажет, если захочет.

Лиза не знала, как она будет заканчивать институт. Владимир же знал точно, что он уже отучился, его мечте не суждено, к сожалению, сбыться. «Горный инженер с перебитым позвоночником и тростью» – иронизировал он. Но ни это было главной причиной. Лизу и ребенка он никогда бы не оставил одних, уезжая в длительные командировки, никогда.

Вот и январь на пороге. В квартире на улице Горького было тепло, красиво, уютно. С конца 1942 года заработала котельная, подавая тепло в квартиры. Срок Лизиных родов приближался, сумка с вещами в роддом была собрана заботливой Нюрой и стояла в прихожей, ожидая своего часа. В центре квартиры нарядили елку, Владимир принес ее еще

неделю назад. В этом доме было много красивых вещей, в том числе и новогодних игрушек. Были и совсем старинные, уникальные, дореволюционные, изготовленные из тисненого картона на далекой Дрезденской картонной фабрике: слоны, медведи, неуклюжие пингвины, зайчики, бьющие в барабаны. С ветки на ветку игриво перекидывались блестящие бусы-гирлянды, огибая стеклянные яркие шары, самую макушку украшала рубиновая звезда – точная копия кремлевской звезды. Саша не отходил от елки, сидел радостный на табуретке рядышком. Даже кормили его здесь.

Лиза совершенно успокоилась, читала книги, играла с Сашей, рассказывала ему сказки, иногда сама сочиняла. Саша очень любил слушать ее, сидел молча, надув губки, как взрослый мужичок.

Сегодня, 2 января 1943 гола, Лиза в прекрасном расположении духа, уютно пристроившись на диванчике, сочиняла сказку вслух: «Когда-то на подоконнике того красивого дома, – она показала рукой в окно в даль на гостиницу Москва, – жила маленькая фея. Она была так хороша собой, что не существует слов, чтобы ее описать. Одно можно сказать, что глаза у нее были, словно голубое небо, губы, словно алые зорьки, волосы у нее горели, словно золото, а кожа была нежнее бархата. Птички прилетали на подоконник, взглянуть на нее, прилетали бабочки, полюбоваться ее красотой. Заботливая мама устроила ей на подоконнике цветущий сад: маленькие деревца росли в небольших горшочках,

цветы цвели в наперстках, на стволах деревьев висели качельки, спала она на маленькой вязанной кроватке, укрывалась от полуденного солнца под нежной вуалью у журчащего ручейка, вытекающего из ракушки. У нее была даже маленькая собачка – крохотный муравейчик в красном кафтанчике. Он пытался лаять иногда и часами дремал, греясь на солнышке. Лакомилась фея нектаром и цветочной пылью. Она дружила с мотыльком, который жил за стеклом в форточке, паучком, который плел свою паутину в углу комнаты и комариком, сидевшим днем в щели подоконника, а ночью вылетающим на охоту. «Доброе утро!» – радостно кричала фея, просыпаясь с первыми лучами солнца. Ее друзья, поживаясь, просыпались, приветствуя ее в ответ. На другой стороне улицы каждый день играл музыкант и фея танцевала под звуки скрипки, то кружась, то взлетая, как балерина. Устав, она смотрела через стекло, любуясь скрипачом, и громко вздыхала о том, что музыкант, наверное, не знает, какая здесь живет миленькая фея, которая так красиво танцует! Музыкант, к сожалению, не мог видеть ее, он был слепой. Но его незрячие глаза все время смотрели в сторону окошка, за которым пряталась фея».

У Лизы что-то булькнуло в животе, и она почувствовала, как под ней растекается лужа.

– Нюра, – громко позвала она подругу.

– Началось? Не паниковать, дыши спокойно – помнишь, как учили. Вызвала скорую, приехала через десять минут.

Зазвонил телефон. Владимир устало взял трубку:

– Слушаю.

– У Вас девочка, 3600, рост 52 сантиметра, мама и малышка чувствуют себя хорошо. Завтра можете их проведать и положили трубку. Его прошибло несколько раз электрическим разрядом. Рука вцепилась в трубку, из которой эхо повторяло: девочка, мама и малышка...

– Девочка, 3600, – повторил про себя Владимир. – Девочка, 3600! – восторженно воскликнул он вслух и счастье потекло по его венам, понеслось к сердцу, доверху наполнив его.

Лиза показывала ребенка через стекло, Владимир, Нюра и Саша стояли под окнами, перекрикивая друг друга возгласами поздравления, вопросами о том, как ест малышка, как спит. Саша протягивал игрушку – подарок для малышки.

– Какая красивая! – воскликнул Владимир.

– А как вы ее разглядели? – удивилась Нюра.

– Догадался, – засмеялся он.

– А имя вы ей придумали? – спросила Нюра, когда они выходили из больничного двора.

– Алла, – ответил Владимир. Так звали мою маму.

Глава 26

Лето пролетело быстро, по крайней мере, Лиза его почти не заметила. Вот уже скоро сентябрь, Алочка отметила свой полугодовой юбилей. Лиза закончила институт экстерном и получила приглашение на работу – в свой же институт на от-

крившийся переводческий факультет на отделение немецкого языка. На английском и немецком языках Лиза говорила свободно. Ее знания ниоткуда не взялись – это и постоянный труд, и чтение иностранной литературы в подлинниках, это и научные статьи отца, которые она помогала сначала переводить, а потом и писать, и, конечно, беседы с английскими учеными – коллегами отца, это и постоянная практика – Лиза всегда занималась с кем-нибудь из коллег отца.

Владимир был не в восторге от работы жены.

– Что ты будешь за преподаватель, они все будут не языки зубрить, а по тебе вздыхать, – махнул он рукой.

– Не ревнуй заранее, хотя немножечко можешь ревновать, – лукаво улыбаясь, пошла мимо него на кухню, шепнув, одними губами: «Люблю».

Радиоприемники не выключались ни в одном доме, утром и вечером ждали сводки совинформбюро. Но сегодня вечерних новостей не было. Вместо этого уравновешенный голос Левитана сообщил, что в районе двадцати четырех часов вечера будет передано экстренное сообщение. Люди переговаривались с испугом, телефонная линия Москвы гудела от напряжения от звонящих.

У Аллы резались очередные зубки, она капризничала, плохо ела, пускала слюни, грызла свои кулачки. Лиза весь день не спускала ее с рук, уже ночь на дворе, а она ноет и вертится на руках, к Владимиру и Нюре не идет.

– Сегодня, 5 августа 1943 года, ровно в 24 часа, – наконец

заговорил голос Левитана, – столица нашей Родины Москва будет салютовать нашим доблестным войскам, освободившим Орел и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати орудий. Великая слава героям, павшим в борьбе за свободу нашей Родины!».

И как обещали ровно в 24 часа небо над Москвой озарилось вспышками первого залпа. Его эхо вырвалось через мгновение из миллионов радиоприемников в разных уголках нашей страны. Потом второй, потом третий. Яркие вспышки салюта озаряли мокрое от слез лицо Нюры, радостную улыбку Лизы. Алочка и Саша жмурились от ярких вспышек и смеялись. Люди по улице Горького бежали на Красную площадь. Тревога и страх от ожидаемых весь вечер новостей вылилась наружу, не скрываемые людьми, в смех и плач. Этот салют уверил всех в том, что мы точно победим и в этом уже нет сомнения, только вот какой ценой.

– Поздравляю! – весело закричала, стоявшая на пороге комнаты Маша. Все обернулись от окна.

– Дверь была не заперта, я звонила. Белгород освободили, наши земли освобождают! – рыдая и смеясь ликовала Маша. – Завтра к вам обязательно приду, а сейчас мы все на Красную площадь, – и побежала быстро на улицу. Все знали, что ее мать и бабушка были в Белгородской слободе Шелякино у родни, когда вошел немец, там и остались в оккупации, не смогли уйти.

Лиза собиралась на работу, прихорашиваясь у зеркала.

Сегодня первый рабочий день. Нюра с Алочкой на руках любовно наблюдали за ней. Лиза одета, как и прежде лучше всех, тетка Анна два раза в год, по-прежнему, приносила ей самую модную одежду в Москве. Костюм из коричневой кожи: удлиненный пиджак и узкая юбка чуть ниже колен прибавили, конечно, Лизе возраста, но сделали ее эталоном элегантности. Коричневые полуботинки и маленький портфель завершили образ молодого современного преподавателя. Послав дочери с Нюрой воздушный поцелуй побежала на работу.

Занятия в институте иностранных языков возобновились еще в январе 1942 года. Многие студенты и преподаватели ушли во Фрунзенскую дивизию народного ополчения. Студенты, оставшиеся учиться, дежурили по ночам в ПВО, работали на лесозаготовках, на строительстве оборонительных сооружений, осенью в колхозах и совхозах на уборке урожая, на строительстве железнодорожных путей.

Владимир встретил ее у института. Последняя лекция закончилась в восемь часов вечера. Специалистов-переводчиков готовили по ускоренной программе, но без сокращений, поэтому они занимались по восемь часов в день. Лиза вышла, уже стемнело, соображала, как ей добираться до дому.

– Девушка, вы моя любимая? – окликнул Лизу голос со спины.

– Может и я, – обернулась она.

– Ну пойдем тогда, ну ж ты и нарядилась! – восторженно

глядя на жену, воскликнул он.

– Ты меня будешь каждый день встречать? – спросила довольная Лиза.

Лиза вбежала в квартиру, Алочка с Сашей играли на полу с кубиками. Подхватила дочь, поцеловала в щечку. Алла захныкала и потянулась к игрушкам.

– Что? Как работа? – выглянула из кухни Нюра.

– Вроде получилось, – ответила Лиза, – пойду переоденусь.

Владимир лежал на кровати, прямо в костюме, закинув руки за голову, смотря в потолок. Лиза быстро скинула костюм и плюхнулась рядом. Нависла над лицом Владимира.

– Устал? – прошептала, трясь носом о его нос, поцеловала. Целовались жадно.

– Потерпим до ночи? – спросила взволновано Лиза.

– Не знаю, – ответил он неуверенно.

– Вставай, выбора нет, – засмеялась Лиза, вскочила, схватила со стула халатик и побежала к детям.

Накормив детей, искупав, уложив, наконец, спать, родители вздохнули с облегчением и сами пошли ужинать.

– Нюра, что ты с нами делаешь? – воскликнула Лиза. К чаю были румяные ароматные ватрушки.

– Вот, что хорошо получается, то и готовлю, – смущено ответила она, довольная, что ее ватрушки произвели впечатление.

– Пойдем уже и мы, – напившись чаю, пожелав Нюре спо-

койной ночи, потащил жену за руку Владимир.

– Ну давай рассказывай, как там эти мальчишки в тебя влюблялись.

– Ну как? По очереди, – шутливо ответила Лиза. На прослушивание и беседу с каждым отводилось по часу. Многие знают только школьную программу немецкого. Сложно им будет. Начали, конечно с алфавита и произношения звуков. Думаю, что через месяц можно будет понять уже, кто из них захочет жениться на мне.

Владимир смотрел в упор.

– Шутница, но у меня преимущество, – потягиваясь, протянул он, – я могу любить тебя хоть каждый день.

– Покажи, – промурлыкала Лиза.

– Ну, сначала буду смотреть на твое красивое лицо, потом поцелую в алые сочные губки, потом, ...тебе придется мне помогать, как и всегда. Мне стоит волноваться? – смотрел смущенно.

– Не болтай уже, – она, медленно садясь на него, застонала. – А ты говоришь конкурентеы, – прерывисто дыша, шептала она. А здесь он уже застонал от блаженства.

Маша работала на кафедре английского языка. Она поступила в аспирантуру при институте и вела одну лекцию в день.

– Родители отозвались, наконец, – сообщила она, зайдя к Лизе на кафедру.

– Правда? Как они? – взволновано спросила Лиза.

– Хорошо, слава богу, их не угнали в Германию и то хорошо.

– Маша, а как твой тот ухажер, что ты писала?

– Ой, не знаю, он на другой фронт попал.

– Ты с ним не поддерживаешь отношения? – допытывалась Лиза.

– Нет, он мне не ответил... Ладно, не хочу про это, раз разоткровенничалась и жалею, честно сказать.

– Маша, ты из нас троих была самая закрытая, ни эмоций наружу, ни чувств. Ты его полюбила? – не успокаивалась Лиза.

– Неет. До конца войны ничего и ни с кем, а после войны и не с кем будет – их там столько убило, – и засмеялась грустно. – Володя тебя не ревнует? Тут эти мужички стоят в коридоре, ждут, когда ты пройдешь.

– Ну, может пара человек и ждет, не придумывай, – ответила Лиза.

– Если бы пара, побольше, будь аккуратна, не улыбайся никому. Улыбка – это уже надежда, а слово – уже знак к действию, – знающе посоветовала ей Маша. Лиза растеряно смотрела на нее.

– Кто бы подумал, что из Вас, Елизавета, такой модной и нежной девушки выйдет хороший педагог, – пригласив ее на беседу, говорила ректор Мария Кузьминична. Успеваемость у Вас лучшая на этом отделении. Через полгода будем отправлять на фронт первую группу. Не хотите взять еще и ан-

глийскую группу, там просто беда с преподавателями.

У Лизы были окна между лекциями, и она не знала, где коротать время, домой было ездить далеко.

– Хорошо, – согласилась она и взяла себе еще пятнадцать добрых молодцев для подготовки в разведку. «И, правда, добрых», – заключила она, войдя в аудиторию. Сильные, здоровые, крепкие, молодые, уже все с высшим образованием и хорошо знающие английский язык – это учеба была для них, своего рода, стажировка перед отправкой на работу в Европу.

– Нам всем нужна жена? – спросил в конце лекции симпатичный студент.

– Думаю, да, – ответила Лиза, – связи на стороне запрещены.

– Ну, может начать искать жену прямо сейчас? – хихикнул другой.

– Жену ищите себе, какую угодно, но главное, думаю, она должна быть свободна и чуть-чуть глуповата, что бы не интересовалась, чем вы занимаетесь. И в полной тишине довольная собой пошла из аудитории.

Глава 27

Лиза, взволнованная, прибежала домой. Сегодня занятия окончили к обеду и всех распустили по домам. О чем говорить на лекциях 9 Мая 1945 года? Конечно о войне, о подвиге народа, о друзьях. В почтовом ящике лежало письмо от мачехи. «Не прошло и пяти лет»», – засмеялась она. Анна

Петровна сообщала, что вышла замуж за директора хлебо-завода и переехала с ним в Алма-Ата. Что-то писала о квартире и ценностях, но Лиза этого читать не стала, перевернула нервно лист. "Про Артема ни слова. Что за гадкая баба. Ведь он брат мне», – подумала раздраженно Лиза, бросила письмо в сумочку и побежала на свой этаж.

Это был главный вечер в их жизни. Взявшись за руки, они все вместе шли по Красной площади, казалось вся Москва собралась здесь сегодня, гремела духовая музыка, люди ликовали. Саша и Алочка прятались за родителями, потом и вовсе залезли на руки, уткнувшись личиками в одежду, искося поглядывая за происходящим. Неожиданно вспыхнули прожектора – световые полосы из разных уголков Москвы, создав светящийся купол, вращающийся над Красной площадью. Салют гремел тысячами орудий, поднимаясь ввысь и разлетаясь светящимися огоньками, вырывая из груди шумные возгласы, крики «Ура!», «С Победой!».

После салюта в доме Черноглазовых собрались друзья, пели, плакали, поминали мертвых, воспевали живых. Разошлись за полночь. Нюра мыла посуду, Лиза вытирала и складывала в шкаф.

– Сашеньку в сад определяю, – заявила Нюра, – сама на работу выхожу на почту. Буду письма и газеты разносить. Зарплата там хорошая, график ночной.

– Но ты будешь уставать, это тяжелый график! – воскликнула Лиза.

– Нет! Наоборот! Мне именно так хочется. Люблю гулять по ночной Москве – тихо, свежо, прохладно. Город спит, коммунальные службы убирают улицы и скверы..., встречаются одинокие машины, редкие прохожие. Но больше всего я люблю встречать рассвет.

– Да ты романтик! – воскликнула Лиза. – Вот тебе и Нюра, – подумала про себя.

Владимир и Алочка, обнявшись, мирно спали, заняв центр кровати. Лиза подошла к окну. Солнце поднималось из-за горизонта огромное, тяжелое, дымное – рассвет. «Солнце дымное встает, будет день горячий», – процитировала Лиза, прилегла на край кровати и тут же заснула.

На Белорусский вокзал возвращались воины. Пышные встречи солдат будут воспеваться писателями и фотокорреспондентами еще многие годы. О том, что намечается что-то грандиозное в Москве люди знали. Нюра приносила новости: «Солдаты всю ночь маршировали по Красной площади – генеральная репетиция». Швейные фабрики отшивали тысячи комплектов новой военной формы – об этом рассказывала тетка Анна Лизе и о том, что в их Доме моделей шьют мундиры для офицеров цвета морской волны. Высоченные молодые военные гуляли по Москве, их видели и на выставках, и в кино, и в театрах.

– Ах, Лиза, какое удивительное время мы застали! – восклицала Нюра, – кто еще и когда будет очевидцем всеобщего ликования и безграничного счастья народа. А почта! – от-

крытки, открытки, поздравительные телеграммы, сумка просто неподъемная от людского счастья. Лиза смотрела на нее ласково: «Как я люблю тебя, милый, искренний мой человек».

В дверь позвонили, пошла открывать.

– Здравствуйте, – на пороге стоял высокий рыжеволосый красавец с улыбкой до ушей, выбритый, аккуратно постриженный, в новой военной форме и начищенных до блеска сапогах. – Меня Валя просила к вам зайти, адрес дала. Я на парад приехал, я – Тимофей.

– Тимофей! – радостно воскликнула Лиза и обняла его, как самого родного из родных.

– Заходи. Володя, – закричала Лиза, – к нам Тимофей. Владимир восхищенно смотрел на бойца – вся грудь в орденах, а выше всех, у самого сердца скромно красовалась Золотая Звезда.

– Вот не было времени к вам зайти, – извинялся как будто он, сегодня вместо кинотеатра к вам попросился, отпустили до вечера.

Его угощали, кормили, поили, обнимали и целовали – дети, конечно. Они лезли к нему на руки, играли с орденами, позвякивая – приняли его за своего за доброе лицо и искреннюю улыбку. Запах Нюриных блинов заполнял гостиную и стол, тут же появились ароматные оладушки с повидлом и чай в красивом старинном сервизе. Тимофей стеснялся, ел неторопливо.

– Скучаю по своим очень, – тоскливо сказал Тимофей, глядя на уплетающих оладушки детей, – вот никак не доберусь до дому.

Темнело, за столом было тепло, уютно, ласковые хозяйки покорили героя, он рассказывал о друзьях, о родной земле. Из радиоприемника полилась мелодия Рио-Рита. Тимофей встал, одернул гимнастерку, подошел к Лизе, цокнув сапогами, с поклоном пригласил ее на танец.

Дети затаили дыхание. Тимофей наступал на партнершу, она ритмично отступала назад, потом Лиза наступала, Тимофей отступал назад. Обхватив ее тонкий стан, закружил, подняв над полом. Лиза хохотала звонко. Нюра восхищенно смотрела на Тимофея. Он был ее совершенный типаж. Этот простой рабочий парень, истинный былинный герой, искренний и честны. Но его судьба уже сложилась и места Нюрочке в ней не было. Владимир подхватил Алочку и, прихрамывая, затанцевал фокстрот.

Провожать Тимофея пошли все. Ночная Москва светилась огнями, народ гуляет. Он уходил, оглядываясь, махал рукой. Нюра смотрела ему вслед и сердце ее пело щемя. Лиза с Нюрой шли под ручку, Владимир впереди, неспешно вел за руки детей, что-то им рассказывая. Мимо прошли brave солдаты чеканящей походкой. Один подмигнул девушкам. Нюра опустила голову, зарделась, смутилась.

– Пойдемте отсюда уж, от греха подальше, – предложила она, на что Лиза громко расхохоталась.

Наступило утро 24 июня. Лиза, проснувшись, подбежала к окну. За окном шел проливной дождь. На улице Горького стояла военная техника. Черная, блестящая от дождя броня величественно холодила взгляд. Шеренги мокнущих солдат стояли ровными колоннами, готовые к параду. Ровно в десять часов разнеслось по всей стране: «Парад смирно!». Гордые колонны победителей пошли, чеканя шаг. Отгремел парад пьесой «Слава Родине» к полудню. Дождь – это к счастью – народна примета, может и так.

Наступила какая-то усталость от пережитых за последний месяц эмоций. Нюра готовила обед, сегодня вечером салют, все собирались пойти на Красную площадь, а потом к праздничному столу, пригласили всех, кого любили, кем дорожили – кто-то да придет.

Лиза проверила спящих детей. События последнего месяца дали им огромный скачок в развитии, просто перебросив вперед на несколько лет. Из радиоприемника звучало танго «Дождь идет» – негромкая песнь француза под красивую мелодию брала за душу. Лиза притаилась в прихожей в нише, слушая музыку.

– Ты что тут стоишь? – нашел ее Владимир.

– Тебя жду.

– Меня? – переспросил шепотом.

– Тебя, как и в тот раз, помнишь. Она потянула его за свитер на себя, обнялись. – Я помню какой тогда от тебя был запах – свежести, одеколона, который я тебе подарила и же-

лания. Такого желанья, что я испугалась, знаешь... Испугалась, что побегу за тобой, а ты меня не позвал.

– Разве я тебя не звал? Я кричал на весь мир, как люблю тебя.

– А я не слышала.

– Не слышала? Как? Ведь тогда не было другого мужчины на земле, так сильно влюбленного.

Целовались. Нюра позвала их обедать.

– Сейчас немного перекусим, а уж наесться будем вечером. Я запекла того барашка, что принес машинист паровоза с картошкой и спекла большой хлеб – поставила тесто.

– Ароматная выпечка не для ваших интерьеров, – засмеялась, входившая в мокром плаще Маша. Отдала плащ внимательному Владимиру, крикнула приветствие Нюре на кухню.

– А где вам Айвазовский? – показала на пустую стенку.

– Это, видимо, было приданным мачехи, – ехидно ответила Лиза, она прихватила самое ценное.

– И материны жемчуга? – воскликнула Маша.

– В, принципе, она была хорошей женой, она с отца пылинки сдувала, молилась на него. И он был доволен ею, кажется.

Лиза помогала Нюре накрывать на стол. Нарядное платье из сочного голубого креп-сатина с плечиками, низами рукавов, отороченных атласом в тон ткани, подчеркивали ее изящную фигурку. Лодочки на высоком каблуке с верхом из

лака сделали ее еще выше.

Мода 1945 года сдержанная, элегантная. Ушли кричащие рюши, кокетливые фонарика, разлетающиеся юбки-клевш. Их сменили юбки прямого покроя и удлиненные, отрезные по линии талии пиджаки, и полупальто приглушенных тонов. К сентябрю Лиза сшила в Доме моделей комплект: полупальто и юбку. Она три раза ездила на Сретенку на примерки, поняв и оценив преимущества покупной одежды. Но оно того стоило! Черное шерстяное полупальто с поясом на бляшке, воротник и большие карманы которого украшали рельефные строчки, узкая прямая юбка чуть ниже колена с неглубоким вырезом сзади сидели на Лизе, словно влитые. Все это великолепие украшала черная шляпка из фетра с бархатной лентой. Лаковые полусапожки, перчатки и шарфик сероватого оттенка, найденные заботливой теткой, прилагались в подарок. Лиза, зачаровано смотревшая закрытый показ одежды перед главным просмотром, попросила восхитительную юбку с встречными складками спереди и сзади и вязаный свитер в тон юбке. Алочке досталось пальтишко из фуле и красные резиновые сапожки.

Глава 28

Опустился вечер тихий, теплый. Дети заснули. Год назад Лиза родила еще одну девочку, Анечку, маленькую куколку со слегка припухлыми голубыми глазами. Она чуть не потеряла этого ребенка и старалась не вспоминать то происшествие.

Маша тогда вбежала прямо на лекцию, и испуганным голосом сообщила, что автомобиль Владимира попал в аварию, что звонила Нюра, а ей звонили из больницы. Лиза смотрела на нее не понимая, что та говорит, потом бросилась из аудитории, выскочила на улицу:

– Куда? Куда повезли? – кричала она, выбежавшей вслед Марии, мечась по двору.

– В Бакунинскую, вроде как, сюда за тобой ехал.

Лиза бежала, не разбирая дороги, в больницу – здесь недалеко. Кидалась, как сумасшедшая в кабинеты, ища мужа. Он сидел на лавке в коридоре у окна в окровавленной рубашке.

– Что? Где рана? Где? – выла она.

– Это не моя, – успокаивал он ее, испугавшись, – это кровь водителя Юры, – и он показал головой на дверь операционной.

– Не твоя? – бешеными глазами скользила по его телу, – не твоя?

Юрия оперировали три часа, Лиза за это время не проронила ни слова, стояла у окна и плакала. Владимир виновато смотрел на нее, хотя в этой аварии не было виноватых – лопнула крышка и автомобиль влетел в столб. Врач прогнозов не давал, сказал ждать до утра, а там видно будет.

– Пойдем, – дотронулся до ее плеча Владимир.

– Пойдем, мы устали, – бледными губами прошептала Лиза.

Лиза сразу легла на диван, как вошли в квартиру, прямо

так, не переодевшись, ей было нехорошо, сильно тошнило и болел бок.

– Хочешь я буду ходить пешком? – усмехнулся Владимир.

– Нет, не надо пешком, – она помолчала и зарыдала. – Больше не смей, не смей..., ты не можешь еще раз бросить меня, понял меня, ты понял меня? – давясь слезами рыдала она.

Он подсел подле нее на пол, гладил руки, целовал.

Нюра носилась вокруг них, напуганная до смерти, принесла грелку – отогреть холодные ноги Лизы, потом горячего чаю – отогреть все еще холодеющую от ужаса ее душу.

– Я беременна, – тихо прошептала Лиза, успокоившись наконец. – Поздравляю.

– Так любить нельзя, – беззвучно прошептала Нюра, поэтому ее никто не услышал... и хорошо, наверное.

Владимир частенько заезжал за Лизой в институт после занятий, она была беременна третий месяц. На этот раз беременность протекала вполне сносно, но ее тошнило по утрам, она уставала к концу дня, чувствовалось, что она сдерживает раздражительность.

Он стоял у автомобиля, смотря на парадный вход института. Лиза быстро вышла, за ней выскочил молодой человек, забежал вперед, перегородив ей дорогу. Потом резко выхватил у нее портфель из рук, показывая всем видом, мол попробуй отними. Лиза, скрестив руки на груди, молча удивленно смотрела на него. Он нагло на нее. Владимир, слегка

прихрамывая, подошел к наглецу сзади, выхватил портфель и ткнул его в бок. Тот от неожиданности отскочил. Лиза, подойдя к мужу, взяла его под руку, поцеловала в щеку, попыталась повести к машине.

– Это студент, брось..., – попыталась объяснить она, но не закончила фразу.

Владимир вывернулся и пошел в сторону студента. В Лизиной красивой головке за секунду прокрутились все возможные сценарии окончания этого происшествия. Она, как кошка выскочила перед Владимиром и вlepила наглому студенту оплеуху, да такую звонкую, что обернулись все стоявшие во дворе. Студент от неожиданной боли схватился за щеку и что-то негромко сказал.

– Сволочь, – так же негромко ответила ему Лиза, резко повернулась к мужу, схватила его под руку и потащила к машине.

– Это ты за меня дралась сейчас что ли? – спросил он ее и засмеялся. Лиза через мгновение смеялась вместе с ним, хотя пальцы и ноги ее дрожали.

– Что ему нужно было? Он в тебя влюблен? – спросил Владимир уже дома.

– Сомневаюсь, – ответила Лиза устало. Думаю, это из-за экзамена. Этот Иван Скрипка ленив, знает предмет плохо, но карьерист. Сначала он конфетки носил, потом, видимо, решил пошустрить. А, ну его, обними меня, я перенервничала, – капризно попросила Лиза и Владимир замолчал.

Спустя неделю Скрипка испуганно брал билет, боясь смотреть Лизе в лицо. Зачитал вопросы.

– Хороший билет, – спокойно ответила Лиза, – идите готовьтесь.

Скрипка отвечал хорошо, допустив всего несколько неточностей. Лиза поставила ему «хорошо» и похвалила.

– Спасибо, простите, пожалуйста, – негромко попросил Иван.

– Прощаю, – ответила Лиза и вызвала другого студента.

Лиза сидела на диване, забравшись с ногами, смотрела на мужа, открывавшего бутылку вина. Багровый напиток окрасил нежное стекло бокалов.

– Ты стал еще красивее.

– Серьезно? – вскинув брови, улыбнулся Владимир.

– Да.

– Ты бы выбрала меня снова?

– Да.

– И полюбила бы?

– Да.

– Люблю твои односложные ответы, – усмехнулся Владимир.

Лиза наслаждалась ароматом вина, поднеся бокал к носу, потом пригубила:

– Ууу, какое вкусное.

Владимир смотрел влюбленно на нее:

– Почему ты делаешь все так красиво?

– Что ты имеешь в виду?

– Все: хоть ешь, хоть пьешь, хоть смеешься, хоть, даже, ругаешься.

– Неужели? – засмеялась она, – ну это я для тебя стараюсь, наверное.

– Я знал, что родился счастливым, – продолжая смотреть на Лизу, заключил Владимир.

– Отчего?

– В день моего рождения, на небе сияло две радуги, и они танцевали, – рассказывала мама.

– Мама? Ты разве можешь помнить это?

– Это помню. Она сказала тогда: «Что бы не произошло, не бойся, все наладится – ты счастливчик».

Они молча сидели в темной тишине, только глаза горели, выдавая их чувства.

Их ночь была такой же нежной и горячей, как всегда. Он покрывал ее тело нежными поцелуями, она отвечала едва слышимыми всхлипами. Он брал ее нежно и страстно одновременно. Ее душа начинала играть пассакалия Генделя/Хальворсен – музыку ее любви. Она закручивалась вверх, словно спираль – туда к блаженству и дальше – к звездам, а потом слетала вниз под нежный стон. Он этого всегда ждал и его внутренний голос начинал кричать и петь под аккомпанемент ее музыки. Они засыпали, уставшие от ласк и любви, сплетаясь руками и ногами, как обычно, а клавишинная сюита пассакалия торжественно-печального характера с повто-

ряющимся одним и тем же темпом в басу, переложенная для фортепиано, продолжала звучать, внедряясь в их сны.

Глава 29

Лиза помогала Владимиру одеваться. Выглаженный костюм висел на плечиках, белоснежная рубашка блистала рядом на стуле.

Владимир так же красив, как и прежде, высокий, статный, возраст его только красил, немного посеребрив виски, придав взгляду уверенности, а мозгам мудрости. Сегодня его вызвали в Министерство путей сообщения. Его уже приглашали в горком партии для беседы и общения. В 1950 году Владимир окончил Московский институт инженеров железнодорожной отрасли, переведясь с геологоразведочного института, работал на Курском вокзале несколько лет, сейчас трудился в должности начальника Белорусского вокзала.

Лиза переживала, ей бы хотелось, чтобы они все оставили мужа в покое. Она в этом году только согласовала отпуск свой и его. Собирались ехать в Пятигорск на грязи и сероводородные ванны. Ежегодные поездки в санатории приносили ему пользу, старые раны болели меньше. Им это новое назначение срывало все планы, Лиза боялась, что в этом году он в отпуск уйти не сможет.

Вечером вся семья ждала возвращения Владимира за накрытым столом. Лиза заметно нервничала, девочки шумели. Алла росла серьезной аккуратницей. Каждая ее вещь лежала на своем месте, все в ее поведении было по правилам, отве-

чала на вопросы она вдумчиво, что-либо предлагала рассудительно, чем нередко смешила до слез отца. Она была папина дочка во всем. Похожая на Лизину мать, имела все манеры отца. Умная, начитанная, училась хорошо, прилежно вела себя. Только один раз за все время ей сделали замечание, когда она на уроке читала «Тимур и его команда» Гайдара в десятый раз, пряча книгу под партой.

Анна была другая: веселая, легкомысленная хохотушка, красивые голубые глаза ее выражали лукавство и любовь ко всему земному. Учиться она не любила, а вот наряжаться обожала и все в материны наряды, которые ей были не в пору, но безумно шли. Сестры часто ссорились, чем огорчали Лизу.

Владимир зашел в квартиру. Лиза бросилась его встречать.

– Ну что? Да, говори уже! – нетерпеливо требовала она.

– Заместитель министра путей сообщения вам подойдет?

– Неет! – воскликнула она.

– Да, да, так.

Лиза смотрела на него жалеючи, хватит ли у него сил на такую работу. Допоздна сидели за столом, девочки давно пошли спать. Эмоции, их переполнявшие, были и приятные, и тревожные, и волнительные, и пугающие. Владимир сидел в кресле, в брюках и рубашке, задумчиво. Лиза переделалась за ширмой в бархатный халат, уютные тапочки.

– Не знаю, хватит ли у меня умений для этой должности? –

взволнованно обратился к жене Владимир.

– У тебя? Умений то у тебя хватит, не сомневаюсь, а хватит ли здоровья – вот вопрос. Если ты будешь так же пропадать сутками на работе, девочки тебя скоро узнавать перестанут, – она села ему на колени, обняла за шею.

– Знаешь в чем преимущество высокого начальника? – шутил Владимир. Работают подчиненные, а ты наставляешь, руководишь.

– А ты так умеешь? – тихо засмеялась Лиза. – Когда приступать к работе?

– Через месяц, сначала здесь сдам все дела, потом приму те.

– Раздевайся, пожалею тебя, так и быть, – прошептала Лиза ему на ухо, на что тот радостно улыбнулся.

Новая работа захватила Владимира полностью, Он наслаждался ею, отдавая все свои силы, знания, умения, не стеснялся учиться у других, сам передавал собственный опыт с удовольствием. Команда, сплоченная вокруг него, горела идеями, планами.

Железнодорожная отрасль развивалась стремительно, началась модернизация, вокзалы восстановили, паровозы перешли на тепловую тягу, полным ходом шла электрификация путей сообщения, автоматизация. Сравнительно недорогие железнодорожные перевозки грузов и пассажиров заняли в стране главенствующее место.

– Как должность накладывает свои отпечатки на поведе-

ние, манеры и даже внешность, – умничала Лиза, помогая одеваться мужу. Она делала это всегда, во все времена – помогала ему одеться. Почищенные и отглаженные костюмы, белоснежные сорочки, до блеска начищенная обувь были готовы к выходу в любой момент.

– Ты о чем? – не понял Владимир, – я изменился? Надеюсь не в худшую сторону.

– Нет, просто ты стал увереннее, даже в походке, Ты стал хромать по-другому. У тебя боли, случайно не усилились?

– Нет, не усилились. Что ты придумываешь?

– А у вас там много женщин? – дальше пыталась Лиза мужа.

Он смотрел на нее, прищурился глазами.

– Одна и ты ее хорошо знаешь.

– Это хорошо, это я еще не пришла к вам туда зачем-нибудь, увидят меня, какая я мегера.

– Они знают о тебе – бабские сплетни, думаю.

– Да, а что говорят?

– Правду, в принципе. Говорят, то ты красива, одеваешься у личного портного, преподаешь в лучшем ВУЗе. Брось, зачем зря говорить, послушай лучше вот что.

– Ты о чем? – Лиза насторожилась.

– Я узнал кое-что про Анну Петровну.

– Да? А что ж ты молчишь. Говори, – нетерпеливо потребовала Лиза.

– Живет в Алма-Ата в частном доме с ухоженным садом..., одна с мужем.

– А Артем? – непонимающе спросила Лиза.

Через неделю Лиза оформила отпуск на неделю и поехала в Алма-Ата на поиски брата. Владимир не слал отговаривать ее.

Лиза подъехала на такси к очень миленькому дому в цветах, с аккуратными дорожками, раскидистыми яблонями, ажурными забором и калиткой. Анна Петровна седая, но все такая же возилась у сарая. Обернулась, сразу узнала Лизу, пошла к ней.

– Лиза! – воскликнула негромко и обняла ее. Долго стояли обнявшись в тишине. Лиза боялась спрашивать о чем-либо, но почувствовала, что Артема больше нет.

– Утонул в канальчике, купались с детьми, маленький такой канальчик, – только и смогла произнести она. Молча пошли к столу в саду, Анна Петровна налила чаю, предложила пряников. Пошла в дом, принесла фотографии Артема. Лиза узнавала в нем черты отца, улыбку, изгибы бровей, ямочки на щеках.

– А почему он ни разу не написал мне, я ждала? – спросила Лиза.

Мачеха смотрела на нее грустно.

– Я ему всегда о тебе говорила плохо.

– Почему?

– Не знаю, – отрешенно ответила мачеха.

– Спасибо за чай, – тихо произнесла Лиза и пошла со двора. Бежала до вокзала, плакала: «Гадкая, гадкая баба». Ей

безумно хотелось домой в сию же минуту, но ехать было до Москвы целые сутки.

Дочки выскочили на голос Лизы, Владимир пылко всматривался в ее лицо.

– Ну что, мам? – допытывалась Алла.

– Потом расскажу, – негромко ответила Лиза и пошла в свою комнату.

Владимир подозвал девочек и приказал ничего больше у матери не спрашивать, когда захочет, сама расскажет.

Только спустя неделю, когда Лиза смогла об этом говорить, она рассказала про Артема. «Он был похож на отца, умный, очкарик. Он сейчас на небе», – добавила она шепотом.

Глава 30

Лиза вела несколько групп английского языка и две немецкого. Она любила свою работу. Большие аудитории, лингафонные кабинеты, с утра до ночи иностранная речь и неповторимый запах паркетной мастики – все это она обожала. Любила свой дом, такой же уютный и красивый, как при родителях. Любила своего мужа безумно, дочерей, Нюрочку с Сашей, соседей.

– Это все от счастья, – говорила Лиза своей бессменной подруге Маше. Маша преподавала в этом же институте, вышла замуж за своего бывшего преподавателя, овдовевшего в годы войны. Но любила она того красивого горца, который разбил ее сердце и пропал. Маша несколько раз хотела ис-

кать его, но не решалась. «Лучше буду считать, что он бросил меня, чем, что его убило. Так легче... , кто бы мог подумать», – понимала она.

Алла с Аней подрастали. Владимир сутками пропадал на работе, Лиза не ругалась, только пристально следила за его здоровьем. Она взяла на себя воспитание детей: водила их в школу, на кружки, в театры, на концерты, на каток и еще везде. Обе учились в музыкальной школе к тому же.

Нюра с Сашей год назад уехали от Черноглазовых. Нюра вышла замуж за железнодорожника, раз пришедшего по поручению Владимира за большим тяжеленным атласом автомобильных дорог, составленным еще до войны. Благодаря Нюре и Саше, проживающих с Черноглазовыми, их квартиру не уплотнили, как это делали со всеми излишками площадей. А после назначения Владимира на министерскую должность уже и не уплотнят, министрам выдавали жилплощади и побольше. Теперь Черноглазовым полагалась уборщица и повар, если Лиза захочет. Она не отказалась.

За окном бушевала метель, стучала в окна, просясь в тепло. Владимир лежал на диване, он уже неделю был на больничном – его скрутил радикулит, а может старые раны дали о себе знать. Лиза сидела рядом, тихим голосом рассказывая о работе. Алла училась на первом курсе педагогического института на литературном факультете. Она выбрала этот институт за архитектурные изыски. Она тогда смотрела на главный корпус института на Малой Пироговской улице

полчаса. Потом, изучив атлас памятников истории и культуры Москвы, рассказывала собравшейся за столом семье:

– Здание это построено по угловой симметричной композиции. Над корпусом возвышается купольная ротонда с доорической колоннадой, к которой примыкают крылья здания. Оно напомнило мне птицу, летящую против ветра. Я буду учиться в этом институте.

Сегодня утром она сказала матери, что согласилась встретиться с ее студентом Петром Романовым.

– Где ты его увидела? – вскричала мать, – А тебе не рано встречаться с Петрами?

– Я люблю его, и он меня. Я приходила к тебе на работу как-то, он увидел меня, влюбился, ухаживал за мной полгода. Не нервничай так, мы просто будем встречаться.

– Просто! – в ужасе перебила ее Лиза. – Он заканчивает институт этим летом и его отправят на работу в Европу, и он должен будет жениться до командировки.

– Значит поженимся, – ответила серьезно Алла и ушла в свою комнату.

Лиза не знала, как об этом рассказать Владимиру. Еще эта его болезнь. Она хотела запретить Алле всякие мысли о любви. Но Владимир сам начал:

– Алла влюблена?

– Да, – выпалила Лиза.

– В кого?

– Наш студент с последнего курса, с группы разведчиков.

– Пусть едет, не мешай ей. Не нужно, чтобы она страдала понапрасну. Боль из-за любви нестерпимая, – он посмотрел на Лизу улыбнувшись.

– Хорошо, – тихо огласилась Лиза.

Наступило лето. Алла примеряла свадебное платье. Она выбрала себе скромное белое кружевное платье чуть ниже колен. Белый веночек украшал голову. Свадьбу же играли пышно – в ресторане Москва. Молодые потихоньку улизнули раньше всех. Аня все расспрашивала, куда они подевались. Лиза поглядывала на Владимира смущенно – знала куда.

Через неделю молодоженов провожали в аэропорту. Самолет Москва-Лондон улетел без задержек.

– Грустно, когда дети улетают из родного гнезда, – плакала Лиза, сидя в углу дивана.

– А ты подумай, как они счастливы сейчас, – отвечала ей Нюра, накрывающая ужин, – нам нужно радоваться за них наоборот.

В дверь позвонили – это с прогулки вернулась многодетная семья Вали и Тимофея. Они приезжали на свадьбу всем семейством: четырьмя сыночками и лапочкой дочкой.

Лиза зря волновалась, все у Аллы было хорошо. В 1963 году, через год, у нее родилась дочь Елена прекрасная, точная копия своей красивой бабушки.

Глава 31

– Лиза! – позвал громко Владимир.

Лиза вбежала в комнату:

– Что? Тебе нехорошо? – спросила испуганно.

– Нет, нет, проснулся, испугался, не понял где я.

– Ты что? Успокойся, попей воды, – она подала стакан воды, присела рядом. – Успокоился?

Последние годы Владимир совсем сдал, все чаще болел. старые раны, сердце, давление. Он уже давно ушел на пенсию, как и Лиза, они жили все тут же, любясь из окон Кремлем. Их младшая дочь Анечка с семьей жили в Москве, Алла со своим мужем работали за границей, дочь Аллы Елена с мужем и сыном Володей тоже жили в Москве. Почти каждый день кто-нибудь из них, а то и все вместе навещали Лизу с Владимиром, не давая им скучать. Владимир обожал внука Володю, которого назвали в честь деда и который на деда был похож очень. Лиза хлопотала по дому и заботилась о муже: приводила домой врачей, профессоров, светил страны, которые лечили Владимира хорошо. В этом году ему исполнилось семьдесят четыре года. На день рождения собралась семья в полном составе. Тогда первым слово взял Владимир. Его речь сводилась к тому, что в жизни всегда есть место чуду, в которое надо верить обязательно. Ведь так бывает, что человек со смертельным ранением сможет прожить еще почти пятьдесят лет, обзавестись потомками и даже увидеть, как растут внуки. Я уже немолод, сед, но все так же влюблен, как и прежде в одну и ту же женщину. Она и есть его чудо. Дети, прослезившись, целовали и поздравляли родителей.

– Снилось мне детство, вернее приснилось то, что я ду-

мал, что забыл, а сейчас вот вспомнил. Как это называется? Скажем, «сон наяву».

– А что снилось? – спросила, улыбаясь Лиза, поправляя одеяло.

– Будто я с отцом идем по станице или деревне за руку, я так гордо его руку держу, не он мою, а я его, прохожие здороваются с нами. Яблоня на дороге растет возле дома. Отец сорвал яблоко, красное, сочное, цвета рябины. Женщина вышла: «Не балуй», – говорит. Отец извинился. Она в фартук нарвала яблочек и протянула: «Угощайтесь». Сладкие яблоки были. Помолчав, добавил, – я больше отца помню, а маму мало. Приготовь кофейку.

– Тебе ж нельзя, ну что ты как маленький.

– Приготовь, можно, очень хочется.

Владимир любил кофе крепкий, чтобы горький, без сахара, с пенкой и ароматом на весь дом.

Лиза пошла на кухню. Слезы душили ее, еле держалась при муже. Он попросил собрать детей, объяснив тем, что соскучился. Сдерживая рыдания следила, чтобы кофе не убежал из турки.

– Ой, как вкусно! – воскликнул Владимир, как только Лиза занесла чашечку кофе в комнату, – давай, скорее.

– Леночка звонила, идут с Володей.

– Хорошо, – довольно попивая кофе, прошептал Владимир. Почитаю ему. Я люблю ему читать, он такой благодарный слушатель. Останутся у нас?

– Да, Николай в отъезде где-то.

– Володька – мой человек, – гордо заявил Владимир, понимает меня с полуслова.

– Он же еще мал, – засмеялась Лиза, ему ж только пять.

– Взрослый, уже пять лет. Что Алла?

– Алла приедет на следующей недели, на целых десять дней – оформила отпуск. Аня с детьми завтра придут.

– Что Анькин футболист?

– Бегаёт, что ж еще. Не дразни ее, она любит его и обижается на твои колкости в его адрес. Ты ведь любил футбол?

– Да, любил, – потянувшись, вспомнил Владимир, – помнишь, как я потерял тебя на Динамо? Ох я и волновался, думал уведут тебя.

– Я-то тебя не потеряла из виду, просто не могла пробраться через толпу. Хихикала, как ты метался, ища меня, – она поцеловала мужа в щеку. Пусть бегаёт. Спартак – команда известная, он хорошо зарабатывает, дом – полная чаша, все вещи из-за границы.

– Его же никогда нет дома, все на сборах каких-то.

– Это правда, они его редко видят, – согласилась Лиза.

Позвонили, Лиза пошла открывать. Шумно вбежал Володя и бросился сразу в комнату деда, крикнув с порога: «Привет, ба». Вскоре он уже, протиснувшись между дедом и спинкой дивана, слушал сказку «Пиноккио». Елена, покачивая головой, собирала, разбросанные по комнате сапожки, куртку, шарф.

Анна с детьми пришли с утра. Аня красива, умна, закончила институт иностранных языков, тот же, что и мать, преподавала в школе французский язык. Ее дети учились в школе, деда с бабушкой любили. Владимир хотел было съязвить про мужа-футболиста, но Лиза закашлялась, и он замолчал. К обеду появился и сам футболист. Высокий, крепкий, здоровьем так и пышет. Принес в подарок Владимиру миниатюрную механическую железную дорогу – купил в Гамбурге. Дети визжали от восторга, запустив гудящий паровоз. Владимир оценил внимание и решил быть понисходительнее к футболистам в целом.

Футболист Андрей был на шесть лет младше жены. Саму Анну это обстоятельство никак не смущало, и она не понимала почему смущает других. Между тем Андрей был очень обаятельный человек: всегда внимательный, остроумный, начитанный, что выяснялось при беседах, в компаниях был заводилой. Лизе он нравился, Анна его любила, а дети обожали. Только Владимир бурчал на его счет, но и то сменял гнев на милость, стоило им разговориться за рюмочкой на мужские темы, и уж тогда их было не оторвать друг от друга.

С утра пришла Нюра. Постаревшая, но такая же шустрая, внимательная, разговорчивая. Рассказав за десять минут о делах Саши пошла с Лизой готовить обед. Анна и Елена рассматривали немецкий журнал мод, восхищаясь моделями одежды предстоящей весны. Они дружили, как подруги,

не смотря на возраст – все же тетка и племянница.

Пообедав, помыв посуду, молодежь с детьми пошли гулять на Красную площадь. Нюра, посидев еще с полчаса, тоже попросилась домой.

Темнело, Лиза сидела в ногах мужа, он задумчиво молчал, думая о своем.

– Хорошие у нас дети, – произнес наконец, хотелось бы посмотреть, как подрастут внуки.

– Захотим и увидим – все же в наших руках, – заверила его Лиза.

– Я, кажется, дописал свою книгу. Большую, интересную и она только о хороших, нет, прекрасных людях. Как распорядилась, ведь, судьба – на моем пути не было плохих людей. Многие из них шли со мною в ногу.

Лиза плакала негромко. Владимир молчал.

– Отпусти меня, не надо плакать, я чувствую, что мне пора.

– Не могу, – рыдала женщина. Не смогу.

– Мне пора, Лиза. Я хотел бы уйти достойно, в здравом уме, рядом с любимыми людьми. Я раньше думал, как это страшно оставить любимых, а теперь понял, что уйти в окружении родных – это удача.

– Ну, о чем ты говоришь? Завтра приедет профессор, ведь надежда...

– Стой, Лиза, ну послушай. Я ведь последние десять лет терпел боли только ради тебя, не мог оставить и уйти. По-

сле смертельного ранения я прожил так долго, такую яркую счастливую жизнь. Я прожил в любви, которая не остывала ни на секунду. Спасибо тебе, счастье мое.

Лиза накапывала ему корвалол – сорок капель успокоят его и помогут заснуть.

– Я тогда, первый раз, стоял у института, ждал тебя. Ты вышла нарядная, в лазурном пальто, безумно красивая. Я подходил к тебе, а сердце колотилось, чувства с глаз искрились, боялся ужасно твоего ответа – вдруг прогонишь. А ты обрадовалась мне. Подумал: «Братец, да ты счастливчик!» Я все годы нес в своем сердце чувство влюбленности: когда сердце трепещет при встрече, когда не можешь отвести взгляда, когда не можешь дождаться возвращения домой.

Молчали, Лиза рыдала. Ей хотелось броситься за детьми, душа рвалась.

– Я люблю тебя, я влюблен в тебя, милая моя.

Владимир устал за день, может корвалол подействовал, но он уснул. Лиза бегала от окна к окну в панике, выглядывая детей.

Так и не дождавшись Аллы он ушел тихо, улыбнувшись всем, прошепचा: «Берегите себя». Лиза на удивление не рыдала, распорядилась по похоронам, заказывала гроб, венки, цветы, обзванивала друзей и знакомых, принимала соболезнования.

Напуганные дети думали, что она приняла его смерть, ведь отец все объяснил и со семи попрощался.

А утром следующего дня Анна не смогла разбудить мать.

Под громкие рыдания детей Лиза шла навстречу, смотревшего на нее с укоризной, Владимира.

– Только с тобой, ты же знаешь, не злись, – прошептала она, прижавшись к нему. Он заулыбался и, взявшись за руки, они пошли вперед.

– Здесь тоже есть солнце! – воскликнула Лиза. Огромный солнечный шар поднимался над горизонтом. – И любовь, – подумала она, смотря на мужа. Ее сердце трепетало от любви, а внутри бушевало желание, как тогда, в первый раз.